

Katherine Ewell

Dear Killer

Perfect in her methods.

Precise in her madness.

Правило Первое — не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное».

Правило Второе — соблюдай осторожность.

Правило Третье — при возможности используй ноги, потому что они самая сильная часть тела.

Правило Четвертое — бей сразу насмерть. Первый удар должен быть и последним, если это возможно.

Правило Пятое — письма — единственный закон.

Кит серьезно относится к роли прославленного на весь Лондон «Идеального убийцы». Письма и деньги, присылаемые на ее тайный «почтовый ящик» — не игра; да и выбор жертвы происходит не под властью импульса. Каждое полученное письмо начинается со слов «Дорогой убийца», и каждый раз, когда Кит убивает, она оставляет письмо на трупе. Моральный нигилизм и убийства подобным образом — образ жизни. Единственный образ жизни, который она когда-либо знала.

Но однажды приходит письмо, такое же идеальное, как и ее убийства, способное сломить убеждения Кит, и ей приходится решать: следовать своим правилам или перечеркнуть Первое Правило и придумать другое.

«Дорогой убийца» Кэтрин Юэлл — зловещий психологический триллер, исследующий тонкую грань между добром, злом и неминуемой неразберихой моментов, когда жизнь ставит под сомнение все, во что веришь.

Кэтрин Юэлл

Дорогой убийца

Посвящается моим родителям, которые совершенно не похожи на персонажей этой книги.

Глава 1

Правило первое.

Не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное».

Это самая основная директива, она же самая трудная для понимания большинства людей — но я запомнила ее на всю свою жизнь. Еще с того момента, как сжимала шею своей первой жертвы, помню ее и сейчас, думая о крови под ногтями, оставшейся от крайней из них. Не существует градации на плохое и хорошее. Разными людьми одно и то же может быть воспринято по-разному. Истина вне морали — и это не просто мнение.

Во мне нет жажды убийств. Слышала я о серийных убийцах, которые любят это дело, они живут ради мгновения, когда их жертва перестает дышать. Они упиваются этим мгновением. Для меня убийства — это приобретенная привычка и следствие воспитания. Я бы могла завязать и никогда больше к этому не возвращаться.

Но не могу, не сейчас. Мои внутренние убеждения подверглись испытанию. Во мне начали роиться сомнения. Но я их преодолела.

Меня зовут Кит, но многим я известна как Идеальный Убийца.

Я убиваю на заказ. Я общественная наемница. Но служу я только Ее Величеству Смерти.

Сегодня воскресенье, на дворе конец лета. В школе только начались занятия. Дело было днем, хорошим днем, когда еще слишком тепло для свитера и уже слишком холодно для одежды без рукавов. Раздражающая погода. Но, если честно, сейчас мне погода как-то по боку. Сложно задумываться о чем-то таком, когда с минуты на минуту получишь предоплату.

Медленно шагая по тротуару, я представляла, как выгляжу со стороны. В глазах незнакомцев я обычная девушка-подросток, ростом немного выше среднего, блондинка с карими глазами, довольно симпатичная, но не врезающаяся в память; они видят приятную девушку в повседневной одежде, слегка потертых на коленях джинсах, с серебряным браслетом от «Тиффани», являющимся единственным показателем не совсем скромного семейного благосостояния. Они увидят темные глаза в обрамлении темных ресниц, выступающие ключицы и небольшую россыпь веснушек на тонком, как у Одри Хепберн, носике, единственной по-настоящему красивой части бледного лица — но распознают ли они под этим образом убийцу?

Нет. Не распознают. Никто этого не сможет.

Я не восхваляю смерть, но мне нравится флер таинственности. Она заставляет меня почувствовать себя кем-то вроде супергероя, ведущего двойную жизнь. Одна жизнь простая и обычная, а другая — жизнь знаменитости. И я была знаменита. Я стала самой известной серийной убийцей Лондона со времен Джека Потрошителя и мне это нравилось.

Внезапно у меня в голове вспыхивает воспоминание восьмилетней давности, мне тогда было девять. Я помню все до мельчайших деталей, помню его остекленевшие глаза и синяки на шее, оставленные моими руками...

Раньше это подобие почтовой ячейки принадлежало моей матери. С нее все и началось. В свое время она не была такой, как я. Она мечтала убивать, без этого она не могла, она испытывала крайнюю необходимость сеять по миру свои уникальные принципы, она жаждала крови. Для меня же убийства являлись скорее работой, чем призванием. Но, конечно, как и я, она не была глупа. Ей хватало ума оставаться не пойманной.

В конце концов, обстановка стала слишком неустойчивой, из обрывков бесед и случайных комментариев выяснилось — ее могут раскрыть. Хотя ее никогда ни в чем подобном не подозревали. Каждый раз, говоря об этом, она подчеркивала всю важность; она была близка к грани, но успела опередить события. Ей пришлось остановиться, чтобы обезопасить себя.

Она остепенилась, завела семью. Вышла замуж за тщательно отобранного кандидата — несведущего, занятого и замкнутого. Но главный критерий отбора был в том, чтобы он не понял, кто она такая и кем в будущем стану я. Потому что, даже перестав убивать, она грезилась убийствами — смерти стали для нее необходимостью, ей необходимо было знать, что кто-то перенял ее опыт. Так что она обучила меня. Она родила себе замену, сделала меня своим подобием; она жила через меня. Ее наследие перешло ко мне.

Со временем ячейка тоже перешла ко мне. Когда мне было девять, мы вместе разбирали письма, а в двенадцать контроль за ней был полностью передан мне. В тот промежуток, между девятью и двенадцатью годами, я убила всего четверых, но когда ячейка полностью перешла в мои руки, счет увеличился — десять человек за год. Когда больше, когда меньше, когда несколько жертв за несколько недель, а когда вообще никого на протяжении нескольких месяцев — но я старалась придерживаться указанного.

И, как у мамы, у меня был свой опознавательный элемент. Она вырисовывала маркером сердца у жертв на груди, правда, она была не такой урожайной убийцей, как я. Ей не дано было достичь моей славы. «Идеальный Убийца» — не тот человек, которого в Лондоне не знают и не опасаются.

А как меня прозвали! СМИ любят громкие заголовки. Не могу сказать, что мне не нравится, ну или что не подходит. Ведь если судить по моему псевдониму, я великолепно справляюсь со своей задачей.

Однако я не одинока в своем таланте. Как-то я увидела фото убийства, выполненного моей мамой, и пускай славы она не сыскала, я не могла не восхититься ее мастерством и аккуратностью. Безупречное убийство. На той фотографии была молодая женщина, так удачно сломавшая шею об угол стола, она лежала наполовину на кресле, наполовину на полу, в разорванной блузке, а на коже чернело карикатурно выведенное сердце. Мама так сильно давила пером, что кожа вокруг приобрела сине-зеленый оттенок.

Меня поразило осознание, что когда-то она была настолько сильной.

Моя фишка, скорее всего, и стала главной причиной моей славы. Я оставляла письмо.

Я шла по Кингс-роуд, делая вид, что любовалась одеждой в витринах и раздумывала на тему посещения кафешки, которую я прошла без каких-либо колебаний. Я медленно брела к нужному месту, не привлекая внимания, сливаясь с окружающей обстановкой, подобно хамелеону. Я обратилась в невидимку. Никто не обратил бы на меня внимания.

Я остановилась и заглянула в витрину приятного на вид кафе под названием «Brass Feather». Оно было новым. Здание, конечно, стояло здесь столько, сколько большинство уже даже и не вспомнит, но само кафе открылось совсем недавно, после того как предыдущее

прогорело. Новые владельцы полностью переделали интерьер. Но туалет остался прежним.

Такова традиция — и поверье.

Сколько бы раз магазин ни продавали и ни покупали, женский туалет никогда не меняли. Не меняли и не распространялись. Как ни странно, о нем мало кто знал, с учетом моей славы. Даже полиция была не в курсе. Или, по крайней мере, я так полагала, ведь они не брали его под свой контроль и не устраивали обысков. А обычно, если полиция вынюхивает что-то подобное, они делают обратное. Они такие примитивные в своих предписаниях.

Я улыбнулась и вошла внутрь. Стены, выкрашенные светло-коричневой краской, дарили тепло и уют. Шаги мягко отстукивали по деревянному полу. А здесь славно. Люди за ближайшими столиками разговаривали, шушукались и смеялись, или читали газету, или писали смски-играли-болтали по телефону. Легкая, универсальная музыка тихо доносилась из динамиков. Но небольшое объявление, напечатанное на принтере и приклеенное рядом с туалетом, оставалось на своем месте, напоминая всем о тайне, которую хранило это место. Я знала, что там говорилось. Я вижу его не впервые. Мне нравилось это объявление. Оно не давало людям забыть о легенде этого места. О мрачной легенде — поверье, которое являлось не такой уж и ложью. Или, точнее, совсем не ложью.

Я направилась к прилавку, пробегая глазами по выпечке под стеклянной витриной. Скучающего вида подросток за ней вяло глянул на меня, как мне показалось.

— Чего тебе? — спросил он таким тоном, будто я успела его как-то задеть.

Я заказала чай Эрл Грей и морковный пирог, и он подал мне их.

— Одиннадцать шестьдесят, — сказал он. Рассчитавшись, я направилась к столику в центре зала. Села за него и радостно приступила к пирогу, растягивая время. Я собиралась проверить почту после еды, а потом бы ушла.

Я внимательно наблюдала за людьми, входящими и выходящими из туалета, мысленно отмечая каждое посещение, принюхивалась к аромату сахара и кофе, витающему вокруг; такое приятное сочетание ароматов, пускай я никогда не была фанаткой кофе.

Для работы мне было необходимо оказаться в туалете в одиночестве. Я ела медленно, тщательно пережевывая, с невинным видом. Все мои чувства обострились. Я выжидала. В этом вопросе главное не упустить момент.

Я хлебнула чай и осознала, что он закончился. Пирог практически тоже. Из туалета вышла женщина, тряхнув темными волосами; там сейчас никого. Самое время идти. Я быстро проглотила остатки пирога, наслаждаясь непривычным сочетанием сладкой моркови и сливочного сыра, и встала, направившись к туалету. Подойдя ближе, бросила взгляд на надпись, висящую рядом с дверью.

ЗАЯВКИ ОСТАВЛЯТЬ ВНУТРИ

Резким шрифтом, будто росчерками кинжала. Не мое указание. Его написал кто-то другой, мой сторонник, но я благодарна за него. Под словами был набросок примерного письма. Обычная почтовая карточка. Любой мог бы заполнить места пробелов и подать собственную заявку.

Ну, в общем-то, так все и работало.

У меня не было времени, чтобы отзываться на каждую. Я же школьница. И если убивать слишком часто, это обязательно привлечет ко мне чрезмерное внимание. В Лондоне я была

знаменитостью, но мне не хотелось становиться всемирно известной преступницей — тогда слишком много людей сядут ко мне на хвост, это слишком опасно, даже для меня. Но я старалась выполнить максимальное количество запросов. Клиенты платили мне деньгами и секретностью. Никто из тех, на чьи обращения я откликнулась, даже тех, кого разыскали и допросили, не выдал полиции адреса этой ячейки. Над ней повисло удивительное заклинание негласности. Полиция не подозревала об этом тайном местечке, что несказанно радовало.

Как я и предсказывала, туалет оказался свободен. Пожелтевшую плитку на стенах, которую не меняли с сороковых годов, покрывала паутина трещин и слои граффити. За дверью, внутри ресторана, еще можно было отрицать легенду, поселившуюся в заведении, но туалет стирал все секреты. Я провела пальцами по надписям граффити, удовлетворенная, переходя от завитков буквы G к прямым линиям буквы T.

«Здесь обитает дьявол» — гласит одна надпись. «Благослови Боже ангелов» — другая. «Он спас меня». Вот это меня подбешивает — все автоматически принимают меня за мужчину. Это ведь *женский* туалет, а? «Мое желание сбылось». «Убийца не услышал». «Это место шутка, обычная городская легенда». «Не смейся». «Смерть настигнет недостойных».

Я проскользнула в третью кабинку и заперла дверь. Над унитазом, как обычно, легко вынимался кусок плитки.

Мне не требовалось надевать перчатки для проверки почты, серьезно, ведь на плитке было столько отпечатков пальцев, что идентифицировать какие-то конкретные не представлялось возможным. Но я все равно их надела, от латекса руки кажутся липкими. Я выковыряла плитку из стены и положила ее на крышку унитаза. Взглянула в открывшуюся небольшую нишу, созданную много лет назад, и улыбнулась.

Я проверяла почту всего раз в два месяца. После последней проверки люди подали много запросов. Ячейка была чуть ли не переполнена, не меньше тридцати писем. Они лежали одно на другом, к некоторым приколоты деньги, к другим приложили конверты с ними. Оплата. Я открыла сумку и, стараясь не шуметь, подхватила стопку писем и запихнула их внутрь, складывая между кошельком и блокнотом. Потом еще одну стопку, бумага шелестела между пальцами, напоминая звуки крыльев птиц.

Я слышала стук каблучков, приближающихся к туалету, приближающихся ко мне. Выругавшись себе под нос, я ускорила, стараясь не выронить ни одного письма. Пускай дверь была заперта, шелест бумаги легко слышать. Я складывала в сумку стопку за стопкой, напряженно и тихо, крепко впившись зубами в губу, пока не ощутила привкус крови. Цокот каблучков уже раздавался в туалете.

Я смыла воду, чтобы скрыть шум, запихнула последние несколько писем, застегнула сумку, поставила плитку на место и, стянув перчатки и сложив их в карман джинсов, вышла из кабинки. Я опустила руки под кран, только для вида, удивившись холодной воде. И быстро вышла из туалета. Слишком близко. Конечно, с подобным ничего не поделаешь. Но я была на грани. По крайней мере, я вышла сухой из воды. Наверно, я везунчик. Всегда им была. Я прошла через кафе, чтобы выйти на улицу, заставляя себя вести себя как обычно. Парень за прилавком одарил меня очередным безразличным взглядом.

Спустя несколько минут обратной дороги по Кингс-роуд домой, я расслабилась. В конце концов, ничего не случилось. Я получила письма и деньги, и никто меня не видел. Как всегда. Так всегда было и так всегда будет.

Сегодня вечером я сяду за письма.

Глава 2

Над Лондоном заходит солнце. Пылающий диск скрывается за горизонтом, окрашивая улицы в разные оттенки красного. Когда на город опускается темнота, настает мое время. Медленно возвращаюсь домой, краем глаза наблюдая закат.

Свое первое убийство я помню в мельчайших подробностях. Такого рода воспоминания никогда не исчезают, их невозможно игнорировать или оставаться равнодушным. Оно возникло несколько минут назад и заполнило все мои мысли, прилипнув как банный лист.

Помню возвышающуюся надо мной мамину тень, наблюдающую, обучающую и направляющую меня. Мне тогда было всего девять лет. Помню тело мужчины — скорее даже парня, — лежащее передо мной, ей пришлось тогда помочь мне, потому что мне не хватало сил сдавить ему горло так, чтобы перекрыть доступ кислорода. Дело происходило в квартире, в конце дня. Помню его красное кресло и маленькую собачку, которую мы заперли на кухне, помню, что он готовил перед тем, как мы пришли, и вся квартира пропахла орегано. Еще помню, как спросила маму, можно ли воспользоваться ножами вместо рук, потому что мне не хватало сил, а она накричала на меня, естественно нет, ведь ножи можно использовать в качестве улики, а мы не имеем права оставлять за собой улики, ведь так? Улики — прокол дилетантов. Поэтому мы убили его голыми руками, точнее, я убила его, потому что, пускай маме пришлось помочь мне в самом конце, она скорее просто убедилась, что последняя капля жизни покинула его синие-синие глаза. В тот, мой самый первый раз, я не оставила письма, я просто убила человека и тихо покинула квартиру, разочарованная, не испытывая чувства завершенности. Тогда я еще не выбрала себе метки. И даже не думала оставлять за собой письма. Такие мысли пришли ко мне спустя несколько дней в порыве нездорового вдохновения.

Это был обычный вечер, похожий на сегодняшний. Только не было столь яркого красного закатного свечения. Странно вспоминать, как я себя корила. Смерть. Смерть была такой настоящей. Я плакала об этом парне. Господи, какой же дурочкой я тогда была.

— С возвращением, дорогая, — поприветствовала меня из кухни мама, когда я входила в черные двери четырехэтажного таун-хауса. Ее голубые глаза, которые я не унаследовала, сияли из-под длинных светлых ресниц; ее волосы, которым я завидовала, потому что мои волосы нельзя было уложить как ее, элегантно подпрыгнули. Ее подбородок словно вытесали из мрамора. Она вписывалась в этот дом, наш дом, выложенный белым кирпичом, украшенный серебряными цветочными горшками и черными ставнями — они прекрасно сочетались. Крутые. Шикарные. Роскошные.

— Привет, мам.

— Как погуляла?

— Я ходила за почтой, — ответила я. Она засмеялась и вернулась на кухню, поманив меня за собой. Я подошла к ней в искусно обставленное помещение. Тщательно продуманное и красивое, нейтральное и дорогое, как и весь дом, но прямо сейчас по кухне растекался пар, погружающий помещение в — ах, какая ирония — таинственную атмосферу. Мама колдовала над кастрюлей на плите, вся кухня пропахла едой. Приглушенно светил свет.

— И как? Есть интересные заказы? — спросила она, оглянувшись на меня спустя

мгновение.

— Я пока не читала, — напоминаю я. Она это знала. Первое правило гласило: не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное». Второе же взывало к осторожности. А читать письма около ячейки — совсем небезопасно.

— Ах, верно. — Она улыбнулась, словно впервые слышала, всем видом показывая демонстративное безразличие, так раздражающее меня. — Тогда отнеси их в свою комнату. Ужин почти готов.

Она помешала ложкой в кастрюле и отложила ее. Какое-то время ни одна из нас ничего не говорила. Я видела, как подергивалась ее левая рука. Знакомый жест — она тосковала по жестокой силе, спрятанной как можно глубже, отодвинутой подальше, потому что она больше не могла ей пользоваться. За ее равнодушием таилось нечто очень опасное.

— Хорошо. — Я сделала паузу. — Папа дома?

— Конечно нет, — сказала она, ни капли этим не расстроенная, или, по крайней мере, не показывала этого мне. Я пожала плечами. Ничего удивительного.

— Тогда я туда и обратно.

Я вышла из кухни и поднялась на три лестничных пролета, чтобы попасть к себе в комнату. Лестница крутая — обычно, если поднимаюсь по какой-то лестнице, я перепрыгиваю через ступеньки и иду быстрым шагом, но в собственном доме подобное нереально. Чтобы подняться, требуется время, и это не так просто, хотя, казалось бы, за семь лет можно бы и привыкнуть.

Так что я шла не торопясь, как всегда рассматривая фотографии на стенах. У нас прекрасная фото-коллекция — моя мама вообще любит коллекционирование. У нас уже есть коллекция китайского фарфора, коллекция старых пластинок, коллекция фотографий и еще куча всяких разнообразных подобных штук. Но больше всего мне нравятся фотографии. От них веет дороговизной, естественностью, а большинство из них еще и старинные. Фотография солнца над Нью-Йорком. Изображение треснувшего льда. Скрипач с закрытыми глазами, от которого так и веет упоением. Они вывешены аккуратным рядком вдоль лестницы, каждая в идеальной черной рамке с белой матовой подложкой. Они так и выделялись на контрасте со скучными песочными стенами.

Моя комната находилась в самой дальней от входной двери части дома.

Я сама не понимаю, почему выбрала ее, когда семь лет назад мы заезжали в этот дом; так часто подниматься по стольким ступенькам было сущей пыткой, но что сделано — то сделано, да и не хотелось мне менять комнату. Мама позволила мне сделать комнату такой, какой я сама хотела, и сейчас она была для меня просто идеальной, чтобы переезжать в другую.

Я вошла и прикрыла за собой дверь. Единственная комната в доме, не оформленная в коричневых, песочных, белых, серых или черных тонах. Она была декорирована в кремово-алых тонах, с дорогими шпалерами и своего рода античной элегантностью — тяжелые, плотные шторы, подушки из жатого бархата, подобного старой бумаге, кровать с возвышающимся балдахинном и резьбой на столбиках, которая выглядела странно похожей на ирисы Моне, богато украшенными цветами в стеклянном подносе, стоящем на моем комод. Ничего лишнего, здесь все стояло на своих местах.

— Твоя комната напоминает будуар женщины в возрасте, — как однажды сказала мне мама, вздыхая о несоответствии дизайна моей комнаты со всем оставшимся домом. Ну, с этим не поспоришь.

Где-то вдалеке залаяла собака.

Я опустила сумку с письмами около кровати и вынула из кармана латексные перчатки. Обернула их обрывками бумаги для принтера, смяла в комок и выбросила в мусорную корзину рядом со столом. Не хватало еще, чтобы чей-то любопытный нос начал интересоваться, что в моем мусоре забыли перчатки. К нам трижды в неделю приходили горничные, потому что Господь обделил маму способностями к уборке. Ей хватало хлопот с готовкой, на этом ее дела по дому заканчивались. Горничные помогали, а мама была признательна, что ей не приходилось ничего убирать, но, честно говоря, их присутствие меня нервировало. Конечно, я прятала не востребуемые письма — я не выбросила ни единого послания; это было бы неосмотрительно. Как и другие вещи, они хранились в тайнике, в ящике с двойным дном, но все равно спокойствия это не внушало. Интересно, как отреагировали бы горничные, узнай они, что убирают в доме убийц...

Пританцовывая, я спустилась вниз и обнаружила маму сервирующей стол в столовой. Вилки, ножи и ложки заняли свое место поверх синих салфеток. Я взглянула на нее с любопытством.

— Мне показалось, ты говорила, что папы нет дома.

— А его и нет. Прости, забыла предупредить тебя — мы ждем гостя. Ты одета вполне сносно, так что не утруждайся переодеванием.

— Гостя? — спросила я, ухмыльнувшись. — Какого еще гостя?

Всякий раз, когда мама приглашала гостей, это было интересно. Иногда она незаметно бралась за дела своего мужа, приглашая людей под предлогом ужина, иногда важных шишек, с которыми выгодно водить дружбу, а иногда просто интересных, по ее мнению, личностей, к которым испытывала симпатию.

У нее был талант заводить друзей, и большую часть времени она его использовала. А при помощи заработков мужа-бизнесмена и ввиду его вечного отсутствия она ударились в дела развлекательные и развлекающие. Бесконечные вечеринки, тщательно продуманные авантюры. Увеселительные поездки в Рим, Вену, даже в Нью-Йорк — при большом желании лететь через океан. Частенько по утрам она появлялась в прихожей с собранным чемоданом, готовая окунуться в новое неожиданное приключение. Папа об этом не знал или, по крайней мере, делал вид, и я прекрасно понимала почему — ей это было необходимо, чтобы не сойти с ума. Она изменилась и стала другой женщиной, иначе было никак. Я понимала. Она переехала, чтобы избежать неудобств после затишья, когда перестала убивать.

Она с головой ударились во все возможные виды деятельности.

Но так было до тех пор, пока она не возвращалась домой. В момент, когда она заходила домой и мы оставались наедине, она как будто сдувалась. Улыбка исчезала, высокие каблуки снимались, а белый пиджак повисал на двери, стоило ей войти в двери места, где не было необходимости поддерживать маскарад в угоду окружающим. Дома, со мной. А до тех пор, пока я была рядом, она ощущала себя частью системы. Осознания, что я стала ее преемницей, хочется верить, для нее было достаточным — что через меня она ощущала вкус свободы. Дома она была спокойнее и счастливее, когда мы составляли друг другу компанию.

Все же иногда у меня появлялось ощущение, что ей этого мало, что в глубине души она кричит. Но чаще всего все было прекрасно, когда мы проводили время вместе, и спокойно.

Но, конечно же, гости — тоже неплохо. Они вносили разнообразие. Что-то новое. Пускай мы наслаждались нашей компанией, но даже мы периодически надоедали друг другу.

Наблюдая, как она сервировала стол, я размышляла, причем уже не впервые, о ее таланте, который мне не довелось унаследовать. А жаль. Она располагала к себе людей, внушала им доверие. Если бы она в свое время не стала убийцей, из нее вышел бы отличный политик. А при нынешнем положении — слишком много тайн она хранила, которые вполне могли раскопать.

— Молодого полицейского, очень талантливое, находящегося на хорошем счету в Скотленд-Ярде, — с улыбкой произнесла она. Еще больше сбита с толку, я посмотрела на нее.

— Ты пригласила *полицейского* к нам домой?

— Что тебя так удивляет. Он приятный человек. Под его неофициальным руководством ведется дело «Идеального Убийцы».

У меня отвисла челюсть.

— И ты вот так просто пригласила его к нам?

— На днях я посещала одну коктейльную вечеринку — твой папа ведь не смог туда отправиться. Так что вместо него туда пошла я. А там был он. Мы разговорились, и я выяснила, что мы просто обязаны пригласить его на ужин.

— Уверена, что это хорошая мысль?

Она оторвала глаза от стола и многозначительно посмотрела на меня.

— Держи друзей близко, а врагов еще ближе, Кит.

О это клише.

Раздался звонок в дверь, звучащий подобно шарманке.

— А вот и он! — радостно воскликнула мама. — Я открою дверь, жди здесь. А вообще можешь начать выкладывать еду. Она в духовке, чтобы не остывала. Расслабься, Кит. Все будет хорошо.

Она упорхнула к двери, а я же тупо смотрела ей вслед. Я напряглась. «Расслабься». Легко ей говорить. Ее дни в качестве убийцы давно прошли, и на ее счету нет такого количества смертей или подобной славы.

Я услышала звук открывающейся двери и затем приглушенные голоса.

Ну вот, у меня дома охотник за моей головой.

Я тихо подошла к духовке и вытащила стейки и пюре, приготовленные мамой. Разложила бифштекс на все три тарелки, после чего выложила на каждую по порции пюре. Постепенно, методично. Я прислушивалась к голосам, доносящимся из прихожей, пытаюсь разобрать их слова. Но у меня не выходило. Голоса становились громче, и я с еще большим усердием попыталась что-то разобрать, но мне снова не повезло. Я подошла к столу из красного дерева и криво расставила блюда на стол; мне было не до того, чтобы поправлять их. Я обернулась.

И он вошел на кухню.

Он был молод. Моложе, чем я ожидала. Точнее, гораздо моложе. На вид не больше двадцати пяти или тридцати лет. Я вспомнила слова мамы, что он только неофициально руководил расследованием моего дела. Он выглядел как блюститель закона, весь, до самых корней. Во всем его олицетворении.

Довольно высокий, со светло-каштановыми волосами и ореховыми глазами, его взгляд был столь суровым и холодным, что, будь он немного моложе, я бы назвала его несколько злобным. Но он улыбался. А также, как ни странно, от него исходила некая надменность, как у профессоров или ученых. Но дело было даже не во взгляде, скорее в напряженной челюсти

и в том, как он держал плечи. С удивительно степенной осанкой. Стройный и жилистый, но в его движениях читалась сила — было в нем что-то кошачье. Одет в серые брюки и белую рубашку с воротничком, словно он только со встречи и снял пиджак и галстук, а его большие пальцы цеплялись за карманы брюк.

Привлекательный. Как-то неожиданно.

Это не имеет значения, напомнила я себе. Он — враг.

Я почувствовала себя неуютно. Не страх, это точно, потому что он не мог меня подозревать, но мне безусловно стало очень неуютно. Как когда тебя обдувает слишком холодным или слишком горячим потоком воздуха. Он и моя мама остановились возле кухонного порога.

Я заставила себя радостно улыбаться, пытаюсь выглядеть крайней дурочкой. Ведь никто не подозревает недалеких людей.

— Алекс, это моя дочь, — взволнованно произнесла мама, указывая на меня.

— Здравствуйте. Я — Кит, — прощепетала я, при этом глупо хихикнув в конце фразы. Он посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся.

— Алекс. Рад знакомству, — сказал он.

— Я слышала, вы инспектор.

Мама прищурилась от удовольствия. Наверно, ей было весело наблюдать, как я вживаюсь в роль наивной глупышки.

— Пока лишь сержант, — опроверг он.

— Ох, но разве вы, ну.. не руководите расследованием убийства? Точнее убийств, или как?

А теперь маму просто душил смех, она закусила нижнюю губу до боли, пытаюсь сохранить серьезное выражение лица. Алекс опустил глаза к полу, а я воспользовалась возможностью и стрельнула в мать предостерегающим взглядом. Она беззвучно захихикала и кивнула, словно говоря «знаю, знаю». Но продолжила смеяться; ну а раз так, мне самой пришлось стараться сдерживать улыбку. Пускай она не проронила ни звука, ее смех был очень заразительным.

— Дело «Идеального Убийцы»? — неуверенно спросил Алекс, поднимая глаза.

— Да, точно.

— Руководжу, но не официально.

Мама уже успокаивалась, делая глубокие вдохи, и приступила к собственной роли.

— Но ведь это вы стоите во главе парада? — Я пожалела об этом комментарии. Прозвучало слишком умно, особенно интонация.

— Ну.. — сказал он и умолк. Он не хотел рассказывать ничего такого, что могло быть воспринято как из ряда вон выходящее. Я немного начала понимать, почему мама пригласила его. Узнать своего врага — хорошая идея.

— Прекрати смущать беднягу, — шутливо отругала меня мама и указала на небольшой стол в противоположной стороне от рабочей поверхности кухни, за которым мы всегда ели. Настоящая столовая была темной и душной — мы садились есть там лишь в особых случаях, когда это было необходимо. — Давайте сядем за стол? Прошу прощения, Алекс, выпить не предлагаю. У нас правило: не держать дома алкоголь.

— Не переживайте, — сказал он, махнув рукой. — Все равно я не пью.

— Садитесь во главе стола, папы ведь нет, — беспечно произнесла я. Он неловко кивнул и, обойдя рабочую поверхность кухни, присел за стол. Мы с мамой последовали за

ним.

Присев, я еще разок хихикаю, на всякий случай. Мне действительно хочется, чтобы он поверил, что я идиотка. Кажется, ему немного неловко в моем обществе, наверно, это потому, что я вела себя как полная тупица, а люди обычно испытывают неловкость в обществе тех, кто менее умен, чем они сами. И это хорошо. С ним получилось еще проще, чем я рассчитывала.

— Как чудесно снова видеть вас, — промурлыкала мама.

— Спасибо за приглашение, — сказал он, взглянув на меня, словно жалея, что пришел. Он совершенно не знал, как себя вести, — столько неуверенности. Я одарила его улыбкой, пытаюсь вселить в него уверенность, и он смущенно улыбнулся в ответ.

Бедняжка! Сидит за столом с двумя убийцами, одна из которых еще и подросток, демонстрирующий явное отсутствие интеллекта. Столько растерянности, что даже немного смешно. Он по-прежнему заставлял меня нервничать, но меня не покидала вся комичность ситуации. Он был не в своей тарелке, как рыбка, по глупости заплывшая слишком глубоко. А теперь, конечно же, назад дороги не было. Мы нашли его и захотели оставить себе.

В наступившем молчании я съела несколько кусочков стейка. Полицейский — как там его, Алекс? — куда-то устремил свой взгляд.

— У вас красивый дом, — сказал Алекс, обводя пространство вилкой. Мама захлопала ресницами и приложила пальцы к шее, словно перебирая невидимую нитку жемчуга.

— О, благодарю! — аристократически произнесла она. Я закатила глаза. Она заметила и вперила в меня взгляд.

На мгновение я опустила глаза в тарелку. Алекс сказал что-то еще, мама засмеялась, но я не слушала. А потом снова наступило затишье.

Через некоторое время я посмотрела на маму и встретила с ней глазами. Алекс смотрел в свою тарелку; нас он не замечал. Мы обменялись долгим взглядом, и я легко улыбнулась. Это была та улыбка, которая означает, что двое делят некую тайну. Причем очень хорошую тайну.

Алекс ушел поздно. Было уже почти десять часов вечера, и в небе картинно горел полумесяц. Обычно я ложилась спать поздно — иногда сильно за полночь, — и мне нравилось коротать время за моими письмами, по крайней мере несколько часов я трачу на то, чтобы прочитать их, запомнить, пробуя слова на вкус, одними губами зачитывая их текст. Но мне завтра в школу, поэтому я не могу засиживаться до утра. Следует быть благоразумной. А благоразумие укорачивает мне время для писем. Сидя у себя в спальне в районе десяти, глядя на отъезжающую машину полицейского, я почувствовала вспышку раздражения, направленную четко в его задний бампер, исчезающий в темноте.

Я сажусь на постель со своей сумкой. Я не вываливаю письма, хоть мне и хочется. Мне хочется высыпать письма, чтобы они разлетелись по всему покрывалу, посмотреть, как они упадут, куда им заблагорассудится. Хочется, чтобы они были повсюду, очень хочется увидеть, как же их много, увидеть, сколько людей жаждут моих знаний и моего характерного, невероятного инстинкта.

Но нет. Ведь их будет слишком трудно быстро спрятать, если кому-то вздумается без приглашения завалиться ко мне в комнату. Не то чтобы я кого-то ожидала, но всегда лучше быть готовым ко всему.

Я надела привычные латексные перчатки, туго обтягивающие мои ладони, чтобы не

оставлять на письмах отпечатков. В последней купленной упаковке перчатки были на размер меньше, и меня это беспокоило, но не хотелось покупать перчатки чаще необходимого, дабы не вызывать никаких подозрений.

Папы все еще не было, а мама уже легла. Свет в доме горел только у меня. Верхнее окно дома светило в темноте пустой улицы. Я взяла первое письмо и открыла конверт. Внутри лежала вдумчиво написанная записка и семь сотен фунтов. Неплохая сумма. Я просмотрела письмо.

Дорогой Убийца,

Я ненавижу свою невесту, но она шантажирует меня, не давая уйти.

Пару месяцев назад я ехал на машине. И ладно, возможно, я переборщил с алкоголем и мне не стоило садиться за руль, но у меня и в мыслях не было ничего плохого. Я просто ехал домой. Но там был красный светофор, и я даже не понял, что делаю, так что проехал на него — но вдруг появился другой автомобиль, водитель вывернул руль, чтобы избежать столкновения со мной, и он разбился и кто-то умер.

Я же просто продолжил движение. Я не осознал, что произошло — дошло только, когда на следующий день услышал про это в новостях. Там сказали, что виновник остался неизвестным и полиция ищет свидетелей произошедшего. Но я не мог сообщить полиции о своей вине — просто не мог. На меня бы повесили уголовное преступление. А подобное разрушило бы мою жизнь.

Но меня грызли угрызения, так что я признался во всем своей невесте. Но потом наши отношения начали разваливаться, и я сказал ей, что хочу уйти. Она чокнутая. Реально сумасшедшая. Я не могу оставаться с ней. Но она сказала, что если я уйду от нее, она пойдет в полицию. Я могу попасть в тюрьму. Меня больше никто не наймет. И все, над чем я работал, пойдет псу под хвост.

Я не могу позволить своей девушке так разрушить мою жизнь.

Убей ее. Ее имя Лили Кенсингтон, а живет она в доме 28 на Ларк Плейс, в Челси. Домой она возвращается в девять.

Авторы писем, подобных этому, всегда отчаянно пытаются доказать мне свою точку зрения, убедить меня, что их просьба действительно стоит моего внимания. И они пользовались этим, не особо опасаясь. Когда письма обнаруживали, их содержимое не предавалось гласности, по правовому обоснованию, хотя общественности и сообщалось о существовании письма; а полиция не могла доказать, кто его написал — я об этом тщательно заботилась. Перед тем как оставлять письма, я удаляла с них отпечатки пальцев, брызгая спреем для приготовления пищи на маслянистой основе; ведь именно присутствие жирных частиц помогало снять отпечатки, поэтому нанесения масла на всю страницу целиком запугывало и препятствовало любым экспертизам, которые полиция могла бы проводить. Такое простое и умное решение.

Его много лет назад придумала моя мама, когда я рассказала ей, что хотела бы оставлять письма в качестве своей визитной карточки.

Я никогда не оставляла доказательств, что письма настоящие. Никаких отпечатков или ДНК заказчиков, ничего. Главное — осторожность. Стоит совершить всего одну ошибку — и ко мне перестанут обращаться, и где я тогда окажусь.

Благодаря моей дотошности, авторов не могли осудить, только подвергнуть допросу; в

письмах они могли рассказать что угодно, не боясь судебного наказания, и они этим пользовались. Конечно, общественность их все равно заклеит. У любого человека найдутся недоброжелатели, которые искренне желают ему смерти — обычно их один-два, не больше. Чаще всего те, кто знал покойного, могут назвать имя автора, даже не взглянув на письмо. Друзья авторов всегда подозревают их в найме убийцы, а иногда, как в нынешнем случае, есть вероятность, что полиция начнет подозревать их и в совершении других преступлений в дополнение к убийству. Хотя, конечно, ввиду вопроса достоверности писем, полиция может никуда и не дернуться со своими подозрениями. Но все это, в конце концов, лишь небольшая плата за исполнение желаний написавших.

На улице легкий ветерок шелестит листьями деревьев, высаженных вдоль тротуара.

Как и подавляющее большинство полученных мной писем, это не подписано. Но ведь очевидно, что его написал жених этой женщины. Конечно, кто-то мог просто назваться женихом. Подобная вероятность всегда существовала. Я могла убить человека не потому, что он заслужил смерти, а потому, что кто-то решил подставить другого, заказав убийство. Я утешала себя тем, что по той или иной причине, по чьим-то меркам те, кого я убила, заслужили смерти.

Правило первое, напомнила себе. Не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное».

Челси — 28 по Ларк Плейс. Девушка жила неподалеку. Это хорошо. Да и деньги хорошие. Отправитель оказался щедрым. Щедрое заказы получали наивысший приоритет. Я отложила письмо в одну сторону, чтобы позже еще раз изучить его, а деньги в другую кучку. К концу ночи я разбогатела на более чем двадцать тысяч фунтов наличными. Подобное случалось не слишком редко. Однажды я насчитала сорок шесть тысяч. У меня заработки выше, чем у многих взрослых. И если тратить осторожно, никто ничего не заметит.

Я медленно изучала письма, тщательно вчитываясь, взвешивая выполнимость и щедрость каждого запроса вместе с риском. Правда, если честно, риск не слишком влиял на мои решения. Возможно, следовало относиться к нему с большей дотошностью, но я никогда не обращала особого внимания на то, что «следовало» делать. Несколько авторов писем вполне расщедрились и несколько явно скупчились. У меня не было расценок, но скупердяи как-то не вызывали симпатий. Десять писем, двадцать писем, двадцать пять писем, двадцать шесть.

Двадцать седьмое письмо откровенно потрясло меня.

И не потому, что я не привыкла к жестокости подростков. Я и раньше получала и выполняла заказы от подростков. И кроме того, я сама была подростком, причем широко известным своей жестокостью. Я была самым жестоким из всех них. Не это меня поразило. Мне пришлось дважды прочитать письмо, чтобы убедиться, что мне не показалось.

Нет, не показалось.

Меня потрясла близость ко мне. Я никогда не сталкивалась с заказами на людей, которых знала. Но это — это просто невероятно. Бессердечно. Интригующе.

Смогу ли я выйти сухой из воды?

Я не наслаждалась убийствами. Не воспринимала их как игру. Но я была уверена в своих способностях, и даже зная, что следует придерживаться второго правила — соблюдать осторожность — бывало, это брало надо мной верх. Автор этого письма неосознанно бросал мне вызов.

Я усмехнулась.

Этот вызов я приму.

Глава 3

По утрам в Лондоне воздух ощущается иначе. В нем чувствуется привкус стали, довольно противный, но ведь это Лондон. Я бреду по окутанным тишиной улицам Челси и наслаждаюсь всполохами восходящего солнца. Мне нравится выходить пораньше. Утренние улицы умиротворяют меня, им даже удастся подарить мне ощущение одиночества.

Такой как я трудно предаваться одиночеству. Иногда даже дома вокруг давят на меня. Я представляю живущих в них людей, еще спящих, или готовящих завтрак, или собирающихся на работу. Такой как я трудно предаваться одиночеству, если ты можешь представить, как внутри людей циркулирует кровь, а также что надо сделать, чтобы сломать их, когда они для тебя будто выставленные на полочке куклы.

Столь тонкое познание, что такое человек, не может быть запечатано. Поэтому я остро отмечаю каждого, а тех, кого не вижу, — представляю, так что чувство одиночества мне чуждо.

Школа Айви Хай была тихой, жестокой и красивой. В определенном смысле, мы с ней похожи.

Думая об этом, я осознала, что как-то странно, что раньше никогда не получала заказов от здешних учеников. У каждого имелась к кому-то какие-то глупые обиды. И никто никогда не мог поднять свой зад, чтобы отстоять свое достоинство у обидчиков. Большую часть времени люди просто обсуждали их, кипя, смехотворно переглядываясь через аудитории и обсуждая людей за их спинами с такой важностью, словно это дело международного значения. Но на этот раз — на этот раз кто-то отважился сделать шаг. Глоток свежего воздуха.

А вот обида была совершенно подростковой.

Одетая в аккуратную сине-белую школьную форму с юбкой, доходящей до колен, я вошла в ворота школы Айви Хай. В хорошем настроении.

Я взглянула на кучку подростков, бредущих вдоль высаженной дубами дорожки к огромным дверям школы. Они переговаривались, опирались головой на плечи друг друга и громко хохотали. Безжалостные маленькие ублюдки, все они, без исключений. Про себя я посмеивалась, находя это забавным. Передо мной возвышалась претенциозная школа из серого камня. Недавно возведенный кампус, еще и десяти лет не исполнилось, но его создавали так, чтобы оно напоминало столетия простоявшее здесь здание, с башенками и серым камнем, и даже не забыли каменную статую ангела, раскинувшего руки высоко над нашими головами, удостоив его места на самой высшей точке самого высокого сооружения школы. Наша школа никак не относилась к духовным училищам. Я даже не знаю, для чего надо было ставить эту статую, ну, кроме произведения еще большего эффекта на людей. Зеленые виноградные лозы тянулись вдоль стен, осторожно вплетаясь усиками между кирпичами. Однажды здание будет выглядеть древним и наполненным мудростью. Правда, сейчас все это казалось глуповатым и непродуманным.

Пока я шла по пустым белым коридорам, поднималась по лестнице и подходила к своему классу, мне удавалось избегать тех, кто мог бы захотеть поболтать со мной. Мне нравились люди, правда. Но в данный момент я сама себе не доверяла и могла заговорить с ними не как девочка-подросток, а как серийный убийца.

Еще утром, в комнате, я заставила себя улыбаться нормально, как подобает недалекой

девушке, как подобает той версии Кит, с которой они были знакомы.

Усмехнувшись, я вошла в класс.

— Приветтики, — сказала я. Десять или около того человек в классе равнодушно посмотрели на меня и сдержанно улыбнулись. Уже три года мы учились вместе, и так как в нашем потоке всего восемьдесят три человека — все друг друга знали. Даже ходила шутка или, по крайней мере, широко известный факт, что по утрам я была раздражающе жизнерадостной. И я считала своим долгом оправдывать их ожидания.

— Что, не будет счастливых ответов? — рассмеялась я, выходя в центр класса и присаживаясь рядом с Мэгги Бауэр. Темноволосая, румяная, явно изнуренная, она зевнула и опустила голову на парту. У нее была красная лента с бантом в подстриженных волосах, подпрыгивающих при каждом движении, и съехавший немного набок воротник форменной блузки, который так и хотелось поправить, отчего она выглядела неопрятно. Как-то нехорошо быть столь субъективной по отношению к ней, но всякий раз, глядя на Мэгги Бауэр, мне представлялось, что она закончит безумной кошатницей или станет одной из тех бабулек, помещенных на садах и садовых гномах, если не еще что похуже.

Всю прошедшую неделю она проболела, так что сегодня ее первый день в школе в этом учебном году. Я надеялась, что она сегодня придет.

Мне повезло, как всегда.

— Ой, да ладно, утро не такая уж и плохая штука. С возвращением в школу, кстати, — сказала я, локтем пихая ее в плечо. Она заворчала и отвернулась от меня, а потом тихонько засмеялась, давая понять, что это был больше шуточный жест, чем грубый, и я тоже засмеялась.

С Мэгги Бауэр у меня всегда были хорошие отношения, но я придерживалась правила никогда не заводить настоящих друзей; для такого у меня слишком много скелетов в шкафу. С ней было легко разговаривать, поскольку она мало говорила. Или, точнее, легко отдавать замечания.

— Ты сколько кофе успела выпить? — Майкл, высокий и бледный, проворчал мне со своего места в передних рядах. Я игриво помахала ему ручкой.

— Мне хватило, — сказала я. С ним мне не хотелось беседовать больше необходимого. От него меня бросало в дрожь, совсем немного. И это что-то да значило, учитывая то, кем я являлась.

Рядом со мной Мэгги зевнула, выпрямилась и достала из сумки смятый листок бумаги. Несколько секунд она пялилась на него. Я склонилась над ее плечом.

— Твое расписание? — спросила я, всматриваясь в лист. Она кивнула. — Какое-то хреновое расписание, — честно сказала я, поморщившись.

— Я рублю в математике, — туманно отозвалась она.

— Оно и видно. — Я поправила свою юбку. — Мне нравится, миленькая, — сказала я, указывая на красную бархатную ленточку, перетягивающую волосы Мэгги. Она не сразу поняла, о чем я говорю.

— О, да. Это традиция. Я всегда надеваю ленточку в первый день учебы. Ну, на самом деле сегодня не первый день учебы, но можно назвать его и так.

— Серьезно? — отозвалась я, пытаюсь не показаться слишком недоверчивой. Что-то раньше я такого не замечала.

— Да.

— И с каких пор эта традиция.

Она помедлила, а потом пожала плечами.

— Не помню.

— Ладно, мы в любом случае рады тебя видеть, рады, что тебе лучше. — Я улыбнулась, протягивая руку и задумчиво касаясь мягкого кончика ленты; она никак не отреагировала. Ленточка была притягательно темно-красного цвета, почти что черного.

Мэгги неловко засмеялась.

— А ты разве не рада? — подтолкнула ее я, прекрасно зная, каким будем ответ. Нет, конечно. Нет, она не радовалась своему возвращению. Ни капельки. Я отпустила ленту и попутно отодвинулась от нее.

— Конечно рада, — смущенно ответила она.

В конце прошлого года между Мэгги и ее друзьями произошла размолвка. Деталей не знаю, но я слышала, что виновата в ней неким образом она — ее друзья пришли к выводу, что она слишком необщительная, или идиотка, или что-то такое. Не знаю, правда это или нет. В любом случае, к началу этого учебного года она осталась без друзей. Что, само собой, мне только на руку.

Прозвенел звонок, знаменующий начало уроков и окончание классной подготовки¹. Я встала, потянулась и снова потрепала ее по спине, словно маленькую собачонку.

— Увидимся за обедом.

При виде ее благодарной улыбки я ощутила укол вины. Но не сильный. Недостаточный, чтобы заставить меня сомневаться в себе.

Первыми тремя уроками были математика, биология и французский. Ничего особо интересного, и мне хватало ума для самостоятельного изучения всего этого, так что в основном я просто слушала. Но четвертым шла философия. Предмет, который, в общем-то, мне нравился, хотя остальные считали его скучным. На любом другом уроке я садилась подальше. На этом же я всегда сидела за первой партой и чуть ли не ложилась на стол.

Мы рассматривали нравственность с точки зрения морального нигилизма. И, конечно, уж о чем, а о моральном нигилизме я кое-что знала.

— Кто расскажет мне, что такое моральный нигилизм? — неспешно начала доктор Марцелл урок. Она была одета в напоминающее тогу драпированное платье с зеленым бамбуковым узором; оно не шло ей по фигуре, и меня это коробило, но она являлась одним из моих любимейших учителей, несмотря на ее привычку странно одеваться. Несколько лет назад она вела у меня английский. Когда она не преподавала философию, то обучала английскому, и мне нравилась ее манера ведения разговора. С простой прической — короткие черные волосы, лежащие строго, без всяких излишеств. Она говорила неспешно, растягивая слова. Она уделяла внимание деталям, и даже бывало такое, что у меня рождались мысли, что она поняла бы меня и почему я убивала. Но, конечно же, я никогда не заговорю с ней об этом. На ней, как на учителе, лежали определенные юридические обязательства, и она будет обязана сообщить в полицию.

Я подняла руку. Медленно, так, чтобы никто не заподозрил моей ярой заинтересованности. Больше рук не было, хоть ответ всем должен был быть известен, судя по домашнему заданию на прошедшие выходные. После бессмысленного обведения класса взглядом ее глаза остановились на мне, и она кивнула, давая понять, чтобы я отвечала.

— Это убеждение, что не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное», — сказала я, придавая голосу легкую неуверенность, хотя и точно знала, о чем говорю.

— Верно. Правда, не совсем. Это убеждение, — она развернулась и начала записывать то, что говорила, на доске, — согласно которому ничто, по сути, не может быть правильным или неправильным, потому что мораль — это набор правил, созданных обществом, а не на основании какой-то великой истины.

Я кивнула. Совершенно верно.

— Например, моральный нигилист может заявлять, что убийство человека не является ни плохим, ни хорошим поступком.

Да. Именно так.

— Какая жуть! — громко, с отвращением произнес Майкл, бледный парнишка из моего класса. Соглашаясь с ним, заботились еще одиннадцать учеников. Майкл. Он вызывал во мне интерес, но не могу сказать, что нравился, скорее наоборот, — а также он являлся одной из составляющих жизни Мэгги, что в настоящее время сказывалось и на мне. Я обратила на него более пристальное внимание. В прошлом году он дружил с Мэгги, пока ее не исключили из компаки. Он был там кем-то вроде главаря, пока не покинул их вслед за Мэгги. Непокойный парень, из числа тех, кто оставлял за собой сплошную разруху. У него имелся талант заводить дружеские связи и даже поддерживать их; он располагал к общению, а еще обладал обаятельной улыбкой Чеширского Кота. Но, казалось, ему не нравится иметь друзей. Он мог общаться с компанией людей где-то несколько месяцев, а потом, без всякой видимой на то причины, переключался на новые объекты. На сегодняшний день он перебежал между своими старыми компаниями, пока не определившись, с кем же ему дружить в новом учебном году. И подобная неопределенность, по ходу, совсем не напрягала его.

Сейчас он выглядел таким невинным со своими высокими, притягательными скулами, густыми каштановыми волосами, сияющими карими глазами, которые постоянно производили впечатление, что он вот-вот заплачет, потому что кто-то ударил его ногой по голени или еще что похуже. Он чуть ли не жалость вызывал. Но я зрела в корень. Профессия обязывала. Бывало лишь на мгновение, но что-то проскальзывало. Во взгляде, в выражении лица, даже в изменившейся позе. Трудно объяснить. Реальных поводов он не давал, но, приглядевшись, ты просто улавливаешь это.

Я нахмурилась, самую малость. Но доктор Марцелл заметила.

— Ты не согласна, Кит? — заинтригованно поинтересовалась она.

Я поморщилась и прикрыла глаза, когда все взгляды устремились ко мне.

— Ну... — неуверенно начала я, ощущая на себе множество взглядов. Доктор Марцелл выжидающе смотрела на меня. — Ну... — повторила я.

Мне не хотелось ничего говорить. Действительно не хотелось. Но теперь у меня нет другого выхода, так ведь?

— Ну, на протяжении всей истории, в различных культурах, разные социальные нормы рождали разные моральные установки, я права? — неуверенно произнесла я. Доктор Марцелл слегка кивнула. Я прибавила немного уверенности и продолжила: — Следовательно, мораль — это просто... социальный конструкт². А значит, великой истины в этом нет. Это просто... ну, понимаете, то, что в сознании людей на определенный момент времени кажется правильным.

— Не совсем. Понимаете, именно так моральные нигилисты рассматривали этот вопрос. Существует ли великая истина морали? Или она простой продукт нашего социума? Лично мое мнение, что наше общество заключено в определенные моральные рамки. Но

несут ли эти рамки истину, или это простые правила, сотворенные поверхностно? — спросила доктор Марцелл. Никто не ответил. Все в классе смотрели немного скептически.

— Кто-нибудь ответит? — ободряюще произнесла доктор Марцелл. По-прежнему молчание. Она посмотрела на меня. Наши взгляды встретились. Я видела — она хотела, чтобы ей ответила я. Шла всего лишь вторая неделя, но очевидно, что я была самым увлеченным учеником за всю ее практику, и она это знала. Я отвечала, когда в классе наступала тишина, и переводила ответы одноклассников в нужное русло, когда они шли не в ту степь. Она знала, что мне есть что добавить, и смотрела на меня с мольбой, ее взгляд взывал меня ответить.

Но я промолчала.

После звонка, пока все покидали класс, она похлопала меня по руке и жестом показала подойти к своему столу. Я посмотрела, как одноклассники выходят в коридор, а затем неуверенно перевела взгляд на нее и снова на одноклассников. Но я не могла просто взять и нагло проигнорировать ее. Так что я маленькими шажочками подошла к ней и, нервничая, встала перед ее столом. Во время урока она ходила по классу, но так или иначе теперь, когда она сидела, вокруг нее возвышались стопки книг, на краю стола лежала табличка с ее именем, а сама она сидела сложив руки — казалась внушительнее. Официальнее. Я посмотрела на ее лицо и не смогла прочитать, была она раздражена или просто разочарована.

— Да? — нерешительно спросила я, глядя ей в лицо.

Она прямо встретила мой взгляд.

— Ты могла ответить. Но ты промолчала, — без обиняков сказала она.

— Нет, я не знала, что можно добавить, — возразила я.

— Я видела твой взгляд. Ты не договорила. Просто заткнула себя.

— Нет, я..

— Лгать бесполезно, Кит. Я прекрасно разбираюсь в людях. И вижу, какой ты человек. Ты умная, вдумчивая — но робкая. Пускай кажется, что ты очень коммуникабельная, очень оригинальная, но ты боишься не вписаться. Может прозвучать как клише, но ты гораздо лучше этого. Ты хорошая ученица, и у тебя здоровый интерес к философии. Я настоятельно прошу тебя больше говорить и больше быть собой. Не бойся высказывать свое мнение, если тебе есть, что добавить по теме.

Я нерешительно глянула на нее.

Сколько в ней карикатурности, подумала я. Сплошное преувеличение. Как персонаж детского мультика или дрянного фильма. Эта мысль развеселила меня, и я с трудом подавила смешок.

— Хорошо, доктор Марцелл, — сказала я. Даже не подумаю.

Она вздохнула.

— Я серьезно, Кит. Ты гораздо умнее.

Знала бы она, насколько она права.

— Я учту ваш совет. — Я вежливо улыбнулась. Некоторое время она изучала меня, потом еще раз вздохнула, одарила сдержанной улыбкой и, махнув рукой, дала понять, что я свободна.

Я кивнула и вышла из класса.

Шел ланч. Я брела по коридорам в кафетерий, погружившись в размышления. Это был

тот случай, когда после разговора с доктором Марцелл я ощутила себя аутсайдером. Если бы речь не шла об убийстве, я бы не парилась. Я думала об убийстве как о хобби, факультативной деятельности. Пока другие девушки занимались гимнастикой или рисовали акварелью, я убивала.

Но когда мне приходилось оправдываться или притворяться, как сегодня на философии, и особенно когда меня вызывали, мне было не по себе. А мне хотелось быть собой. Хотя бы иногда.

Войдя в кафетерий, я выпрыгнула из водоворота мыслей. Меня ждет работа, напомнила себе. У меня обязательства. Нельзя так просто витать в облаках.

Я оглядела море белых пластиковых столов и пустые полки для еды, высматривая Мэгги. Шум от разговоров стоял оглушительный, и отовсюду пахло антисептиком; школьная администрация заморачивалась на теме чистоты. Спустя несколько секунд я заметила ее в дальнем левом углу помещения. Она сидела, уставившись на свои сцепленные пальцы и поцарапанный пластиковый стол. Я начала пробираться к ней через лабиринт людей, стульев и столов. Я сталкивалась с другими учениками, бормоча вялые извинения, пока наконец не дошла до нее.

— Привет. — Я улыбнулась, положив руки на пластиковый столик напротив нее. Она подняла голову и посмотрела на меня удивленно и, что довольно странно, почти испуганно, как кролик на удава.

— Ой, Кит. Ты меня напугала, — произнесла она с явным облегчением в голосе. Я села напротив нее и заметила, что она не притронулась к еде.

— Ты есть собираешься? — спросила я. Она угрюмо покачала головой.

— Нет. — Она не стала вдаваться в объяснения.

— Почему нет?

— Не хочется, — пробормотала она.

— Понимаю. Меня от них тоже как-то подташнивает, — сказала я, махнув в направлении остальных посетителей кафетерия. Она так удивленно уставилась на меня, словно я только что призналась в том, что путешествую во времени или пришелец с другой планеты.

— Не кричи так, — прошептала она, воровато оглянувшись, проверяя, не услышал ли кто. Само собой, таковых не оказалось. На нас никто не обратил ни малейшего внимания.

— Почему? Все равно ты никому из них не больше нравишься. А меня их отношение не волнует.

Она едва заметно вздрогнула, а потом взглянула на меня с любопытством.

— Вроде кажешься такой из себя всей хорошей и правильной.

Я засмеялась.

— А это тут причем?

— Ну... на словах ты такая бунтарка. Но внешне высокомерная и... чопорная.

— Серьезно? — потрясенно спросила я. — Извини.

Она просто пожала плечами и вернулась к разглядыванию стола.

Краем глаза я заметила, что из другого конца кафетерия на нас кто-то смотрит. На мгновение я оторвала взгляд от Мэгги, концентрируя его на том некто. Им оказался Майкл. Спокойный, неподвижный, прищурившийся. Как интересно.

Я улыбнулась ему своей самой бесячей улыбкой, а потом вернула внимание к Мэгги. Пока он меня не беспокоил.

— Значит так, раз уж оказалось, что мы обе заносчивые и никому не симпатичны, нам суждено стать подругами, — бодренько выпалила я. — У нас столько общего.

— Что?

— Ну, тебе нужен друг, а меня не особо волнует наличие или отсутствие друзей, но без них я кажусь полной дурой. Так что нам стоит держаться друг дружки — что скажешь?

Она выглядела совершенно шокированной.

— Ты уверена? Меня все ненавидят; ты права. А тебя на самом деле никто не считает заносчивой, хоть ты такая и есть. Все вроде как хорошо к тебе относятся.

Я посмотрела вверх, делая вид, что призадумалась.

— За что именно они тебя ненавидят? Мне известно, что все друзья кинули тебя. Прости за резкость. Но как так вышло? — спросила я с извиняющимся лицом. Мне хотелось услышать историю из ее уст.

Помедлив, она устало взглянула на меня.

— Я отказала Майклу, когда он позвал меня на свидание, — тихим голосом призналась она. Ей было некомфортно, словно столь упрощенная трактовка не объясняла всего, словно это был самый отточенный и привычный для нее ответ, пускай даже и не совсем честный. Я подняла брови.

— Почему ты не согласилась? Он симпатичный, — сказала я.

— Он опасен, — горько пробормотала она, будто вспоминая то, что не могла объяснить. — Привлекательный, да, но сволочь. Клянусь.

— Что у вас произошло? Звучит так, будто тут присутствует некая история.

Она колебалась.

— Он причинил мне боль, — прошептала она так тихо, что я едва расслышала.

Интересненько.

— Хочешь поговорить об этом? — спросила я, пожалуй, чересчур подбадривающе.

Она замотала головой.

— Нет.

Я пожала плечами. На самом деле, чтобы понять, что у них произошло, мне не обязательно было пытаться ее. По всей вероятности, он ее ударил — ходили слухи, что он избил как минимум троих человек из разных школ Лондона, хотя с полной точностью нельзя сказать, какие из этих слухов совсем не слухи. Ведь каждый из них раздували до таких размеров, что невозможно было отделить вымысел от фактов.

Как ни странно, никого это особо не заботило. Ведь Майкл очаровывал и все равно продолжал нравиться людям; чаще всего эти слухи пропускали мимо ушей или отмахивались как от очередной басни. Он обладал довольно-таки безумной репутацией, правда, на нее влияло то, с кем вы его обсуждали, и, конечно же, мне он никогда не нравился.

— Много объясняет. Так, значит, подруги?

Она чуть улыбнулась, едва заметно.

— Да. Подруги.

Меня немного замутило.

Нет, напомнила я себе. Я смогу. Никаких моральных угрызений. Это не обсуждается, нельзя сомневаться в себе. Иначе ничего хорошего не выйдет. Совершенно ничего.

Когда прозвенел звонок, возвестивший об окончании уроков, я поднялась в уборную, расположенную на третьем этаже, и задумчиво уставилась на письмо, которое держала в руке, на быстро накарябанные гневные слова, бегущие по листку в линейку, вырванному из

тетрадки. Я перечитывала их, вникая в каждое слово.

*Дорогой Убийца,
Убей Мэгги Бауэр.*

Мы были друзьями — дружили долго. Мне казалось, она не такая как все. Казалось, в ней есть что-то — нечто прекрасное. Она была всем для меня. Стала моей зависимостью. Мне казалось, мы похожи или, по крайней мере, разделяли взгляды. Мне казалось, ее глаза видят мир подобно моим, что она поймет, если я поделюсь с ней своими мыслями. Мне казалось, она видит, что надежды не существует, что весь мир объят тьмой и что это необходимо понимать, чтобы иметь власть над реальностью.

Ты-то понимаешь меня, правда? Просто обязан. Учитывая твой род деятельности.

Но она отвергла меня. Она меня унизила. Когда она была мне так необходима, она ушла. Вот она была рядом, а в следующее мгновение просто исчезла. Теперь я осознаю, что она просто такая же, как и другие. Серая и никчемная. Абсолютная пустышка. Ей не дано понять ничего из того, что тебе так хочется ей сказать, — она притворяется, что понимает, но когда тебе это больше всего нужно, она просто уходит, словно в мире нет ничего важнее нее.

Мне все еще хочется, чтобы она поняла. Чтобы она была со мной, я хочу ее любви, хочу всю ее, но — это невозможно, ведь так? Да. Ты обязан понять. Я не смогу двигаться дальше, пока она жива, пока сам факт ее существования насмехается надо мной.

Теперь я понимаю, что она поверхностная идиотка. Она отвратительна. Мне так одиноко. Я ее ненавижу.

Она разбила мне сердце, и она заслуживает смерти.

Я не знала, что делать с письмом.

Скорее всего, его написал Майкл. Как интересно. На самом деле, весь этот случай был очень интересен.

Убить Мэгги Бауэр? Прекрасно. Запросто. Но ему придется заплатить за свой заказ. Придется платить, как и всем до него. Я оставлю Мэгги лежать с его письмом на теле. Такова цена. Плата — их свобода. Им никогда не забыть, потому что никто вокруг не забудет. И память будет преследовать их до самой смерти.

Долгое время меня так удивляло, что ко мне продолжают обращаться, когда я так явно инкриминирую их. Потребовалось время, чтобы понять, почему, собственно, они все также обращаются ко мне, но стоило это понять — и я увидела смысл, и во мне немного поднялось чувство гордости. И отвращения.

Ко мне обращались, потому что я лучшая. У меня всегда все получалось. И, обращаясь ко мне, а не к кому-то другому, им было легче, даже учитывая, что они жаждали смерти — ведь присутствовал элемент вероятности. Бывало я убивала, а бывало и нет, и подобная неопределенность облегчала людям совесть.

Они попадали в мои сети.

Они были связаны со мной; письма мне вели к ним. Стоит меня поймать, арестовать, и я могу свидетельствовать против них, выложить все полиции, доказать, что убийства заказали они. У меня всегда было преимущество над ними.

И я уверена, именно этот факт сверлил их сильнее всего.

Я сложила письмо и спрятала. Надо начинать скорее, если я хочу успеть вернуться в

Челси, чтобы нанести быстрый светский визит.

Глава 4

В Лондоне стояла непривычная жара. Солнце пекло мне спину, пока я шагала по улицам, погруженная в давние воспоминания о другом таком жарком деньке. Водопад мыслей, затопивший меня в момент, когда я шла за письмами, так и не иссяк.

Вспомнила так ни разу и не использованную по назначению гостевую спальню нашего старого городского дома, которую мы с мамой общими усилиями обустроили специально для себя. Небольшая и душная комнатка — нам ведь приходилось держать шторы запахнутыми и дверь запертой. Кондиционер был включен, но он производил только шум в вентиляции и уж точно не охлаждал воздух. Пол устлали маты. Странно, но отчетливее всего я помню, во что мы были одеты: на мне спортивные шорты до колен, топ на лямках и кроссовки со слишком длинными шнурками. Изодранные черные бинты обматывали руки подобно второй коже. Моя мама безмолвно стояла напротив, как всегда элегантная, в белых джинсах и серой рубашке; невозмутимая, спокойная и красивая, с остекленевшим взглядом.

Подобных дней было множество, но сейчас я вспоминала один конкретный. День, когда кое-что в моей жизни изменилось.

Серое небо, духота, сгустившиеся темные тучи. Я присела в углу за дверью. Запыхавшаяся. Восьмилетняя. Потная. Изнуренная. Мама нависла надо мной, такая непреклонная; с собранными в высокий хвост светлыми волосами и расставив ноги.

Какой же великолепной она была! Даже когда подстраховывала меня во время убийств. Только вспоминая все, что было, я начала осознавать, от сколь многого она отказалась. На сегодняшний день она частично сохранила в себе ту женщину, стоявшую в комнате, — но со временем изменился взгляд, уменьшилась осмотрительность, ушла воинственность из движений, она стала спокойнее, стоило мне вырваться из-под ее крыла и обрести собственную силу. Силу, которую она ощущала, но уже не могла направлять или приручить своей воле.

— Я устала, — вот, что я тогда произнесла. — Может, на сегодня хватит?

На тот момент мы тренировались уже около года. В боевых искусствах, проработывании стратегий, да во всем, что могло пригодиться. Мы проводили спарринги, отрабатывали приемы, играли в опасные игры и обе могли похвастаться неисчислимым количеством синяков и ушибов. Мы прятали их под шарфами, куртками и перчатками; однажды я случайно рассекла маме щеку, толкнув так, что она налетела на подоконник. Она похвалила меня за эту подсечку, а потом рассказывала друзьям, что ударилась об острый край фоторамки.

Те травмы были приятными. Они олицетворяли напряженный труд.

Мы обе знали, что та комната стала нашим прибежищем. Возвращаясь со школы, я переодевалась и несколько часов подряд проводила там, забывая про еду, и так до самого вечера, когда приходил или вот-вот мог вернуться с работы папа. Каждый вечер я тренировалась так, что болела каждая мышца в теле.

Я была прилежной ученицей, никогда не заваливала ее вопросами. Наверно, кто-то назовет это жестокостью по отношению к ребенку — но для меня все было иначе. Мне происходящее виделось необходимостью. Я росла с осознанием, что стану убийцей. Перед сном мама, моя голубоглазая защитница, сидя на краешке кровати, рассказывала мне

различные истории. Она описывала, что чувствуешь, когда убиваешь. Она объясняла, что таков мой долг. Что не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное», что не стоит прислушиваться к тем, кто говорит обратное. Я не знала другой жизни.

Услышав в тот незапамятный день мой вопрос, как ни странно, она задумалась.

— Нет, — в итоге отозвалась она, потерев скулу, и заправила выбившуюся светлую прядь себе за ухо.

Поежившись, я стиснула зубы. Я не понимала причины. Я физически не могла послушаться ее. Обычно, когда я говорила, что больше не могу, она прислушивалась ко мне — ведь я никогда не преувеличивала степень своей усталости.

— Давай завтра. Я больше не могу. Просто упаду.

Весь день мы занимались боксом, и ноги меня пока держали только благодаря тому, что я опиралась на стену.

Она бесстрастно глянула на меня.

— Продолжаем, — сказала она, правой рукой протягивая мне перчатку.

Я попыталась подняться — пошатнулась — привалилась к стене, часто и болезненно дыша.

— Не сегодня, — взмолилась я. Воздух казался таким, будто я попала в центр солнца, такой удушающий, давящий...

Перед глазами начало плыть. Та комната в ту самую минуту вызывала тошноту и головокружение, время текло как-то не так, словно я смотрела на происходящее со стороны.

— Нет, — сказала она.

— Пожалуйста...

Она по-прежнему протягивала перчатку:

— Продолжаем.

Я сделала очередную попытку подняться, и снова мне это не удалось. Только на этот раз мне не удалось удержаться за стену. У меня подкосились колени, и я упала.

— Пожалуйста.

— Нет. Поднимайся. Продолжаем.

Это было жестоко! То, как она вела себя, что она делала, — как правило, она не была столь жестокой, так что же произошло, почему вдруг?

— Не могу, — простонала я, всхлипнув от усталости.

Она молча смотрела на меня. Мне казалось, что если бы я подняла голову, то увидела бы в ее взгляде недовольство. И все же мне не хватало сил даже просто поднять глаза. Лишь бесстрастно водила взглядом по голубому мату у себя под ногами и плакала.

В конце концов, слезы высохли, а я так и молчала.

— Продолжаем, — тихо сказала мама.

А потом во мне что-то перемкнуло. Задрав голову, я огрызнулась, и каждое слово сердитыми стрелами вспороло воздух.

— На сегодня все, — рявкнула я. — И мне плевать, чего хочешь ты.

Стоило словам слететь с моего языка, как я вздрогнула в ожидании ее гнева.

Какое-то время мама стояла не шелохнувшись.

А затем...

— Ладно, — сказала она.

И она чуть-чуть, но улыбнулась, и пошла ко мне. Она опустилась на колени прямо на влажные от пота маты; а потом обняла меня за плечи и крепко прижала к себе. И вся моя

злость вдруг куда-то исчезла.

— Молодец. Прости меня, — прошептала она.

— Что?

— Ты усвоила урок.

— Какой? — ничего не понимая, переспросила я.

— Который я тебе пыталась преподать. Но на словах его не объяснить. Его можно пройти только на собственном опыте. Ты должна прислушиваться к себе. Как сегодня. Это важно.

— Сомневаюсь, что усвоила, — мягко возразила я.

— Подвергай сомнению все, — выдохнула она. — Все, даже меня. Если не будешь — тобой просто будут помыкать. Бери то, что хочешь. Не принимай отказов. Это важно.

— Ох.

И в этот момент я осознала ее урок, каждую его часть. Я поняла, какую цель несло каждое ее действие.

И одновременно с этим она ласково обняла меня и, отперев дверь, помогла мне подняться по лестнице, довела до спальни, где откинула одеяло и осторожно усадила меня на постель.

Я заснула почти мгновенно. Но в краткий миг до того я почувствовала, как мама, присев рядышком, гладила меня по голове такими теплыми, нежными, родными руками.

Эти руки внушали безопасность, и благодарность, и дарили ощущение дома.

Она тихо напевала детскую песенку.

— Три слепых мышонка, три слепых мышонка...

Я подошла к отделению полиции Челси, вооруженная выпечкой и улыбкой.

Передо мной возвышалось здание из красного кирпича, выглядящее очень чинно, ясно намекающее, что юмору за этими стенами места нет. Парадный вход охраняла каменная статуя собаки, сидящей с радостно открытой пастью и протянутой лапой, она будто хотела сбросить с себя бетон и поиграть. На миг я замерла, очарованная ей. Но затем пошла дальше.

Я думала, мне придется спрашивать Алекса, что довольно-таки щекотливо, но удача повернулась ко мне лицом. Когда я входила в здание, он как раз выходил. Он увидел меня и замер на долю секунды, а потом неловко улыбнулся. Он встал, перенес вес на одну ногу, высокий и изящный, но точно не расслабленный. Его глубоко посаженные глаза, темнеющие под длинными ресницами, тщательно изучали меня. На какое-то мгновение я застыла под его взглядом. Затем он моргнул, и я вспомнила о необходимости дышать.

Я подняла пакет с выпечкой, помахала им, таким образом распространяя сладкий аромат. И одарила его сладкой, можно сказать приторной улыбочкой.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Э-э... здравствуй.

— Я принесла булочки. Вкусные. Из кафе на Кингс-роуд.

— Очень... мило с твоей стороны.

Я обратила внимание, что некоторые офицеры смотрят на меня, девушку в школьной форме, пляшущую на него. И сделала вид, что ничего не заметила.

— Что ты здесь делаешь, Кит?

— Ну, я подумала, что было бы мило заглянуть к вам по пути и все такое, — сказала я, невинно глядя на него. Он вздохнул.

— Давай-ка побеседуем в другом месте, — пробормотал он и вывел меня на улицу.

Мы шли примерно полквартила, пока не нашли скамейку, на которую можно было присесть. Он сел на максимальном расстоянии и глянул на меня с подозрением. Как можно более непосредственно я протянула ему пакет. Не отводя от меня глаз, он сунул руку внутрь и достал лимонную булочку.

— Эти вкусные. Удачный выбор, — сообщила я ему. Его взгляд стал пристальным.

— Что именно тебе от меня надо? — спросил он через минуту.

— Что?

— Ты ребенок. Так для чего тебе приходиться ко мне на работу? Тебе что-то надо, это точно. Но я не могу понять, что именно. Прошлым вечером тоже, я видел это...

— Эх... ну ладно... — Я нервно рассмеялась.

Вот уж точно прирожденный инспектор. У него фантастические инстинкты. Какой бы хорошей актрисой я ни была, он видел меня насквозь. Пора менять тактику. Невинность и недалекость на него не действовали.

Несмотря на попытку сохранить лицо нечитаемым, губы все равно чуть-чуть дернулись в улыбке. Алекс оказался куда интереснее, чем мне показалось при первой встрече.

— Хорошо, — сказала я, положив пакет на скамейку между нами. Мой взгляд стал более резким. Я позволила пробиться в нем уму, сбросила маску глупышки, показала ему, что лукавила. — Ты прав. Мне кое-что надо.

Он посмотрел на меня с ожиданием, его лицо осветила удовлетворенная улыбка, и это заставило меня немного отвлечься.

Я вздохнула.

— Я хочу разузнать про Идеального Убийцу.

Он усмехнулся.

— Такое не положено слушать детишкам.

— Я не ребенок.

— Нет, и еще какой.

— Ты немногим старше меня, — упрекнула я. — И я умная.

— Ум здесь ни при чем. Убийства, эта жестокость, ужасы — ты не выдержишь.

Я с трудом подавила желание расхохотаться.

— Ничего, уж как-нибудь справлюсь, — упрямо усмехнулась я.

— Твоя мама пригласила меня, потому что у тебя слишком длинный нос, ведь так? — сказал он, качая головой и при этом глядя немного насмешливо.

Я тихо усмехнулась.

— Да, типа того.

— Прости. Ничем не могу помочь. Да и в любом случае, это против правил.

Поднявшись, он подпихнул пакет ко мне. Он попробовал булочку.

— Вкусно, — улыбнулся он. — Прости, но я не могу удовлетворить твою просьбу. Тебе стоит выбросить это из головы. Хотя у меня впечатление, что у тебя есть голова на плечах, так что, возможно, мне не стоит волноваться на твой счет, а?

— Хотелось бы так думать, — отозвалась я.

Он слабо махнул мне рукой и отступил на несколько шагов.

— Когда вырастешь, если захочешь работать в полиции, позвони мне.

— У меня нет твоего номера, — дерзко указала я.

— О. — Он сделал паузу, вздохнул снисходительно, как старший братец, и пошел

обратно ко мне. Вытащив листок бумаги и ручку из черной сумки, висящей на боку, он накарябал свой номер телефона и передал его мне.

— Набери мне через несколько лет, — сказал он, равнодушно улыбаясь. И совершенно неискренне.

Я хмуро уставилась на листок. Уже что-то, но все равно мало. Надо держать этого парня как можно ближе. Я начала читать. Мне мало просто знать своего врага. Нужно с ним сблизиться.

Своего врага необходимо контролировать.

— Было приятно встретиться с тобой, Кит. — Он вежливо помахал мне и, развернувшись, пошел обратно вдоль тротуара.

Если я хочу втереться к нему в доверие, то надо рискнуть. Я встала и сделала глубокий вдох.

— Идеальный Убийца скрывается в Челси и здесь же учится, — громко сказала я.

Сердце быстро заколотилось. Надо сделать это. Я боялась. Но я должна заставить его доверять мне. В голове царил ураган, в мыслях поселилась тревога и смута. Но так надо.

Он замер и снова обернулся ко мне лицом.

— Что? — тихо произнес он.

— Живет и учится в Челси.

Медленно он вернулся ко мне.

— Откуда тебе это известно?

— Из... из отчетов. В статьях. Это было нетрудно выяснить.

— О чем ты? — сказал он, немного повысив голос и распахнув глаза...

— Ты... не знал, — осознала я с долей отчаяния. Я слишком много выложила. Я думала, что назову ему факты, неизвестные широкой общественности, к которым полиция пришла путем логических доводов — ведь необходимая информация лежала у них перед носом. Мне лишь хотелось доказать свою сообразительность, высказав доводы, к которым я пришла, воспользовавшись общедоступной информацией. Но вместо этого я сама дала ему новые зацепки, ведущие ко мне же. Похоже, я переоценила умственные способности полиции.

Черт.

— Мне известно, что убийца находится в Челси. Карта убийств широка, но наибольшее количество точек на ней отмечают в Челси, — сказал он. — Но с чего ты решила, что он — а может, и она — учащийся?

— По... времени убийств.

— А что с ним? Впервые слышу о чем-то таком.

— Судя по... э-э... времени смерти. В газетах всегда сообщали время смерти жертв. Каждое убийство, совершенное в будний день, происходило в конце второй половины дня или ночью, каждое, кроме двух, совершенных в каникулы примерно в полдень.

Те два убийства являлись ошибкой. Слишком явная подсказка. Но я тогда была младше. И мне казалось, что полиция уже сложила два и два. Но, видимо, еще нет.

Он посмотрел на меня, в его глазах стоял откровенный шок.

Я лукаво ухмыльнулась.

Ну что ж. Подсказка в жертву великой победы. Теперь я заполучила его доверие. Которое, подумала я, возможно принесет пользу. А может, даже и потребует.

— Алекс, — довольно произнесла я.

— А ты умна, — пробормотал он. Его взгляд смягчился, совсем немного, но мне этого

достаточно.

Я улыбнулась и отвернулась. Не говоря больше ни слова, я неспешно ступила на тротуар и отошла от него. Отойдя на десять футов, я засмеялась и оглянулась на него через плечо.

— До завтра, Алекс, — крикнула я.

— Да, — медленно протянул он, с намеком на улыбку; конечно, его заинтриговало, почему «до завтра», но, честно говоря, я и сама не поняла, почему так сказала. Может, как обещание. Может, в качестве заверения, что мы можем стать друзьями и скоро увидимся, и он не должен сомневаться во мне.

— До завтра, — ответил он.

Глава 5

Я стояла в Челси перед домом номер 28 на Ларк Плейс.

На улице — тишина, в домах зашторены окна. Было поздно. В этом районе жили семьи с детьми, которым уже полагалось спать. Камер видеонаблюдения, которые могли бы засечь меня, нигде не наблюдалось — для этого район слишком отдален от центра. Это убийство станет одним из самых простых — но надо избежать шума.

Время — 11:52, погода — 11 градусов по Цельсию. Холодно для конца лета. Мне пришлось надеть куртку. Конечно же, черную, чтобы не было видно пятен. Руки в перчатках я спрятала в карманы.

Домик выглядел ухоженным, белый с голубыми ставнями. На каждой из трех ступенек крыльца стояло по горшку с цветущими фиолетовыми петуньями. Я выжидала на противоположной стороне улицы в тени небольшого колючего деревца, утопая во мраке. Я надела шарф, закрывающий большую часть лица, и вязаную черную шапку, скрывавшую мои волосы, чтобы никто не смог опознать. Но сомневаюсь, что меня кто-нибудь мог бы увидеть. Я бываю очень бесшумна, очень осторожна и очень хороша в своем деле.

Я перешла через дорогу, держа руки в карманах, и позвонила в дверь.

Всегда лучше выбирать самый простой вариант. Если я буду заглядывать в окна и, к примеру, пытаться их вскрыть, на меня могут обратить внимание. А в таком случае незамеченной мне уже не остаться, меня запомнят. Так что другого способа проникнуть в дом, кроме как через дверь, просто не существовало. Никто не будет подозревать, да и просто не вспомнит того, кто спокойно подошел к входной двери и позвонил в звонок, как гость, которого ждали.

Какое-то время продолжали царить тишина и темнота. Я позвонила еще раз.

В доме вспыхнул свет.

Я услышала спускающиеся по лестнице, а потом и шлепающие по деревянному полу шаги — и дверь распахнулась, являя зевающую и заспанную Лили Кенсингтон в розовом халате. Она была довольно красивой штучкой, гораздо выше меня, с черными вьющимися волосами и глубокими орехового цвета глазами.

— Лили Кенсингтон, — ласково улыбнулась я. — Как я рада наконец познакомиться с вами.

Она озадаченно уставилась на меня.

— Что?

— Приятно наконец увидеться с вами спустя столько времени.

— Мне кажется, вы обознались.

— Вы же Лили Кенсингтон?

— Ну, да.

Я улыбнулась шире.

— Значит, я не обозналась.

Она замерла, вглядываясь в мое лицо, совершенно сбита с толку.

— Кто вы?

— Меня зовут Диана, — сказала я. Именно так я представлялась своим жертвам, если они вообще интересовались. Мне нравилось это имя. Как-то давно я вычитала его в римской мифологии. Диана представлялась богиней охоты, диких зверей и луны, а еще оно мне подходило — плюс мне просто нравилось, как оно звучит. Диана.

— Кто?

— Диана. Разве... разве жених не рассказал вам обо мне?

Ее глаза расширились.

— Мой жених?

— Да. Я его подруга. Я столько о вас слышала. Он говорил, что в это время вы будете дома. Простите за столь поздний визит.

— Да.

Я оглянулась, кусая губу. Необходимо войти в дом. Обычно, подходя в беседе к этому моменту, меня приглашают войти. Обычно люди предпочитают не торчать на пороге прохладными ночами, да и как-то я не заметила, чтобы кто-то испытывал чувство неловкости, приглашая к себе в дом хрупкую девушку-подростка. И вот что мне теперь делать?

— На самом деле, мне необходимо кое-что сказать вам, — пробормотала я.

— Да, ну что ж, что бы вы ни хотели сказать, можете говорить это здесь, — произнесла она, расслабленно прислонившись к дверному косяку, ясно демонстрируя, что она выше и сильнее меня. Весь ее вид выражал четкий недружелюбный настрой.

— Ну.. я.. я не хочу делать это здесь, — сказала я как обиженный ребенок. Она скептически посмотрела на меня.

— Бывает, что ж, это так печально, правда?

Дело слишком затянулось. Чересчур долго. Длинные беседы вызывают подозрения, а я не стремлюсь нарывать на подозрения.

— Я беременна от вашего жениха, — выпалила я. Жестоко, но, по-моему, вполне эффективно.

И это сработало.

Она ахнула. Шокированная, ошеломленная, преданная, она отступила на расстояние достаточное, чтобы я смогла протиснуться внутрь и закрыть дверь. Со щелчком она встала на место. Протянув руку, девушка слабо опустила ее мне на плечо.

— Ты врешь, — с надеждой прошептала она. Я помотала головой и медленно повела ее в соседнюю комнату, стоя лицом к ней и одновременно отступая.

— Я не вру, — сказала я, изображая стыд. В душе у меня растекалось мрачное удовлетворение. Эта комната идеально мне подходила. Плотные темные шторы, сквозь которые никто и тени не разглядит. Большое пространство с ковром посередине, лежащим между диваном и телевизором.

Она опустилась на кожаный диван и обхватила голову руками. Глубоко задышала. Вдох, выдох, вдох, выдох. Надеюсь, она успела насладиться этими вздохами.

Я встала перед висющим на стене телевизором с плоским экраном и приготовилась. Она сидела на диване, сгорбившись, обхватив голову руками и уставившись в ковер. И стала

такой маленькой. И так удобно близко к полу.

Эта часть мне нравилась. По большей мере, я позволяла происходящему плыть по течению. Глупо, наверно, но я была прекрасно подготовлена и часто тренировалась в этом искусстве. Я знала наиболее действенные способы убийств и умела избегать лишнего шума.

Я помнила правила, которым обучала меня мама, заставляя повторять их каждый вечер, пока я их не просто выучила, пока я не начала жить ими, пока они не отпечатались у меня в душе. Первое — не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное». Второе — соблюдай осторожность. Третье — при возможности используй ноги, потому что они самая сильная часть тела. Руки — самая слабая. Четвертое — бей сразу насмерть. Не трать время. Первый удар должен быть и последним, если это возможно. Пятое — письма — единственный закон.

И я помнила множество жарких деньков, один за другим: спарринги, пот, синяки, обучение убивать голыми руками...

Другие, более тихие и точные способы убийств, такие как яды или ножи, оставляли документальный след и необратимые доказательства. Я многое могла спустить на волю случая, убивая голыми руками, но, по крайней мере, могла быть уверена, что не выдам себя.

— Мне жаль, — искренне сказала я. Он наклонилась, обнимая колени, содрогнулась, и ее голова обессилена опустилась к полу.

— Но... поэтому он решил уйти? Из-за тебя? Поэтому он захотел уйти, он не может бросить...

Она начала поднимать голову, отрывая ее от колен; ей хотелось взглянуть мне в глаза. Но я и так затянула.

Я шагнула вперед и, до того как она успела посмотреть на меня, ударила коленом ей в нос. А она действительно обладала красотой. Элегантной и бросающейся в глаза.

Я услышала и почувствовала хруст ломающейся кости. Лили открыла рот, чтобы закричать, но я усилила нажим и вбила осколки кости ей в мозг, и она умерла.

Она повалилась вперед на черный ковер, розовый пушистый халат придавал ей вид некоего гротескного цветка. Быстро, тихо и просто. Я опустилась на корточки и перевернула ее. Кровь, напоминающая вишневую микстуру от кашля, стекала с ее изуродованного лица. Глаза были широко распахнуты. Такими я их и оставила. Затем проверила, не попала ли на меня кровь. Пятна крови трудно отстирать, и одним я уже обзавелась, на колене. Придется избавиться от этих джинсов.

Осторожно, стараясь ни к чему лишнему не притрагиваться, я сняла одну перчатку и проверила пульс и дыхание. Ни того, ни другого. Снова натянув перчатку, я вытащила из кармана влажную губку и тщательно потерла место на ее шее, к которому прикасалась. И убрала губку обратно в карман.

Я залезла в карман своих джинсов и вытащила письмо.

Выпрямившись, я посмотрела на нее. На ее изуродованное лицо, покрасневшие глаза и очень красивые волосы.

— Извини, — холодно произнесла я.

Я бросила письмо ей на грудь и ушла, пока уголки бумаги впитывали кровь.

Выйдя на улицу, где ночной воздух начал кусать мою кожу, я думала о том, как гладко все прошло. О точности, о порядке. О том, что никто не скажет мне, что это неправильно или отвратительно.

Помните, я говорила, что не наслаждаюсь убийствами?

Я врала.

Глава 6

Папа, как часто бывало, уехал еще до восхода солнца. Меня разбудил хлопок входной двери; я спала чутко, а дверь была громкой. После его ухода я уже не могла уснуть. Где-то час лежала полувменяемая, изучая потолок, даже не шевелилась, пока не прозвенел будильник, означающий, что пора вставать и собираться в школу.

В 6:30 в халате и тапочках я спустилась вниз; мне срочно требовалось чего-нибудь выпить. Я наткнулась на маму, сидящую на нижних ступенях лестницы спиной к перилам. Когда я подошла, она поднялась и обернулась ко мне.

— Ты сегодня рано, — заметила я, преодолевая последние несколько ступенек. Ее голубые глаза, широко открытые и слезящиеся, мягко сверкнули в мою сторону.

— Правда?

Я приподняла брови. Она выглядела уставшей.

— Не спалось?

Она пожала плечами.

— Полагаю, что так.

— Опять кошмары?

— Да.

Я посочувствовала ей — я знала какими жуткими могут быть кошмары, как сильно они ее подкашивали. Она никогда не вдавалась в подробности подобных снов, но я понимала, что они были пропитаны кровью, ужасами и призраками прошлого.

— Ты в порядке?

— Да, конечно. — Она обвела прихожую отсутствующим взглядом. — Ты поздно вернулась, — отметила она. Ей захотелось сменить тему, и я уступила.

Обойдя ее, я пошла на кухню. На ходу пожала плечами и ответила:

— Убивала.

— Кого?

— Ее звали Лили Кенсингтон.

— Почему она умерла?

— По словам ее парня, она его шантажировала. Правда, мне она показалась довольно милой.

Я вернулась из кухни с двумя бокалами апельсинового сока. Отхлебнув глоточек из одного, я отдала маме второй — она благодарно кивнула мне.

— В тихом омуте...

Сухо улыбнувшись, я покачала головой. И подумала о нас, двух стройных, бледных и хрупких на вид блондинках, стоящих на дорогом ковре в окружении серых стен изысканной прихожей и попивающих апельсиновый сок из дизайнерских бокалов.

— Это точно, — смеясь, ответила я.

Она уловила намек и тоже засмеялась. Тихонько вздохнула и улыбнулась.

Я кивнула и со всей возможной нежностью улыбнулась ей в ответ.

— Тебе следует поторопиться, не то опоздаешь в школу.

— Ладно.

Я отвернулась от нее и молча поднялась вверх. Она не сдвинулась с места. Слишком погрузилась в мысли. А проснувшееся солнце окутало ее облаком света.

— Привет, Мэгги, — сказала я, с улыбкой склонившись к девушке.

Она угрюмо взглянула на меня.

— Привет.

— Что такое? — нахмурившись, спросила я.

— Ты о чем?

— Почему у тебя видок, будто кто-то подстрелил твоего щенка?

— Ничего... ничего, просто Майкл такой... Майкл.

Я села на парту перед ней, опустив ноги на стул. Мы находились в кабинете живописи, неподалеку от выставленных рядами мольбертов, — на единственном нашем общем предмете. И он ей давался с трудом. Правда, здесь стоит отметить: мне тоже, но, в отличие от меня, ее способности даже до определения «жалкие» дотягивали с трудом. Например, вместо вазы с цветами у нее выходило нечто скорее напоминающее букет бирюзовых бабочек, до странного миленьких бабочек, только вот кривоватых.

Уроки закончились — только что прозвенел звонок. Майкл тоже посещал этот предмет. В то время как я убирала краски, он разговаривал о чем-то с Мэгги, а теперь его и след простыл.

— Да забей на него, — ехидно усмехнулась я, поглядывая на дверь кабинета. — Он засранец.

— Он просто... резкий, — сказала она, словно защищая его. А буквально вчера она сама называла его сволочью. Но ее обида куда-то делась, испарилась. Как-то удручает все это.

— Нет. Поверь мне. Он стопудовый засранец, — с пониманием произнесла я и продолжила шепотом: — Он обидел тебя, ведь так?

Она снова нахмурилась и встала, подхватив свою сумочку с пола.

— Возможно. — Она слабо улыбнулась.

— Возможно? А может, несомненно? Вперед, добавь немного конкретики.

— Я не хочу раздувать из мухи слона, — сказала она.

— С чего вдруг? — Она ничего не ответила. Я пожала плечами и перевела тему. — Итак — я собираюсь навестить одного друга. Пойдешь со мной?

Она заозиралась по сторонам, словно в поисках ответов на ее невысказанные вопросы.

— Прямо сейчас?

— Да. Я пойду к нему на работу. А работает он в Скотленд-Ярд, соответственно, он не подозрительная личность или кто-то в том же роде, так что, если родители спросят, можешь передать им это. Идти всего минут двадцать, а до моего дома еще пятнадцать. Кстати, может, заглянешь потом ко мне на ужин? Или, может, даже на ночевку? Уж я-то точно знаю, что домашнее задание на завтра ты уже выполнила.

Она удивленно уставилась на меня.

Я вспомнила удивленное лицо Лили Кенсингтон, и на мгновение меня прошиб озноб.

Но это мгновение быстро прошло.

— Но я выполнила не все задания, — слабо запротестовала Мэгги.

Я фыркнула.

— Чушь. Соглашайся.

Мэгги пожала плечами и проследовала за мной к выходу.

После того как мы дошли до участка, где неразговорчивая, но слишком мнительная секретарша проинформировала нас о том, что Алекс находился на месте убийства в доме номер 28 на Ларк Плейс в Челси, мы с Мэгги отправились туда. Я вбила в телефон адрес

делая вид, что не знаю, как туда добраться, и начала следовать инструкциям. Мэгги ничего не заподозрила. Всю дорогу она рассеянно улыбалась, пока я без умолку рассказывала об Алексе и о маминой привычке приглашать людей на ужин, и своем подозрении, вдруг в том доме орудовал Идеальный Убийца. Правда, что-то мне подсказывает, что половина моего трепа прошла мимо нее.

Когда мы добрались до места преступления, оно было окружено лентой и едва ли не армией репортеров. Мы с Мэгги протиснулись сквозь толпу зевак и камер, я поглядывала на местный народ, с выпученными глазами замерших возле ленты.

Я постаралась, чтобы они не видели моего лица, ведь они могли оказаться свидетелями. Но, конечно, я знала свое дело.

Мэгги последовала за мной, когда я пошла к дому с голубыми ставнями. Она притихла, но не выглядела особо обеспокоенной или нервничающей. Хотя она была немного отстраненной, словно игнорировала окружающую суматоху, закрывалась от нее, притворяясь, что ничего и никого рядом нет.

Мы встали у ленты напротив крыльца, глядя на дом. Вокруг были сплошь полицейские и журналисты. Журналисты рассредоточились, одни ждали съемки, другие спокойно и тихо говорили на камеру. Полицейские стояли молча, состроив суровые лица. Я встала на цыпочки, пытаюсь рассмотреть что-нибудь сквозь чуть приоткрытую входную дверь.

Мэгги потянула меня за рубашку.

— Да? — пробормотала я.

— Ты уверена, что нам следует здесь находиться? — спросила она.

— Уверена. Почему бы и нет? Улица является общественной собственностью, правда?

— Да, но... здесь... убийство...

— Я же говорила, что знаю одного инспектора. Стоп, нет, извини, он пока не инспектор. Но один из шишек.

Мэгги замялась. Я посмеялась над ней.

— Успокойся, ладно? — попросила я.

— Ага, — пробормотала она.

Беседа с пожилым мужчиной, из дома вышел Алекс. Сегодня он был облачен в строгую форму, его растрепанные волосы спадали на лицо, а всегда сосредоточенный взгляд скрывали очки в черной оправе.

— Алекс! — позвала я, вытянувшись на носочках, и помахала ему. Стоящие в непосредственной близости полицейские обернулись и слегка озадаченно уставились на меня. Алекс замер, на мгновение прервал разговор с мужчиной и повернулся в мою сторону. Стоило ему увидеть меня, он мрачно улыбнулся и сказал что-то мужчине. Внезапно я осознала, что тоже улыбаюсь — приятно, когда тебя узнают, особенно он. Появилось ощущение, что нас начинает что-то связывать, и мне это ощущение скорее понравилось, чем нет.

Мужчина кивнул и взглянул на меня, и они оба начали двигаться в мою сторону. Они спустились с крыльца и остановились по ту сторону ленточного ограждения. Вдруг пожилой мужчина резко протянул мне руку. Близ стоящим полицейским пришлось сдерживать журналистов, набросившимся на него с энтузиазмом голодных волков.

— О, — немного испуганно сказала я и, выгнув брови, приняла его руку. Он пожал мне руку и быстро кивнул. Он был высоким, но коренастым, с колючим взглядом из-под густых бровей.

— Старший суперинтендант³ Дэвис, — мрачно представился он. Алекс держался на расстоянии с ничего не выражающим лицом.

— О, — повторила я, пожимая его руку. — Приятно познакомиться. Сэр. Кит Уорд.

Краем глаза я выхватила Мэгги, кажется, ее вдруг замутило.

Да что там, похоже, меня тоже. Мне и так было не вполне уютно в окружении полицейских, а присутствие столь высокопоставленной персоны, как старший суперинтендант, многократно усилило сие чувство.

— До меня дошли слухи, что вчера вы подкинули интересную информацию по нашему делу, — сказал он.

— Э-э... ну... видимо, — неуверенно произнесла я.

— Умная мысль.

— Благодарю, сэр.

Суперинтендант Дэвис обернулся к Алексу и кивнул ему.

— Передаю вас в надежные руки, — сказал суперинтендант. — У меня много дел, расследование ведет он, пускай формально оно под моей ответственностью. Умный парнишка, — сказал он, будто я этого не знаю.

— Спасибо, сэр, — неловко произнесла я, в то время как он нагнулся, пролез под оградительной лентой и пошел сквозь толпу, не проронив более ни слова.

Алекс шагнул ко мне, слегка задев мою руку. Я задрожала, хотя на улице особого холода не наблюдалось. Он указал в сторону удаляющегося суперинтенданта.

— Он немного напыщенный, но в своем деле хорош. И нет, его дело не расследование убийств. Он слишком крут для такой утомительной работы. Предпочитает административную, — поведал мне Алекс, дружелюбно, как питомцу или новой игрушке. — Я надеялся на твое появление. Нам нужен свежий взгляд. Все как и раньше — убийство без каких-либо зацепок. И это удручает.

Я ухмыльнулась, пускай не следовало этого делать, ведь людям не пристало улыбаться на местах преступлений.

— Ты начинаешь доверять мне, — радостно сказала я. Я подняла брови, как бы говоря: я же обещала! Я же говорила «до завтра», и вот!

— Ты смысленая. И уже доказала это, — пожал плечами он. — И, честно говоря, я уже на той точке, когда согласен на любую помощь.

Он поднял ленту, взглядом говоря «что тут такого». Я усмехнулась и прошла под ней. Затем вспомнила о Мэгги. Я повернулась к ней и уже открыла было рот, но она опередила меня.

— Если не возражаешь, я подожду здесь, — пробормотала она. Я кивнула.

— Я туда и обратно. Я быстро, — сказала я.

— Буду ждать тебя на противоположном тротуаре. Там людей поменьше.

— Ладно. Договорились.

— Хорошо.

Алекс опустил ленту, и плечом к плечу мы пошли в дом. Полицейские обходили меня с очень официозными лицами, заставляя почувствовать себя ребенком. Когда мы дошли до прихожей, где Лили Кенсингтон опустила руку мне на плечо, он указал на комнату слева, в которой я ее и убила. Я позволила ему провести меня туда.

Тело увезли. На черном ковре только белая линия указывала на место, где сломанной куклой лежала Лили. Не считая этого, комната осталась нетронутой. На ковре даже не было

видно пятен крови.

— Идеально, — прошептала себе под нос. Как-то само собой сорвалось.

Алекс меня услышал.

— Правда что ли? — возмутился он.

Я закусила губу и напредила себе быть осмотрительнее, думать, прежде чем говорить что-то палевное.

— Так... чисто. Нет никаких признаков борьбы.

— Диванные подушки на месте, — сердито процедил он. — Ни ДНК, ни отпечатков пальцев, ни свидетелей, ни разбитых окон или вскрытых замков — ничего. Ничего, кроме тела.

— А что с телом? — спросила я. Мгновение он молчал, словно обдумывая, следует ли мне об этом рассказывать, после чего вздохнул.

— Она была на диване, лежала на спине с разможенным лицом. Осколки носовой кости были вбиты ей прямо в мозг, что, насколько я могу судить, и послужило причиной смерти, но не стоит ссылаться на меня, пока это не подтверждено.

— На спине? — переспросила я, изображая замешательство.

— Да, — ответил он, кусая большой палец, концентрируясь и пытаясь разгадать этот ребус.

Вот поэтому я и хотела, чтобы он счел меня дурочкой. Ведь к дурочке не обратились бы за помощью в расследовании ее же убийств. Дурочке не пришлось бы гадать, сколько информации можно выложить, а сколько окажется перебором. Или сколько следует рассказывать, чтобы снискать доверие у полиции, но не выдать себя с потрохами.

Дуракам проще жить.

— Хм, — тихо и задумчиво пробормотала я.

— Какие мысли?

— Ну... не знаю... — Надеюсь, роль я играла убедительно. — Разможенное лицо... можно поподробнее? Мда, вопрос вышел стремным, но знаешь, это может что-то прояснить.

— Э-э... ну... я не знаю, просто разможенное лицо.

— То есть... полностью, или только нос, или... ну там...

— Только нос, кажется, — сказал он, его тон стал немного мягче.

— И она лежала на диване лицом вверх? — спросила я, разглядывая белые линии.

— Да.

Я притворилась, что обдумываю эту информацию.

— Как будто... ведь ее центр тяжести был бы смещен вниз...

— Что?

— Она, должно быть, сидела на диване. Если бы кто-то подошел к ней со спины... нет, удар пришелся на лицо, — с досадой пробормотала я. — Ты уверен, что окна не разбиты?

— Да. Двери также не вскрывали. И соседи ничего не слышали. И камер видеонаблюдения нет.

Я отступила и прислонилась к стене рядом с телевизором, точно так же, как и вчера.

— Черт, — сказала я.

А я хороша, подумала я.

— Ничего нового не приходит в голову, да? — спросил он.

Я покачала головой. Он вздохнул и устало провел по волосам.

— В обычной ситуации я бы сказал, что убийца был другом, ведь следов взлома нет, но

мы имеем дело с серийным убийцей, так что, полагаю, эту версию можно исключить, — размышлял вслух он. — И так каждый раз. Идеальное убийство, простое и чистое, без каких-либо зацепок и свидетелей. И каждый раз присутствует письмо.

— Тебе никогда не найти ответов, — едва слышно пробормотала я.

— Что?

— Ничего.

— Но вот что интересно. Какой-то странный из него серийный убийца. Большинство серийных убийц выбирают определенный способ для убийств всех своих жертв. Но Идеальный Убийца каждый раз делает это по-новому. Схожесть убийств только в их безупречном исполнении и письмах.

— И все они слишком идеальны для подражателей.

— Точно.

Я ненадолго замолчала. Я не могла ответить на этот очень закономерный вопрос. А хотелось бы. Вряд ли он поймет, но было бы интересно попытаться. Я не кровожадная или психопатка, зависящая от определенной последовательности действий. Дело в том, что я отношусь к убийствам как к работе.

— А что было в письме? — любопытствовала я.

— Что-то о шантаже и ненависти ее жениха. Я не вчитывался особо, пока не было возможности.

— Бедняжка, — сказала я. — И мне жаль ублюдка, который его написал.

Алекс запрокинул голову и вздохнул.

— В большинстве случаев Идеальный Убийца мне отвратителен, — сказал он и уже тише, чтобы услышала только я, хотя в комнате находилось полно полицейских, продолжил:

— Но иногда я удивляюсь, почему мы не выдвигаем ему благодарности.

Глава 7

Мы с Мэгги вошли ко мне домой и ощутили доносящийся с кухни аромат чего-то вкусного.

— Привет, мам, — крикнула я, закрывая за нами дверь. — Я не одна.

Из кухни послышался радостный смех. В ее голосе не осталось и следа утренней меланхолии; сейчас она сияла красотой, впрочем, как всегда после небольшого отдыха.

— Наконец-то. Ты становишься все более похожей на меня, — весело прошептала она.

— Здравствуйте, — робко подала голос Мэгги.

Мы с Мэгги подошли к двери кухни и увидели мою маму в ореоле клубов пара, она жарила что-то на гриле.

— Мам, это Мэгги. Мэгги, это моя мама.

Мама отошла от плиты и вытянула руку для пожатия, на которое слабо откликнулась Мэгги.

— Здравствуй, Мэгги.

— Приятно познакомиться, миссис Уорд.

— Мне тоже. Рада, что вы с Кит подружились. Она не часто приводит гостей.

— Э-э... спасибо.

Мэгги замерла столбом, и тогда я осознала, что надо бы снова принимать все бразды на себя.

— Ой, — хихикнула я. — Мэгги, идем ко мне в комнату. Она на верхнем этаже. Понятия не имею, почему выбрала именно ее, но она мне нравится.

— Хорошо, идем, — с милой улыбкой сказала Мэгги.

И мы обе пошли в сторону лестницы, Мэгги шла впереди.

— Кит, можно тебя на минуточку? — позвала меня мама. Я развернулась и пошла обратно на кухню, в то время как Мэгги ждала меня, с потерянными видом утопая в турецком ковре у подножия лестницы. Мама жестом показала подойти поближе, ближе и еще ближе, так, что между нами остался где-то фут и я могла разглядеть крошечные, едва заметные коричневые крапинки в ее ярко-голубых глазах.

— Ты убьешь ее? — спросила она, вид у нее был холодным и бесчувственным.

Я помедлила.

— Да, — ответила.

Она внимательно посмотрела на меня, предостерегающе. Осторожнее, говорил ее взгляд.

— Держи дистанцию, — прошептала она.

— Знаю. — Я улыбнулась.

— Кит, я серьезно. Я... — она сделала паузу и продолжила еще тише, едва различимым шепотом: — Зачем она здесь?

— Никогда не помешает знать, с чем имеешь дело, ведь так?

— Я... — она колебалась.

Такая обеспокоенная. Ее глаза блестели от пара, а тонкие пальцы подрагивали. Острый угол подбородка отбрасывал причудливые тени.

— Все хорошо. Не переживай — я не пострадаю, — ободряюще произнесла я, на какое-то время она замерла в нерешительности, но затем смягчилась. Она вспомнила о моей педантичности, скрупулезности и тщательной организованности.

Она улыбнулась мне в ответ, уверившись, что я знаю, что делаю, и не забыла об осторожности. Быстро обняв меня за плечи, она выдохнула мне в шею:

— Не подставляйся. — Трепетно вздохнув, она отпустила меня.

Перед тем как вернуться к Мэгги, я одарила маму дерзкой, широкой ухмылкой. За меня действительно не стоит переживать.

Она вернула мне улыбку — материнскую, ободряющую, заботливую, и неопределенно кивнула головой.

Мы с Мэгги лежали на полу, развалившись на куче подушек и глядя в бледно-бежевый потолок.

Мы устали, — а учитывая, что сегодняшний день учебный, как и завтрашний, вероятнее всего нам уже давно пора спать. Но мы же подростки. А подростки никогда не ложатся вовремя. Так что мы болтали. И голоса наши звучали сонно.

— Поверить не могу, что ты знакома с полицейским. Точнее, не просто знакома, а даже дружишь с ним. Просто безумие. И ты как ни в чем не бывало прошла на место преступления. — Мэгги зевнула. Видимо, когда она устает, у нее развязывается язык. Совсем как у моей мамы.

Я хихикнула.

— За это следует благодарить мою мамулю. Это она пригласила его на ужин. Я же рассказывала, что у нее хобби такое — приглашать в гости разных людей. И, как понимаешь,

мы подружились.

— О, так вот о чем она говорила.

— Ну да.

— Это круто. Я была бы не против. Ну, если бы мои родители тоже так делали. У вас симпатичный дом. В такой здорово приглашать гостей..

— У тебя в семье такое не принято?

— Нет. Мы никогда не устраиваем чего-то... да ничего. Мои родители, по крайней мере. А вот родственники это уже совсем другая история. Они милые, — тихо произнесла Мэгги.

В комнате стало тихо.

— Вообще ничего? Тоска какая, — посмеиваясь, сказала я, пытаюсь приподнять ей настроение.

— Вообще. Мои родители... не знаю, как объяснить, скромные, они не привязываются ко мне. Часто отсутствуют. И я единственный ребенок, так что дома безумно скучно.

— Подумай о хорошем. Полная свобода действий, так?

— Свобода в данном случае просто синоним фразе «всем плевать», — сказала она и хрипло рассмеялась.

Я не знаю, что сказать. Но я должна как-то ответить, — так что...

— Не соглашусь.

— Серьезно?

— Свобода — это свобода, понимаешь? Что бы там ни было, тебе никто не навязывает своей воли, ведь так?

— Наверно.

— Если ты свободна и всем на это плевать, ты должна только радоваться, — беспечно произнесла я.

— В смысле?

— Придумай что-нибудь. Отважься на безумство. Как минимум перекрасься в розовый.

— Это против школьных правил.

— А тебе не все равно?

— Нет.

— Почему? Ты же не собираешься становиться лауреатом Нобелевской премии. Пускай ты и набрала себе разных факультативов, но меня тебе не обдурить. В душе ты такая же бунтарка, как и я.

— Ты ошибаешься, — отрезала она. — Я нормальная. Просто сохраняю статус-кво⁴. И с чего ты решила, что мне не нужна Нобелевская премия?

— С того, что вижу тебя насквозь. Под всей этой застенчивостью скрывается... даже не знаю. Тигрица — во — и она жаждет вырваться на свободу. И ради Бога, что хорошего в статус-кво?

— Заметь, ты сама сказала это. Но ты тоже придерживаешься его. Носишь форму и не устраиваешь никому неприятностей. Ты обычная представительница высшего среднего класса⁵ с собственными целями и задачами в жизни и несколькими припрятанными в рукавах секретиками, как и у каждого из нас.

Я устало улыбнулась, но вопреки этой улыбке мое сердце неистово заколотилось.

— Я придерживаюсь статус-кво только потому, что мне этот статус-кво нравится.

Ну, это не совсем правда. Убийства не вяжутся со статус-кво. Но вполне верное описание. При таком обилии правды я даже не ощущала, что лгу. По крайней мере, одна

часть меня сохраняла статус-кво — та, которая посещала школу, ходила по кафе и обедала в столовой. Другая же, которая убивала, являлась абсолютной противоположностью.

— И эй, дружба с тобой и статус-кво никак не сочетаются, так ведь? Ты была неудачницей без друзей, а я подружилась с тобой. Нормальные люди такого не делают, — добавила я.

— Говори-говори, но в конечном итоге ты ничем не отличаешься от других, впрочем, как и я. Ты бы подавила свой мятежный настрой, если бы он угрожал твоему социальному статусу.

Я резко выпрямилась, с совершенно дикой улыбкой на лице.

— Уверена?

— Да, — храбро сказала Мэгги.

Я пересекла комнату и, дойдя до окна, распахнула его. Ночной воздух ударил мне в лицо, овеявая прохладой. С улицы доносились тихие звуки Лондона, шум автомобилей, проезжающих по Кингс-роуд.

Я ставлю одну ногу на невысокий подоконник.

— Прыжки из окон также не относятся к статус-кво, — громко говорю я.

Она ахнула и быстро села, подобно рыбе округлив глаза и открыв рот.

— Не делай этого, Кит!

Я смеюсь, звук исходит из глубины моего живота.

— Не переживай. Мне не впервой. Правда, то было случайно и давно, но я вот о чем подумала: а если повторить? Внизу растут кусты, они смягчат падение. Но придя в школу в понедельник с царапинами, мне придется отвечать на массу вопросов, согласна? Как думаешь, стоит ли рассказывать, что я выпрыгнула из окна? Разорвет ли это рамки статус-кво? И стоит ли мне прыгать из окна, чтобы доказать свою правоту? — Я поднимаю вторую ногу и забираюсь на подоконник, пригибаю голову и хватаюсь руками за оконный проем. Перед глазами маячит земля.

— Не делай этого — я уже поняла, поняла!

Я улыбнулась. И отступила от окна.

— И не собиралась, — сказала я, оглянувшись через плечо. — Не парься.

Она вздохнула, но продолжила смотреть на меня с тревогой во взгляде.

— Суть в чем, — сказала я, — не зацкливайся на статус-кво. Живи моментом. У тебя есть свобода — так ради Бога, не растрачивай ее.

— Ты чокнутая, — сказала она.

— Знаю.

— Но у меня уже давно не было такой искренней подруги.

Колеблюсь, я прикусила язык.

— Спасибо, — сказала я.

— Это тебе спасибо, — ответила она.

— Не за что.

Несколько дней пролетели совершенно невинно, поведение Мэгги, как и мое, не менялось. Я начала планировать следующее убийство — молодого адвоката, по-видимому, кинувшего на деньги пару, обратившуюся к нему с делом о разводе — и хорошо училась, особенно преуспела в философии. Я приняла близко к сердцу предложение доктора Марцелл, точнее, попыталась, ведь делиться мыслями, когда большинство из них витают

вокруг убийств, — довольно трудно.

А еще я стала ловить на себе неприязненные взгляды Майкла. Началось все рано утром в среду, в нашей классной комнате, в моем присутствии он умолкал. Думая, что я не замечаю, он бросал на меня странные обвиняющие взгляды через плечо, было ощущение, что он каким-то образом выведает все мои тайны. Мне становилось не по себе.

А затем на философии, единственном общем нашем предмете, он вступил со мной в дискуссию. Доктор Марцелл похвалила его аргументы, отметив, что они прекрасно дополнили уже сказанное. Вранье. Но я прикусила губу и промолчала. Сразу после звонка быстро вышла из класса. А потом в коридоре, между занятиями и после них, я замечала его слезку. Уверена, за Мэгги он тоже наблюдал. Так продолжалось всю неделю, меня уже начинало тревожить его поведение. Сильно тревожить.

С каждым днем мое любопытство становилось все острее и острее — и к четвергу оно достигло критической отметки.

Я не собиралась следить за ним после школы. Так получилось.

Сказочная глупость. Но ведь хуже никому не будет? Если бы меня поймали, я бы отшутилась, сказав, что направлялась к Темзе и просто по чистой случайности шла следом за Майклом — какое совпадение, что он жил на противоположной стороне через мост Ватерлоо. Всего двадцать минут пешком. Понятия не имею, для чего мне оно было надо. Но как бы то ни было, в конце концов, в четверг днем я тайком провожаю его до дома.

Было нетрудно остаться незамеченной. Он шел по оживленным улицам; я с легкостью пряталась среди мамочек с колясками и приторно сладких парочек, растворялась в пейзажах и держалась в двадцати шагах от него. Я не отрывала глаз от его дурацкой стрижки. С каждым шагом его волосы идиотски подпрыгивали.

Как ни странно, мне стало как-то не по себе, пока преследовала его.

Но я не должна испытывать ничего такого. Моральный нигилизм отвергает существование правильного и неправильного. Не могу сказать, что мне казалось неправильным преследовать его, скорее просто неудобным; так что, вероятно, правила морального нигилизма здесь неприменимы. Пока я шла за ним, минуя людей, машины, торговцев газетами и бижутерией, бакалеи и всякую прочую фигню, я чувствовала, будто вторгаюсь во что-то запретное. Будто граблю его. Может быть, я зря преследую его? Бессмысленно. Слежу.

А он шел по своим делам. Вот он обошел группу женщин и встал перед витриной магазина. Кто-то пролил содовую — и он отскочил, чтобы не запачкаться. Я наблюдала. И продолжала следить. За этой слезкой я была на грани того, чтобы начать сожалеть о своих действиях. Но недостаточно, чтобы развернуться и уйти.

Через какое-то время у меня начал плавиться мозг, правда, краем глаза я все равно следила за ним. Темза и мост Ватерлоо остались далеко позади. Какое небо голубое; и птички на крышах очень даже, беспечно отметила я; волосы упали на глаза, и я поправила их, а они снова полетели вперед. Я почувствовала запах апельсинов.

И в это мгновение, футах в двадцати от себя, я услышала грохот.

От неожиданности я подпрыгнула. Я не видела, что произошло. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы разобраться, в чем дело. Посреди тротуара почему-то валялся велосипед и трое людей: красная от смущения извиняющаяся велосипедистка, темноволосая девочка в желтом платье, похожая на домохозяйку дамочка и Майкл.

Я едва не расхохоталась в голос. Теперь понятно. Выглядело это нелепейше, такая

куча-мала посреди тротуара. Мне это напомнило комедийный скетч. Платье на девочке порвалось на боку — кто вообще катается на велосипеде в платье? Домохозяйка потеряла обе розовые туфельки. Одна отлетела в канаву, другая застряла в спицах переднего колеса. А Майкл...

Майкл.

Майкла был не узнать.

Его взгляд так прожигал, хотя правильнее сказать не прожигал — это слово подразумевает, что вы смотрите на что-то определенное. Взгляд же Майкла был устремлен в пространство. Он ни на чем не концентрировался — прищурившись, он смотрел в направлении яркого неба.

И да, в его взгляде было столько ярости.

Мне как-то резко стало не смешно.

Не понимаю. Подумаешь, столкнулся с велосипедистом. Ну, получил пару царапин, но ничего же не сломано. Откуда такая злоба? Домохозяйка, конечно, орала и ругалась, но она уже поднялась на ноги, и несколько прохожих кинулись на помощь девочке в желтом, вытаскивая ее из-под руля. Но никто даже не дернулся к Майклу. Они увидели в нем то же, что и я, и их это напугало. Неудивительно.

Потому что мне тоже стало страшно. А я — серийный убийца. Бояться мне чуждо.

Было в его взгляде что-то такое. Неприкрытая ненависть, непонятно откуда взявшаяся ненависть, никуда не направленная ненависть. Ненависть на весь мир, которая становилась настолько всеобъемлющей, что затапливала все вокруг. Переполюющая ненависть, вытекающая наружу. Ненависть, которая толкнула его на убийство бывшей подруги, но не своими руками.

Он поднялся на ноги, отряхнул свою одежду и пошел дальше. Я снова поправила волосы, слава богу, больше обзор они мне не перекрывали.

Я пошла за ним в сторону моста Ватерлоо. И больше совесть во мне не просыпалась. Совесть, как ты могла? Он не заслуживал моей жалости. Ему она ни к чему. Я осторожно перешагнула через колесо велосипеда, а девочка в желтом слегка пихнула меня и пробормотала извинения.

Я шла за ним до самой реки, и там мне пришлось остановиться. Я скрылась в тени пышных крон деревьев и наблюдала за качающимися на воде лодками. Не было необходимости выходить из моего укрытия, обзор открывался прекрасный. Чудесное место. Стояла я на краю моста. Темза буквально сверкала на солнце. Редкий вид, потому что обычно у нас слишком облачно; как же мне нравились эти переливы. Иногда я забывала, насколько красив Лондон. Но бликующая на солнце Темза стала отличным напоминанием.

Пока Майкл шел по мосту, я следила за ним. Он уже взял себя в руки и начал смешиваться с толпой, превращаясь в обычного пешехода. Даже забавно. Внутри человека могут скрываться целые миры, но чем дальше от вас он отходит — тем меньше становится, и уже становится не важно, какие галактики сокрыты в нем.

И тут вдруг Майкл резко оглянулся.

Слишком далеко, чтобы он сумел разглядеть мое лицо, да и людей много, вряд ли он заметит знакомую школьную форму, но мне все равно стало не по себе. Это обычное движение. Он не мог заметить слежку. Он просто оглянулся. А я же едва не свихнулась. Он оглянулся на ходу. Я видела очертания его лица. Вместо глаз были тени, а на месте рта тонкая линия. Сейчас он напоминал демона.

Довольно быстро он отвернулся.

Когда он пересек мост, я развернулась идти домой. Кожу покалывало. Меня одолевала паранойя. Я не понимала, как человек может сдерживать внутри себя столько ярости и при этом не тронуться умом.

Следом мелькнула довольно разумная мысль. А с чего я так испугалась? Ведь это я серийный убийца, а он простой парень с проблемами. Я сильнее, быстрее, тренированнее, лучше.

Постепенно я отмахнулась от непонятного страха. У меня нет причин бояться его. Уж лучше злиться, чем бояться.

Дома оказался папа.

Честно говоря, было непривычно видеть его дома в четверг вечером, да еще и за кухонным столом. Обычно он задерживался допоздна, колдуя над акциями или типа того — его работа, да и все остальное, для меня оставалась темной темой. Он позволял себе вернуться домой в адекватное время только в выходные, и то не всегда.

Он преспокойно читал газету, словно его нахождение дома в шесть часов вечера в четверг абсолютно нормально. Я прошла на кухню, чтобы промокнуть горло — после прогулки я выдохлась и устала. Домой я шла часа полтора. Не хотелось спешить. Погода была очень хорошей, хотелось насладиться солнышком.

И на кухне я наткнулась на него.

Он читал утреннюю газету, а на столе стояла чашка дымящегося кофе. Седые короткие волосы, немного растрепанные на затылке, острый взгляд голубых глаз. Все еще в костюме, но желтый галстук развязан и брошен на ближайший стул.

А где же мама? Я оглянулась по сторонам. Она должна быть где-то здесь. Не сам же он делал себе кофе — это нонсенс. Сомневаюсь, что он вообще в курсе принципа работы кофеварки. Приготовление кофе всегда было на маме. Кофе, который он очень любил. Такова одна из немногих его отличительных черт. Если бы он не пил кофе, я бы давно забыла, как он выглядит.

Не обнаружив мамы, я подошла к столу. Он меня не заметил, по крайней мере, виду не подал. Лишь перевернул страницу газеты. Я сбросила свой рюкзак возле ножки стола. Специально сделала это с грохотом, но он так и не поднял на меня глаз.

— Где мама? — громко спросила я.

Он подпрыгнул и с шелестом опустил газету.

— Кит, ты напугала меня! — воскликнул он и радушно рассмеялся. Я подняла голову и ответила ему столь же формальной улыбкой.

— Извини. Где мама?

— А ты не хочешь спросить, как у меня дела? — спросил он. Я пригладила волосы. Его никогда подобные вещи не волновали. Сегодня он какой-то не такой.

— Могу спросить, если хочешь.

Он снова засмеялся, теперь натянуто, но на вопрос так и не ответил.

— Так где мама?

— Вышла.

Я кивнула и пошла к шкафчику за стаканом. Наполнила его льдом и налила воды, наслаждаясь звуками перекатывающихся кубиков льда; я смотрела на своего отца, спокойно вернувшегося к чтению газеты.

Газета. Еще одна его отличительная черта, раз уж на то пошло. Отправляясь утром на работу, он брал со стола газету, и возвращался он тоже с газетой. Причем утыкался в нее так, что даже лица было не разглядеть.

Со стаканом в руке я вернулась к столу. Взглянув на рюкзак, я решила подобрать его и подняться к себе в комнату, как в принципе и планировала. Но вместо этого я взяла подстаканник и, сев напротив отца, посмотрела на оставленный стаканом на кожаной подставке влажный кружок. После перевела взгляд на него. И начала ждать, когда же он обратит на меня внимание.

Прошло довольно много времени, прежде чем я услышала его голос. В тот момент я осознала, что смотрела на газету — ведь его лицо было сокрыто за передовицей. И это довольно привычно. Дома он всегда был немногословным. Словно призрак собственного дома, редко появляющийся и еще реже разговаривающий. Невидимка. Что странно, потому что его род деятельности подразумевал постоянные переговоры. Он умел заводить знакомства. Но дома у него не было друзей.

Я подперла голову руками и вспомнила об одном Рождестве, о котором любила говорить мама, когда уставала. Она редко откровенничала, только в моменты сильной усталости. Правда, происходило такое чаще, чем можно представить. Ее мучили кошмары, и иногда посреди ночи она спускалась вниз за стаканом воды или за запасным одеялом, а услышав мои шаги, она откладывала его и заговаривала со мной. Она не пила, но когда ей очень хотелось спать, ее речь становилась невнятной, и она говорила так, словно выпила полбутылки рома. И она рассказывала, и рассказывала, и рассказывала. И обычно она рассказывала одну и ту же историю.

Тогда я была еще совсем маленькой — я еще не знала того, что мне уготовано, да и вообще ничего не знала. Та история произошла, когда мне было уже больше года, но меньше трех. Лично я этого не помню.

То было Рождество, и папа остался дома. Рождество — один из редких дней, которые он был обязан проводить с нами — по крайней мере, раньше. Теперь он и от этого отмахнулся, появляясь только в ночь накануне Рождества, или на несколько часов днем самого Рождества.

Сколько я себя помню, каждое Рождество он дарил нам с мамой нечто совершенно неподходящее — к примеру, одежду не того размера или игрушки, из которых я давно выросла — бывало, он помогал сервировать стол; в общем, делал вид, что мы с ним настоящая семья. Каждое Рождество мама готовила ему кофе, а он молча стоял у стола. Кажется, они вообще не разговаривали друг с другом, да и о чем?

А ведь когда-то они были молодыми и яркими. Мама иногда рассказывала о том, как они танцевали, какое очарование исходило от него, непередаваемая улыбка, прекрасное чувство юмора, то, как он разговаривал, — а она искушала его, и однажды он поддался ее чарам и влюбился.

С тех пор и она изменилась. Порой с явной грустью она рассказывала истории из своей юности. Она любила джаз и наслаждалась духовыми музыкальными инструментами, которые будто переносили ее в другие времена — она умела танцевать, читала самые стоящие книги. Она бегала по ночному Лондону, думая о том, сколько крови пролилось из-за нее, носила яркие цвета и перебарщивала с украшениями. Удивительно, но папа разделял с ней такой динамичный образ жизни. Долгое время они танцевали по жизни рука об руку.

А потом они оба изменились.

Но, полагаю, такова жизнь.

Конечно, она не питала иллюзий относительно его характера. Она сразу же начала замечать в нем перемены. Для него всегда превыше всего стояла карьера, следом респектабельность. Карьера и респектабельность важнее семьи и близких. Но и в этом она нашла плюсы — ей был нужен тот, кто не будет проявлять излишнего интереса к ее делам, но не разведется, обеспечивая иллюзию добропорядочной женщины. Нам необходимы те, кто прикроет, но не бегающие по пятам, и он создавал для нас такой внешний лоск.

Мама часто называла их брак «полным логики». Но как по мне — он был полон одиночества.

В то особенное Рождество с утра мама отправила его что-то купить. Он вернулся около одиннадцати. Мне уже открыли два подарка, чтобы как-то занять себя до его возвращения, после чего мы должны были открывать оставшиеся подарки все вместе, как семья — такова была наша традиция. Когда он вернулся, мама пекла тыквенный пирог, а со мной в гостиной на втором этаже сидела няня.

Мама улыбнулась и вышла обнять его, он ответил ей очень слабой улыбкой. И ничего не сказал. Ни словечка, мама всегда это говорила, ни словечка, ни словечка.

Она проводила его наверх ко мне, оставив недоделанный пирог на кухонной столешнице и даже не закрыв холодильник. Накануне вечером я его не видела — рано пошла спать — я не видела его и за много недель до этого. Он вечно пропадал на работе.

Она подвела его к небольшой елке и разобрала подарки. Забрав меня из рук нянечки, — дальше ее любимая часть — она хотела передать меня отцу, он протянул руки, а я заплакала.

Я не знала его. Увидела просто незнакомца. Его никогда не было рядом. Двухлетний разум сыграл злую шутку, мне показалось, что какой-то чужой дядя хочет взять меня и увести, если не что похуже. И я испугалась.

Он убрал руки, и мама прижала меня к своей груди, пытаясь успокоить. Но я все плакала и плакала.

И папа ушел. Он молча развернулся, спустился по лестнице и ушел. Его не было около недели, а когда он вернулся, он так и не понял, что его собственная дочь просто не узнала его. Он сделал вид, что ничего такого не было. И так он делал всегда. Просто он такой человек, и этого уже не изменить.

Никому и никогда.

Вечно спокойный — даже невозмутимый. Иногда мне становилось интересно, что же скрывается за всей этой бравадой. Испытывал ли он боль или сожаление? Признавался ли сам себе в этих чувствах, или же и от них убегал?

На минуту я задумалась. Скорее убегал. Может, его вина в том, что не так уж мало его заботило такое положение? Может, он винил себя в том, что слишком отдалился от семьи, а осознав это, было уже поздно, ведь он всегда понимал, что время вспять не повернуть. Так, может, дистанция между нами установлена для его собственной защиты. Он не возвращался домой, чтобы не сталкиваться с проблемой, причиняющей столько боли.

Хотя скорее я выдаю желаемое за действительность.

Я взглянула на мужчину напротив, скрывающегося за газетой. Он не замечал меня. Ждать чего-либо — бессмысленно, осознала я.

Я досадливо поднялась из-за стола и потянулась, подхватила подстаканник, стакан воды и рюкзак с книгами. Перекинула его через плечо, стараясь не разлить при этом воду. Обувь я отбросила. Я все неотрывно смотрела туда, где его лицо прикрывала газета. Сквозь

раздражение проступило удовлетворение. Ведь он действительно тот, кто нужен. Он ни на что не обращал внимания, ему это было просто не нужно. Прямо-таки идеал, что даже немного пугало.

Босиком я пошлепала по пушистому турецкому ковру к лестнице, и там-то я очень удивилась, услышав шаги мамы. Я замерла. Она подошла к лестнице сверху и, увидев мое удивленное лицо, остановилась.

— Почему такое лицо? — спросила она, разглаживая воображаемые складки на белой шерстяной юбке. И перевела на меня мягкий взгляд. Наверное, потому что ей тяжело было изображать настоящую мягкость или нежность; но не мне ее в этом винить. Ее лицо было довольно ярким, а глаза особенно резкими.

— Мне казалось, тебя нет.

— С чего вдруг?

— Папа сказал... — начала я, но затихла, осознав, что уже много лет папа не замечает ничего вокруг. Как на необитаемом острове. Он не мог знать, где она; он сказал первое попавшееся, чтобы просто отговориться.

Она негромко засмеялась.

— Мне показалось, что он сказал правду, — неуверенно оправдалась я. Мама продолжила спускаться, я же пожала плечами и пошла вверх. На какой-то миг мы пересеклись взглядами, и тут я заметила в ее глазах слабое поблескивание.

Слишком явный для меня блеск. Она же не могла. Не могла.

И тут я осознала.

В то время как я упорно сопротивлялась ее убийственным порывам, она так глубоко закопала себя в бездействии, что ее истинная натура начала вырываться на волю.

А перед глазами вспыхивает воспоминание.

Темная улица, дома, зияющие черными проемами окон.

Мне было одиннадцать. Я вышла из красного кирпичного дома, расположенного на углу, и пыталась осторожно и без шума прикрыть за собой дверь.

До центральной зоны надо было пройти три дома, там меня встречала мама. Она напряженно стояла возле магазина, держа в руках бутылку воды и серебристый мешочек с недоеденными чипсами. Она ждала меня, хотела убедиться, что я выйду невредимой.

При моем появлении она тревожно огляделась вокруг, побледневшую кожу осветили уличные фонари, она словно опасалась какой-то катастрофы. Внутри магазинчика находились несколько человек, но было уже поздно и они устали, так что никто не обращал на нас внимания. Да и камер здесь не было. Я засунула руки в карманы куртки, забавляясь ее тревогой.

— Она мертва? — прошептала она, убедившись, что никто нас не подслушивает.

— Конечно, — пожала плечами.

— Улик нет?

Я взглянула на нее и рассмеялась.

— Не надо так переживать, ты же знаешь, я хорошо обучена. Она была невысокой и тощей, и совсем одна. Ни улики, ни следов.

Она немного смутилась.

— Прости... просто я волнуюсь. В конце концов, это же твое первое сольное убийство.

Я обняла ее за талию, а она, прикрыв глаза, притянула меня за плечи.

— Все хорошо, — сказала я.

— Знаю, — отозвалась она.

Затем она выпустила меня и отодвинулась на расстояние вытянутой руки, широко ухмыльнулась, весь вид ее говорил о том, как она гордится мной и моей профессиональностью.

К тому времени мое обучение еще не завершилось. Она по-прежнему давала мне уроки в нашей переоборудованной спальне, но то был такой момент, когда я видела ее радость и понимала, что причина ей — только мои действия, потому что мне не потребовались указания или помощь, что я сделала все сама. Я впервые осознала...

Свою самодостаточность.

Непривычное чувство, и я помню, как мне тогда стало некомфортно от него, я не до конца понимала его природу.

Затем то мгновение растворилось, и мелькнули другие воспоминания, похожие на сон — мама учит меня кататься на коньках — мама радостно смеется, сидя напротив меня за столом и поедая клубничное мороженое, прямо сгибается пополам, а на плече у нее полотенце — мама сидит на полу в гостиной, пьет домашний лимонад — мама учит меня, как правильно бить высокого противника, чтобы сломать шею — мама стоит на крыльце и целует незнакомого мужчину...

И снова и снова всплывает в памяти, как фотография, та самая картинка, изображение мертвой женщины с нарисованным на груди черным сердцем.

Глава 8

В пятницу мы с Мэгги обедали в нашем уголке кафетерия, как вдруг появился Майкл.

Это оказалось неожиданным. Мы с Мэгги обсуждали что-то нейтральное. И тут вдруг над нами навис он, упер руки в стол и со злобещей улыбкой на некогда симпатичном личике впился в нас взглядом. С его лица разом сошла вся привлекательность.

Я вздохнула. Ну что за идиот. Школьные проблемы надо решать тихо и незаметно для окружающих. Он же действовал слишком напоказ. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

— Только посмотрите, — усмехнулся он. — Какая прелесть.

Короткий миг я даже не знала, как реагировать. Сидящая напротив Мэгги вообще съехала вниз на стуле, дрожа и пытаясь уменьшиться в размерах. Я взглянула на нее, затем на него, затем снова на нее, а затем растянула губы в саркастической улыбке.

Ладно. Я приму его правила, раз ему так хочется поиграть.

— То же можно сказать про твои ничтожные попытки научиться управлению гневом, — аналогично усмехнулась и я.

Замолчав, он сердито прикусил губу. Потом сел рядом со мной и переключился на Мэгги, проникнув своим локтем в мое личное пространство. Я нахмурилась и пихнула его собственным локтем — он это проигнорировал.

— Уверен, ты уже жалеешь, что ушла от нас, — бросил Майкл.

— Вы сами послали ее, — спокойно ответила я. Меня он решил игнорировать.

Мэгги затрясло, в какой-то момент мне даже показалось, что он сказал правду. Может, она сама решила уйти, после того как Майкл что-то ей сделал, может, ее никто не выгонял из их круга? Вряд ли у нее хватило бы мужества на такой шаг — но, возможно, после всего она наконец решилась.

— Всего одна подружка? Как это печально, не находишь? — усмехнулся Майкл.

Я ударила по его локтю кулаком. Он опять проигнорировал меня. Мэгги застыла каменным изваянием, только сильнее сжалась и опустила глаза в пол.

— Особенно, когда подружка у тебя шлюха...

Я засадила ему кулаком в глаз.

Он полетел на пол и растянулся на линолеуме.

Встав над ним, я окинула его снисходительным взглядом. И встряхнула кулаком. Это было больно. Ахнув, он опустил глаза и попытался отдышаться, а успокоившись, удивленно посмотрел на меня. Чуть позже у него проявится фингал. Я прямо-таки видела прекрасный пурпурный...

Я резко прищурила глаза, в воздухе сгустился запах крови, и я осознала, что с легкостью могу убить его, это будет проще простого.

Я отмахнулась от наваждения. Нет. Нет. Нельзя его убивать. Не здесь и не сейчас. Так что я просто стояла и смотрела на него, пытаюсь подавить свои кровожадные инстинкты.

В его взгляде все еще плескалась ярость.

И это меня заинтересовало.

Большинство людей, когда их бьют, теряют запал. Они плачут, или кричат, или убегают, ну, в тех случаях, когда не валяются на полу трупами. Но он не убежал. Он просто сверлил меня взглядом. И в нем читалась ярость, которую я уже видела раньше, безумная по своей интенсивности злость и что-то еще...

Я вздохнула.

— Слушай, — сказала я. — Может, это прозвучит эгоистично, но вот в чем суть: ты говоришь гадости в адрес моих друзей, и я выхожу из себя. Меня это злит. Но ты сказал гадость обо мне и сильно выбесил меня. Очень. Со мной такие штучки не прокатят. Оскорбишь снова — и снова будешь валяться на полу.

Я подняла голову и осознала, что весь кафетерий притих. Все взгляды устремились на нас.

От этого становилось неуютно, кожу начало покалывать. Я не жалела, что ударила его. Он заслужил. Но я не хотела привлекать столько внимания.

Позади раздался полузадушенный, полный ужаса возглас Мэгги.

— Сука, ты еще получишь, — выплюнул он и рывком сел.

Я резко опустила колено ему на грудь и пнула обратно на пол. Отовсюду прозвучало слаженное «ах». Он тоже ахнул, но по другой причине, мой удар вышиб весь воздух у него из легких. Я схватила его за воротник, заставляя поднять голову, и наклонилась к его уху. Он издал булькающий звук.

— Майкл Вернон, — язвительно шепнула я. — Позволь прояснить. Ни ты, ни кто-либо другой мне ничего не сделаете. Это я достаю людей. И я достану тебя, и ты получишь, как и все, кто был до тебя. Еще раз посмеешь твякать в мой адрес, Майкл, и я тебя убью.

Я выпустила его воротник. Его голова откинулась и с глухим звуком ударилась о пол. Теперь в его взгляде сквозило удивление. Удивление, не страх.

— Врежь ему еще! — крикнул кто-то неподалеку. Я резко вдохнула, гневно глядя на Майкла.

Поднявшись на ноги, я оставила его и вышла из столовой в коридор. Присутствующие расступались, пропуская меня. К этому моменту в столовой повисли гробовая тишина и напряжение, которое можно было ножом резать. Ребята провожали меня удивленными взглядами, от некоторых явственно исходил ужас.

Такого от меня они не ожидали. Вообще-то я и сама от себя такого не ожидала. Слишком опрометчиво. Слишком. Я не могла выделяться из толпы и привлекать к себе излишнее внимание, рождающее подозрения. Стоило мне выйти за двери, как гнев и адреналин отпустили меня, я начала злиться на саму себя.

Это было глупо.

Глупо.

Коридор оказался пуст. Я шла по нему, не до конца осознавая куда. А затем услышала у себя за спиной спешащие шаги.

— Кит.

Я обернулась и увидела Мэгги. Она шла, выпучив глаза и открыв рот. Я начинала думать, что у нее ограниченное количество выражений лица.

Не говоря ни слова, я невозмутимо смотрела на нее.

— Это было безумием, — изумилась она.

— Да? Ну а что, ты разве не знала, что я безумная?

— Знала. Знала, — восхищенно произнесла она. Я засмеялась, пытаюсь расслабить напряженные мышцы.

— Но тебе же это нравится?

— Ну, мне еще не приходилось дружить с психами. Это довольно круто.

Я мрачно посмотрела на нее.

— Осторожней. Психи бывают опасными, — буркнула я.

С противоположного конца коридора послышались шаги. Доктор Марцелл бежала по коридору с какой-то первокурсницей на хвосте.

— Мне рассказали о происшествии в столовой, — незамедлительно поведала доктор Марцелл, переводя взгляд с Мэгги на меня и обратно. Ее темные волосы подпрыгивали, а подол нелицеприятного платья шуршал.

Я выставила перед собой руку, изучая, и снова встряхнула ею. Сперва мне показалось, что я ее как минимум сломала. Что очень плохо. Но сейчас боль притихла. С рукой все будет в порядке. Я перевела взгляд на доктора Марцелл.

— Это я виновата, — чуть ли не шепотом произнесла. — Простите.

Ее это удивило. Почему? Она знала, что я верила в принципы морального нигилизма и другие противоречивые с точки зрения этики философские учения. Полагаю, моральные нигилисты обычно не бьют людей. Но в какой-то момент до нее должно было дойти, что я немного выпадаю из рамок.

— Серьезно, Кит? — спросила она. Глупый вопрос.

Я пожала плечами.

— Серьезно.

— Ох, Кит, — вздохнула она.

Она смотрела мне в глаза, без сомнений выискивая там сожаление. Но ничего подобного не нашла. Мне никогда не удавалось симулировать сожаление.

Она видела мой пустой взгляд, и тут я заметила вспыхнувшую в ее собственных глазах крошечную искорку подозрения. Коварную и чересчур опасную искорку. Она оказалась слишком умной.

Глава 9

С Алексом я встречалась в субботу в небольшом бистро неподалеку от «Brass Feather».

На мне было элегантно синее платье и коричневые туфли на размер больше необходимого, из-за чего в них скользили ступни и болезненно поджимались пальчики. Я умудрилась забыть об их особенности, но зато мои ножки чудесно в них выглядели. Поморщившись в очередной раз, я вошла в бистро. Мне хотелось покрасоваться перед Алексом. А красота требует жертв.

К моменту моего появления он уже был там. Когда я вошла, он махнул мне рукой от столика в глубине сине-зеленой кафешки. При виде него в груди неожиданно екнуло, и, к моему глубокому сожалению, больше всего к этому ощущению подходило описание «запорхали бабочки»; я как можно скорее попыталась отмахнуться от этого чувства, но внутри все равно теплилось нечто такое. Бессмысленно, у меня нет времени для такой ерунды. Пряча мученическую гримасу, я натянула на лицо располагающую улыбку и направилась к нему. Он смотрел на меня, склонив голову набок и подперев подбородок ладонями. Я очень четко ощущала на себе его изучающий взгляд.

В основном в ресторанчике сидели люди в возрасте, но присутствовали и несколько особей помладше — например, парочка у окна и темноволосый мужчина в очках, уткнувшийся в книгу, ну и Алекс. Интерьер привлекал внимание выцветшими обоями с птичками и старенькими плетеными столиками. Алекс предупреждал, что оформление здесь отвратительное, но зато готовят выше всяких похвал. Ну, видок действительно вызывал определенное впечатление, но я решила поверить ему на слово.

— Мама не смогла прийти, — сказала я, присаживаясь напротив него. — Сожалею. Когда я спросила, она ответила, что у нее есть планы.

— Ой, да ладно, — пожал он плечами.

Я улыбнулась. Сегодня он был одет вполне обычно: черная футболка и джинсы, серый свитшот висел на спинке стула. Ему шло, он выглядел приятнее, моложе и не так агрессивно. А еще на нем были очки, те же, что и во вторник. Сквозь стекла на меня смотрели ореховые глаза — глубокие и преследующие во снах, с синими крапинками, которых я раньше не замечала.

Я показала на его очки.

— А мне они нравятся. В них ты кажешься умнее.

— То есть без них я кажусь тебе глупцом?

— Ну... скорее дерзким. Сейчас же ты немного ботан. — Я помедлила, но все же пожала плечами. — Тебе идет.

— Мне тебя поблагодарить?

— Это комплимент.

— Ну тогда спасибо.

— От Идеального Убийцы что-то слышно? В газетах и новостях ничего не говорили, да и убивает он обычно не так часто, но...

Он мотает головой.

— Ничего нового после событий вторника.

— Полагаю, это хорошо?

— Да, но плохо, что нет никаких зацепок. Твое предположение, что убийца учащийся, вполне резонно, но у нас нет ничего, чтобы хоть как-то развить эту теорию. Да и для других теорий, в принципе, тоже.

Никаких зацепок — это хорошо. Для меня.

— Уверена, ты скоро что-нибудь найдешь, — ободряюще произнесла я. Он пожал

плечами.

— А твои дела как? — спросил он, вскользь глянув на меня. Честного ответа ему явно не требовалось.

Он рассеяно водил своими длинными пальцами по столовым приборам, затем поправил нож и ложки. Я никак не могла оторваться от этих его движений — таких изящных, чарующих. Завораживающих...

На краткий миг меня так затянуло, что начало казаться, будто кроме нас здесь никого нет. Как-то резко я отметила, что между нами крайне маленькое расстояние и носок моей туфли упирается в его левую ногу, а между нашими ладонями считанные сантиметры. Он мягко, но настойчиво смотрел в мои глаза. Всего несколько секунд, и я вынуждена отвести взгляд.

Алекс до раздражения легко располагал к себе. И увлекал.

Спустя какое-то время я все-таки ответила на заданный вопрос.

— Хорошо. Нового мало. Школа — дом. Ничего особенного. Твоя жизнь гораздо интереснее.

Он улыбнулся — ну а как еще можно ответить на такое заявление? — а затем что-то вспомнил.

— Ты плохо себя вела! — воскликнул он.

— Чего?

— Мне твоя мама все рассказала. Происшествие в школе.

— Э-э. Точно, — смутившись, ответила я.

— Ты побила кого-то.

— Ага.

— Почему? Глупый поступок. Если хочешь стать копом, это ляжет пятном на твоей репутации.

У меня брови на лоб полезли.

— Копом?

Он тоже выгнул брови.

— А ты разве не хочешь им стать? Ты же столько времени проводишь, думая о деле Идеального Убийцы.

— Ну, я... наверное да.

— И все же, за что ты на него набросилась?

— Не знаю! Просто он повел себя ужасно.

Взгляд Алекса стал внимательным. А у меня проснулось необычное желание оправдаться.

— Он обзывал мою подругу и вел себя как настоящий психопат. Богом клянусь, он вовсе не божий одуванчик, которого треснули ни за что.

— Он получил по заслугам?

— Что?

— Он заслужил это?

— Да... определенно.

Алекс откинулся на спинку стула и выдохнул, капитулируя. перевел взгляд к потолку.

— Тогда ты молодец.

— Что?

— Когда собираешься кого-то побить, лучше иметь в запасе стоящую причину.

Я захихикала, испытав непонятное удовлетворение от его реплики.

— Знаешь, а ты смешной. На первый взгляд кажешься таким простым, но стоит присмотреться, и оказывается совсем наоборот.

— Ага, про тебя могу сказать то же самое.

— Да ну?

Он одарил меня непонятым взглядом.

— Определенно.

Я не совсем понимала, что отвечать на такой комментарий, поэтому призадумалась на какое-то время.

К столику подошла официантка — молоденькая девушка с короткими каштановыми волосами.

— Что будете пить? — спросила она.

— Холодной воды, пожалуйста, — попросила я.

— А я буду пепси.

— Хорошо, — кивнула она. — Сейчас принесу.

Я открыла меню и взглянула на ассортимент панини, пасты, хлеба и десертов.

— А ты прав, меню изумительное, — сказала я Алексу. Но он меня не услышал. Подняв на него глаза, я наткнулась на погруженный в мысли взгляд.

— Алекс?

Он посмотрел на меня и глубоко вздохнул.

— Если я тебе кое-что скажу, ты же не будешь об этом распространяться?

Я закрыла меню и устремила на него внимательный взгляд.

— Конечно, — растягивая, произнесла.

Он опустил глаза, уткнулся лбом в ладони и вцепился пальцами во вьющиеся волосы. Сделал еще один глубокий вдох, опустил руки на колени, откинулся на спинку стула и взглянул на меня.

— Мне не по себе, — пробормотал он.

И это правда. Я видела. По глазам, позе, слегка дрожащему голосу.

— Никому другому я не могу в этом признаться. Все, кого я знаю, работают в Ярде. Мне перестанут доверять. Моя карьера идет в гору. Расследование в полной мере на моих плечах. Я не могу никому демонстрировать страх или слабость.

— Но тем не менее, тебе страшно, — неуверенно подвела к сути я.

— Да, страшно. Очень страшно.

— Почему? — прошептала я.

— Не хочу оказаться следующим. Убийства... все его убийства... ужасают. Они такие... безупречные и без единой улики. Впервые в Лондоне со времен Джека Потрошителя объявился настоящий опасный серийный убийца. Но при этом убийства не ограничены определенной территорией, как было с Уайтчепелом. Они могут произойти в любом месте, где угодно. Да и письма... не представляю, как они доходят до убийцы. Не представляю, кто их пишет и как отправляет.

Значит, им не известно о почтовой ячейке. Районный миф еще не достиг ушей Скотланд-Ярда. Это хорошо. Не хотелось бы светить такое удобное место.

— Я руковожу расследованием. И боюсь, очень боюсь, что однажды появится письмо с моим именем.

— Разве ты совершал что-то плохое? — спросила я.

— Я работаю в Ярде, Кит. Просто представь, скольким я мог перейти дорогу, скольких посадил...

Резонный довод. Но все же...

— Не думаю, что тебе стоит переживать, — мягко произнесла я.

— Почему?

— Потому что... — Я задумалась, как бы ему получше объяснить. Немного погодя, я поняла, что лучше правды ничего не придумаю.

— Думаю, у убийцы есть кодекс чести.

— И что же в его убийствах подходит под понятие чести?

— Ну, подумай, — сказала я. — Следуя твоей логике, убийца должен получать кучу заказов на полицейских, так? Но пока еще он никого из них не убивал.

Он поднимает голову.

— А ты права, — доходит до него. — Но в моем случае все иначе... я расследую его дело. А если он получит заказ на меня и отойдет от своего кодекса чести только потому, что я ему мешаю?

— Но ты же не мешаешь ему, — указала я.

— В смысле?

— Ты далек от раскрытия дела. Поэтому ты и близко не можешь помешать ему, — виновато произнесла я. — Прости. Но это правда.

— Ты права, — снова принял он мои слова. — Я ему никак не мешаю.

Мгновение он смотрел на меня нечитаемым взглядом, явно пытаюсь переварить услышанное и поверить, что ему ничего не угрожает. Через несколько секунд, вздохнув, он опустил голову и почесал затылок.

— Спасибо, — нерешительно сказал он.

— Ты не умрешь, — произнесла я.

Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся.

— Спасибо.

— Seriously, — сказала я, пытаюсь донести до него, что это правда. Я бы не убила его. Не сделала бы это, если бы получила письмо, ни в каком другом случае тоже. Он верил в правосудие и справедливость и боролся за свои убеждения. Таких людей я не убивала.

— Ваши напитки, — прощепетала официантка и опустила их на стол. Я улыбнулась ей, а Алекс через силу дружелюбно кивнул. Она улыбнулась ему и ушла.

— Ты не умрешь, — повторила я. Алекс снова кивнул, теперь уже мне. Я слегка улыбнулась, мысленно умоляя, чтобы он впитал мои слова и действительно поверил в них. Мне показалось, что его взгляд потеплел, неуверенность начала отступать — но не могла говорить наверняка. Надеюсь, мне не показалось. Его страх был неуместным, и он пробуждал во мне чувство вины.

Домой я вернулась поздно, с окровавленными латексными перчатками в переднем кармане джинсов. Уже перевалило за полночь. Адвокат был мертв. Надо бы в ближайшие несколько дней пересечься с Алексом, проверить, не сильно ли его встревожило новое убийство. Кроме того, с ним ведь приятно проводить время? То, что он мой враг, еще не означало, что мне нельзя немного развлечься. Я тихонько вошла в дом. Но, как оказалось, зря — внутри горел свет, и внизу лестницы сидела мама.

Едва войдя, я заметила ее — волосы в модном беспорядке, на плечах черная шаль, на

шее жемчуг. В воздухе витал стойкий аромат цветочных тяжелых духов. Где она была — завела очередного мужика, интрижку, обязанную добавить в ее жизнь острых ощущений? Или на вечеринке с флером хрустала и золота?

Не знаю. Я просто промолчала. Я не хотела знать, зачем она меня ждала, но боялась догадаться.

Вчера я ее не видела. Я звонила ей, чтобы сообщить о досадном событии в школьной столовой. Она не ответила, и я оставила ей голосовое сообщение. Она ушла еще в обед, а вернулась, когда я спала. Сегодня я ушла до того, как она встала. Мне удалось оттянуть время. Но больше избегать ее не удастся.

— Кит, — позвала она, поднявшись.

— Привет, мам, — пробормотала я, опустив взгляд.

— Кит, ты идиотка, — выплюнула она и пошла ко мне. По мере ее приближения я все больше ежилась. Она выставила руку и схватила меня за шею, да так крепко, что едва не задушила. Заставила меня поднять голову и посмотреть в глаза. Я пыталась увернуться. Но не удалось.

— О чем ты только думала? — прошипела она. Словно пойманный зверек, я беспомощно смотрела ей в глаза. Она выглядела непривычно растрепанной. Уставшей. И это бросалось в глаза. Это из-за меня, из-за меня она вчера почти не спала. В ее взгляде было море злости и страха — и эгоизма.

Я видела, что она беспокоилась обо мне — естественный инстинкт, мать же все-таки — но годы сделали ее слабее, и она стала в основном беспокоиться только о своем благополучии. Отсюда и путешествия, вечеринки и романы — чтобы получить хоть что-то, но для нее это было каплей в море, она начала терять себя. Все меньше походила на себя.

Однако злость — чистейшая, не подавляемая, яростная — как отголосок напоминала ту женщину, которой она некогда была.

— Мам, отпусти. Мне больно, — взмолилась я.

Она сжала зубы, сплюнула и выпустила меня. Отступив на пару шагов, взглянула с каким-то непонятным мне отращением.

— Ты дура! Абсолютная и полная идиотка! Ты о чем думала — ты же убийца. Тебя зачем обучали? Какого черта надо было привлекать к себе внимание? Нас с папой могут вызвать в школу! И отвертеться мы не сможем! Нельзя, чтобы он начал беспокоиться о тебе, вдруг он начнет что-то замечать!

— Я... прости, — запинаясь, пробормотала я и попятилась к двери. Приближалась истерика. Я не хотела, чтобы она меня ненавидела. Господи, нет, только бы она меня не возненавидела...

— Разве сама не понимаешь? Убийства касаются не только тебя. Если тебя раскроют, раскроют и меня. Меня посадят. Я ведь тоже убивала. Черт, надо быть осторожнее, Кит!

— Мне очень жаль, — всхлипнула я.

Глаза у нее безумно сверкнули.

— Плевать мне, что тебе жаль! Мне нужна от тебя осторожность, а не извинения. Ты становишься неосмотрительной, да еще и сближаешься со своими жертвами и дерешься в школе — не этому я тебя учила! Ты же знаешь, почему мы убиваем. Мы убиваем только потому, что правосудие чуждо этому миру. А без нас он обречен...

А затем ее голос оборвался, она осознала, что сказала «мы», а не «ты».

— Мне очень жаль, прости, — взвыла я. Истерика настигла в полной мере, и слезы

закапали на черную куртку.

— Мне все равно, — отрезала она и ушла наверх, ее гулкие шаги тяжестью били по мне.

— Прости меня, — прошептала я, скатившись по стене, спрятала голову в коленях и заплакала. И так и сидела, пока не начала засыпать, сломленная и опустошенная.

А снилась мне Диана.

Диана, не римская богиня охоты и луны, а Диана предвестница смерти, моя личная богиня преступного мира и писем. Окруженная окровавленными письмами, смеющаяся, прекрасная и ужасная Диана.

Все сны о Диане становились кошмарами.

Глава 10

В воскресенье утром я решила побегать.

Бегала я редко, а точнее никогда — но в воскресенье что-то пошло не так. Меня будто что-то торкнуло. Я не могла найти себе место. Меня так и тянуло отправиться на пробежку и избавиться от этого непонятного ощущения — и я побежала.

Нацепила подаренные на прошлое Рождество отцом стремные кроссовки и джинсовые шорты, абсолютно не подходящие для бега, но альтернативы у меня не было. И побежала. Бежала по Челси, спустилась к Темзе, немного вдоль набережной, топая по бетонной мостовой, бежала, и бежала, и бежала.

Иначе бы я просто взорвалась.

В лицо бил утренний ветер, по коже скакали мурашки. Я выдохлась, начала задыхаться, ноги налились свинцом. Но я все равно бежала, не могла остановиться, чувствовала, что еще рано. Жар и боль в бедрах, как и жалящий ветер в лицо, почему-то действовали на меня успокаивающе. И я нырнула в эти ощущения с головой, позволяя смыть с меня навалившуюся тяжесть.

Я бежала. И бежала. И бежала.

Бежала, пока не устала настолько, что у меня подкосились ноги, я упала прямо на тротуаре, не в силах двинуться дальше. Через боль растянулась, иначе бы на следующий день мне бы стало плохо — точнее, совсем плохо — и только после этого поймала такси и поехала обратно под аккомпанемент поднимающегося солнца и просыпающегося города.

В понедельник в школе творился какой-то ужас — однако в некоторой степени происходящее было довольно-таки забавно.

Едва я вошла в школу, как приковала к себе все взгляды. Взгляды вели меня вдоль коридоров и проводили до самого класса. В каждом читался неподдельный интерес. От этого как-то не по себе, что естественно. Я привлекла к себе внимание. Нарушила главное правило. Создала для себя опасное положение. Очень опасное. Но, честно говоря, все эти взгляды и шепотки взволновали меня. Так вот что ощущала Мэгги. Только не понимаю, почему ей это так не нравилось, это же приятно. Приятно, когда на тебя все смотрят.

Зайдя в класс, я заметила, что Мэгги нет. А восседающий впереди Майкл обернулся ко мне и теперь улыбался.

— Доброе утро, Кит, — поздоровался он с поддельной теплотой в голосе.

— Доброе, Майкл, — вежливо ответила я и прошла мимо. Он снова попытался спровоцировать меня. Но я не пойду у него на поводу. На всякий случай я еще раз оглянулась — но да, Мэгги не пришла. Я посмотрела на Майкла и уперла руки себе в бедра. Он же лишь

улыбнулся.

— Мэгги где?

— А мне откуда знать?

— Оттуда, что ты издевающийся над ней урод.

Он рассмеялся.

— Правда, я понятия не имею, где она.

— Перестань прикидываться, — шиплю я.

И вот снова — все повернули к нам свои ушки. Оторвались от разных дел и следили за нами, надеясь, что мы снова перейдем на язык физического насилия.

— Я действительно ничего не знаю, — беспечно отозвался он.

— Твоей психопатии нет оправданий, даже если она послала твою жалкую задницу куда подальше. — Я сказала это настолько громко, чтобы ребята точно услышали каждое мое слово. В классе послышались шепотки и смешки, я же высокомерно улыбнулась Майклу.

— Побей его снова, — шепнул кто-то. И вот правда, мне очень этого хотелось. Но я не могла.

Поэтому я просто улыбнулась. Он тоже.

— Вряд ли она сегодня придет, — сказал он. На миг мне показалось, что маска слетела с его лица — таким расстроенным он выглядел, но суматоха в классе вызывала у него ярость — и от него исходило нечто такое, словно он жаждал убить меня. Причем всем сердцем. Но затем он снова улыбнулся и надел маску.

Прозвенел звонок. Все подпрыгнули от этого звука. Я прищурилась. Тепло улыбнувшись, Майкл прошел к двери и по пути задел меня.

На это я не отреагировала.

Но ядовито прошептала ему вслед:

— Я тебя предупредила.

Уже в женском туалете я засела за телефон в тщетной попытке дозвониться до Мэгги. Она не отвечала. А я звонила целых пять раз, еще и три сообщения оставила. Это было на перемене между вторым и третьим уроком, а от нее до сих пор ни слуха, ни духа.

Я оставила очередное сообщение и повесила трубку.

— Черт, — выругалась я.

Уверена, он напугал ее. Мне очень хотелось выяснить: она боялась выполнения его угрозы или же просто боялась появиться в школе. Надеюсь, второе. Она — со мной. И вовсе не его собственность.

Я прислонилась к стене и пришла к выводу, что у меня есть два варианта.

Первый: он же самый безопасный. Ничего не делать. Игнорировать Майкла и не препятствовать его свинскому поведению. Продолжать жить своей жизнью и в подходящий момент убить Мэгги. Мне по-любому предстоит убить ее — это моя ответственность. Раз включилась в эту игру — играй до конца. Если уж выбрала жертву, то не смей увилывать, каким бы ни был автор письма. Придерживайся первого правила. Вспомни, кто ты, и иди дальше. Но это не мешает мне защищать ее до решающего момента.

Второй: просто убить Майкла.

Мама бы предпочла первый вариант — но я не она. Я не помешана на собственной безопасности, как она. И к убийствам подходила проще.

Но надо мной уже нависла угроза. Сейчас убивать было действительно небезопасно.

Но как же он бесит...

Но заказа на него мне никто не писал...

Мысли превратились в какую-то кашу. Что же делать. Я набрала воздуха и, надолго задержав дыхание, медленно выдохнула.

Зазвонил телефон.

Дернувшись, я глянула на экран — звонила Мэгги.

Я быстро ответила.

— Мэгги, — позвала я. За этим наступила недолгая пауза.

— Кит. — Голос у нее был такой, словно она долго не спала и сама не понимала, почему звонит мне.

— Мэгги, у тебя все в порядке?

— Что?

— Майкл угрожал тебе?

И снова тишина.

— Да.

— Как? Мэгги, когда это было? — нетерпеливо спросила я.

— В субботу. В субботу вечером.

— Ты же говорила, что сменила номер. Как он узнал его?

— Никак.

— То есть?

— Он приходил ко мне домой.

Я оттолкнулась от стены и едва удержалась, чтобы не метнуться. Впав в шок, я возмущенно заорала в трубку:

— Чего?

— Он пришел в субботу, родителей не было дома, он вошел в дом и... пригрозил разным, если я появлюсь в школе или... откажусь быть с ним.

— Мэгги, он что-то сделал?

Молчание.

— Мэгги, он тебе что-то сделал?

— Нет, нет, он меня не тронул.

— Мэгги, ты говоришь правду?

— Правду, — тихо говорит она.

Может быть, в этот раз он ее и не тронул — но она определено что-то скрывала. Она постоянно что-то недоговаривала. Я просто чую это.

И я хотела разобраться. Понять, что она скрывала.

— Он впервые тебя так запугивает? — спрашиваю и понимаю, что этим вопросом попала в точку.

Ведь сразу после него Мэгги разрыдалась.

Я подобно тряпичной кукле опустилась на стену. Я словно онемела. Да и что тут скажешь? Попросить перестать плакать — начать внушать, что все наладится? Знаете, а ведь мне никогда не доводилось утешать плачущих, кроме мамы. В этот момент я ощущала, будто превратилась в бессильного ребенка.

— Э-э, — она хлюпнула носом, и я зависла, — расскажешь?

— В этот раз он действительно меня не тронул, клянусь, но в конце того учебного года все было иначе.

— Да? — тихо спросила я, когда ее голос сорвался в горькое рыдание.

— Он был таким милым, — проговорила она сквозь слезы. Видимо, она вытирала слезы, потому что из трубки донеслись шорохи. Я молча позволяла ей выговориться. Слова давались ей тяжело, они текли подобно бурной реке, переходящей в водопад.

— Он был замечательным. Веселым. Много смеялся. Сперва мы просто дружили, и все было прекрасно. Но со временем я стала замечать кое-что. Думала, что смогу изменить его. Он так одинок, Кит. Так одинок. Мне казалось, что если мы будем вместе, если я буду с ним, то станет лучше. Но потом... — Она притихла на миг, и поток слез усилился. — Со временем я стала понимать, что внутри у него безумная чернота. Он опасен. То, что я замечала в первое время, — было лишь цветочками. Например, он находил пауков и мучил их, пока они не умирали. Знаешь... однажды он мне сказал — он сказал, что наш мир сотворен из праха, что он слишком глупый и грязный. И он говорил на полном серьезе, Кит. И вот больше всего пугает именно то, что он действительно в это верит.

— Мэгги, — я грустно выдохнула. — Мэгги, Мэгги.

— После того как он это сказал, я сразу ушла домой. Бросила его. Убежала. Я просто не могла оставаться с ним рядом. Я поняла, что он абсолютный психопат, Кит. Серьезно. Он витает в какой-то отдельной, своей личной реальности. Я не хотела иметь с ним ничего общего. Но, видимо, он проследил за мной до дома, потому что, стоило мне войти, он постучал в дверь; я вышла, чтобы узнать, чего он хочет, а он силой затолкал меня внутрь. А родителей дома не было, только я. Он так злился — это было жутко. — Слез больше не было, только какое-то непонятное смирение, принятие отвратительной судьбы.

— Он прижал меня к стене. Разбил вазу. Вся прихожая была в розах. Он говорил, насколько отвратительно то, что я развернулась и убежала домой. Он сжал мне руки до синяков и пнул коленом в живот. Сказал, что я такая же чернь, которую он ненавидит. Сказал, что ничего светлого в мире не осталось, что я не заслуживаю дарованной мне жизни и что в мире существует одна истина — боль. Он просил понять его, полюбить — я постоянно говорила «нет», но он меня не слышал. В конце концов, он ушел... и внутри него после этого будто что-то надломилось. Но глядя на него, ты это не увидишь, ты же не видишь? Бывает, смотришь на него, и такое чувство...

Мэгги набирает побольше воздуха.

— А потом мне пришлось отказаться от всех друзей. Майкл был среди них лидером, а я просто не могла общаться с ним как раньше.

— Боже, Мэгги... — Я не представляла, что ей можно ответить. Но она не услышала и продолжила изливать душу — она говорила и говорила, будто уже сама не знала, как остановиться.

— А когда он пришел в субботу, я его непустила. Но он точно так же, как и тогда, смог прорваться. Он бил по двери и кричал на меня, чтобы открыла, чтобы любила его. Он бы выбил дверь... Я просила его уйти, родителей снова не было дома, но он меня не слушал. Он никогда меня не слушал... на этот раз я не позволила ему себя ударить, но он меня так напугал.

— Мэгги, Мэгги.

— Я знаю, что ты хочешь спросить — нет, я никому этого не рассказывала. Не смогла. Мне очень страшно. Вдруг он узнает и снова нападет на меня, вдруг не остановится? У меня нет другого выбора. Пожалуйста, никому это не рассказывай, очень тебя прошу. — Она сделала паузу. — Я в порядке, — пробормотала она, пытаясь убедить скорее себя, чем меня. Слез в ее голосе больше не слышалось. — Не переживай за меня.

— Ты... как ты думаешь, он способен что-то сделать, если ты вернешься в школу?

На меня опустилась тьма.

С повисшей тишиной я поняла, что ее ответ может изменить все. Включая меня. Ее ответ может сделать нечто такое, чего я никогда не предполагала для себя. Убийство ради справедливости, а не по заказу. Но я готова пойти на этот шаг для защиты Мэгги.

— Да, — тихо выдохнула она.

— Мэгги, — прошептала я. — Ох, Мэгги.

— Не волнуйся. Все со мной будет хорошо.

— Вряд ли.

— Все... будет хорошо.

— Нет. Не стоит тебе пока ходить в школу.

— Все будет хорошо.

Медля, я сжала телефон, до крови прикусила губу и нахмурилась.

— Ты ошибаешься, — прошептала я и сбросила звонок.

Перед началом следующего занятия я зашла в пустой кабинет философии и оставила записку Майклу на столе. После чего до самого звонка бродила по пустым коридорам. Я никак не могла успокоиться.

Когда вернулась в класс, мне было беспокойно. Утренняя радость улетучилась. Взгляды, которыми я наслаждалась, сейчас вызывали лишь омерзение. Постукивая ногой по полу, я посмотрела на Майкла.

Я положила записку так, чтобы он увидел ее сразу же, как сядет. И он увидел. Я даже не обращала внимания, что говорит доктор Марцелл, лишь внимательно следила, как Майкл медленно разворачивает мою записку.

Его лица я не видела, но могла представить. Поджатые губы, вздернутая левая бровь и тщательно сдерживаемая ярость в симпатичных глазках.

Я слишком долго смотрела ему в затылок. Доктор Марцелл заметила это. Она промолчала, но я ощутила на себе ее взгляд. Она продолжила вести лекцию, но я чувствовала, что ее слова обращены ко мне. И в них было что-то такое странное. Может, интерес? По крайней мере, не подозрение.

Переведя взгляд на нее, я улыбнулась. Она, неуверенно, тоже. После чего спокойнее продолжила.

Этот урок казался мне более затянутым, чем обычно. Я молчала. Отвечать я не могла. Слишком дерганый день для философской полемики. Для меня это нетипично. Обычно я собрана и спокойна, даже в худших ситуациях. Однако мысли о предательстве собственной морали выводили за грань.

У меня не было выбора. Он встал у меня на пути. Никому, кроме меня, нельзя нападать на моих жертв. А Майкл слишком далеко зашел в своей жестокости в адрес Мэгги.

После урока все молча вышли из кабинета. Даже Майкл и доктор Марцелл, которым было что мне сказать, промолчали. Все будто почувствовали сгустившееся в воздухе нервное напряжение, и, опустив глаза в пол, разошлись кто куда. И только шаги было слышно.

В коридоре я остановилась. Проследила за пробирающимся через толпу Майклом. С такого расстояния он казался спокойным, даже скромнягой. Такого просто забыть.

Я улыбнулась, и этой улыбкой выдала слишком много эмоций. Злость. Страх. Грусть.

Уже скоро о нем будет вспоминать каждый.

Глава 11

После занятий школьные коридоры опустели.

Просидев два с половиной часа в библиотеке, я медленно брела по ним к назначенной точке. Где ждал он. Не спеша поднялась на третий этаж, едва касаясь перил рукой.

Я знала, что он дождетя.

В помещении женского туалета, где ему явно неуютно, скрестив руки на груди — ох, так и вижу это. Несмотря на легкое беспокойство, представленная картина заставила меня улыбнуться.

Я вышла в коридор третьего этажа. Мои шаги эхом отражались от стен. Ткань юбки шуршала от каждого движения, волосы развевались по плечам. Пробивающееся сквозь окно солнце покрыло стены причудливыми тенями. Вот так мы вместе с моей тенью дошли до самого конца коридора.

Может, я и ужасна. Пусть забила на собственные правила. Отказалась от привычного образа жизни. Однако я была готова.

Готова как никогда раньше.

Дверь в туалет оказалась приоткрыта. При этом внутри было тихо. Я прислушалась. Заранее перекинула рюкзак на одно плечо, чтобы не тратить время на лишние движения. Расстегнула потайной кармашек и вынула пару латексных перчаток. Я всегда носила их с собой, на всякий случай. И это оказалось удачным решением.

Сейчас около шести часов. Учителя уже разошлись по домам. Я позаботилась об оправдании своего столь позднего нахождения — уверена, что и Майкл тоже, хотя трудно представить, какое оно у него и чем он занимался в ожидании часа Икс. Лично мне завтра надо сдавать важный проект, для чего пришлось штудировать библиотеку. Во время классных часов у меня не было возможности закончить над ним работу — поэтому я осталась после занятий. И сейчас здесь были только Майкл и я, ну и директор, но он сидел в самом дальнем углу школы, куда не донесется ни звука.

Идеальный сценарий.

Актеры на площадке и вот-вот сыграют сцену — поднимайте занавес.

Я надела перчатки и зашла в туалет. Заглянула в зеленые кабинки и за стальные перегородки. Его нет.

Но он должен был ждать здесь. Дыхание ускорилось, что-то не так. Он совершенно точно должен быть здесь. Я была уверена.

Но в туалете пусто — где же он?

Я нетерпеливо осмотрелась и тщательно, подключив все способности убийцы, прислушалась. Тихие шорохи из вентиляции. Мое дыхание, легкий ветерок за окном.

И наконец шаги.

Сзади. Быстрые, тихие и спешные.

С колотящимся сердцем я начала оборачиваться и резко выдохнула. Слишком медленно. Я не успела ничего сделать, он быстро вскинул руку и сжал мне шею, перекрыв доступ кислорода. Я попыталась вдохнуть, перехватила его руку, но не смогла оторвать от себя. Видимо, он спрятался — в ближайшем классе, а может, и просто в тени.

— Отпусти, — прохрипела я, словно это могло как-то помочь. Он рассмеялся. Если вы еще не поняли — это был Майкл.

— Такая дерзкая и такая беспомощная, — сказал он мне на ухо, в то время как я пыталась оторвать от себя его руку. Если не смогу — на шее останутся синяки, и всем станет

очевидно, что мне с ним сцепились. Этого мне не хотелось. Не хотелось бы оставлять на себе улик.

Нет у меня времени на подобную хрень.

Я опустила руку и ударила его по промежности.

Застонав, он выпустил меня и сполз на пол подобно слизню, каким и являлся. Свернулся калачиком и закачался из стороны в сторону от боли. Я стояла и смотрела на него с отвращением. Волосы упали ему на лицо, заслоняя глаза — как быстро он превратился в олицетворение уязвимости. Как бы просто сейчас было убить его: всего лишь удар коленом в лицо или ногой по затылку.

Но нет, сперва он должен узнать, за что умрет. В этом вопросе не хочу недомолвок. Пускай боится того, что его ждет.

Я перешагнула через него и тихо заперла дверь туалета.

— Майкл, — позвала я.

Он выругался, но так и валялся на полу. Спиной ко мне, глядя на плитку женского туалета на третьем этаже.

— Майкл, — громче повторила я.

— Чего ты хочешь? — выплюнул он, наконец повернув ко мне голову. Обычно люди, заглянув мне в глаза перед своей смертью, трясутся от страха или непонимания. Наверное, он еще не понял, что его ждет. Даже после моей записки до него не дошло.

Я опустилась на колени, потянувшись и, схватив за волосы, заставила поднять голову выше и смотреть четко мне в глаза. Два железных взгляда, ни один из нас не собирался отступать.

— С виду милая, а по факту просто сука, — выдохнул он.

Я улыбнулась и прошипела в ответ:

— Ты прав.

— Но все это несерьезно. Пустые угрозы, приправленные тяжелой рукой, но в итоге — ты пустышка. В отличие от меня. Ты боишься. И ничего ты не сделаешь.

Я посмотрела на него.

— Майкл, — спокойно спросила я, — что я написала в записке?

— Кучу фигни.

Я дернула за волосы сильнее, впиваясь ногтями в кожу. Он поморщился, на что я лишь улыбнулась.

— Что я написала? — переспросила я. Он должен ответить.

Он стиснул зубы, и на миг я подумала, что он промолчит — но затем он заговорил со всей яростью:

— Прийти сюда, в это время, чтобы свести счета.

Я вздохнула и, улыбнувшись, поднялась.

— Верно. А еще я не глупа, Майкл. И я знаю, что обсуждать нам с тобой нечего. Разговоры ни к чему не приведут. Мы оба не поддаемся силе разума, Майкл. И не сможем и дальше притворяться цивилизованными людьми, или даже просто гуманными. Так что счета все-таки придется свести. Сейчас. Ты посмел посягнуть на мое. Ты угрожал Мэгги. Ты слишком далеко зашел, Майкл. За это тебе придется расплатиться.

Он поднялся на колени, но взгляда не отвел.

— Пустая болтовня, за которой ничего не последует, — не сомневаясь в своих мыслях, сказал он.

— Ошибаешься, — ответила я, — и еще как.

— Вообразила себя всемогущей. Думаешь, для этого достаточно ханжеской прически и самодовольства в голосе? Мэгги — твоя? Ты больная? Она — моя. Всегда была моей. Сомневаюсь, что ты вообще поднимала на кого-то руку до меня.

Я начала хохотать. Какой наивный.

Впервые на его лице проскакивает удивление — а затем и сомнение.

Я постучала ногой по полу и перешла в другую часть туалета. К небольшому окошку, узкому и высокому, сквозь которое пробивался ранний закат, своими лучами разрезавший пространство между мной и Майклом.

Я выглянула в окно. Отсюда открывался прекрасный вид на школьную статую озаренного лучами солнца ангела, триумфально расправившего крылья с мирной улыбкой на андрогинном лице.

— Майкл, как меня зовут? — тихо спросила я.

— Кит.

— Нет, — выдохнула я.

Я обернулась к нему.

И как бывало много раз до этого, я поймала его взгляд и подобралась, чувствуя, как внутри что-то меняется. Как когда часы пробивают полночь. В воздухе разлилось нечто темное — опасное, дикое, сильное и такое прекрасное. Почти как похоть или гордость. Я вдохнула это и преобразилась в другого человека, удивительную личность. Которая импонировала мне куда больше, чем Кит.

— Меня зовут Диана, — сказала я.

— Не правда, — с осуждением отозвался Майкл. — Твое имя — Кит, а не Диана.

Я покачала головой.

— Нет, сейчас я Диана. Видишь ли... это такая традиция.

И медленно пошла на него. Каждый шаг эхом отражался от стен.

— Прочитать ты меня не сумел, Майкл.

Шаг. В его взгляде смешались злость и решительность.

— Ты счел меня ни на что не способной пустышкой. По-твоему, перед действиями я спасую.

Шаг. И он прикусывает язык.

— Но это лишь маска.

Шаг. Он сжимает зубы настолько сильно, что сочится кровь.

— Я тебя ударила. Думала, после этого до тебя дойдет. Оказалось — нет.

Шаг. Его взгляд дрогнул.

— И ты до сих пор не понимаешь. Дурачок.

Я останавливаюсь перед ним и опускаюсь на пол.

— Видишь ли, — шепчу, — я — Идеальный Убийца.

И тут он наконец испугался.

Я ужасающе и с предвкушением улыбнулась, прижала одну руку ко лбу — как Скарлетт О'Хара, сжала кулак и направила его ему в висок. И почувствовала, что попала точно по артерии...

Лопнул кровеносный сосуд, Майкл упал как подкошенный, в его распахнутых глазах застыл ужас. Он не успел даже подумать о том, что надо бежать.

Больше он не будет мучить Мэгги. Он заслужил смерть. Мое правосудие. Не существует

таких понятий как «правильное» и «неправильное», но за некоторые вещи надо отвечать. Счастливой жизни ему не светило, только несчастная и пропитанная безумием. Можно сказать, что смерть стала для него пощадой.

В каком-то смысле.

— Стоил ли ты этого? — прошептала я оставшейся от него оболочке тела.

Солнце скрылось за облаками, лучи его поглотили тени.

Сняв перчатки, я проверила у него пульс — и конечно же ничего не нащупала. Я стерла свои отпечатки губкой, убрала обратно в потайной карман рюкзака и обыскала лежащее перед собой тело. В одном из карманов обнаружила свою записку. Она могла дискредитировать меня, так что я смыла ее в ближайшем толчке. Убийство вышло чистым, если не учитывать вытекавшей у Майкла изо рта струйки крови от прокушенного языка. Прекрасно. И никаких улик, связывающих меня с его смертью.

Еще одно идеальное убийство.

Я отступила на несколько шагов, тщательно затолкала перчатки за пояс своих штанов. Они — самая опасная из вероятных улик против меня. Никто не должен их увидеть, ни при каких обстоятельствах.

Я встала возле двери, набрала побольше воздуха и закричала.

Глава 12

Алекс покачивал меня в объятиях, утешая «горестные» рыдания.

Повода плакать у меня, конечно, не было, однако следовало устроить грандиозное показательное выступление, чтобы отвести от себя возможные подозрения. Хотя прямых улик против меня не было никаких, но косвенно меня спокойно могли обвинить. Правда, у меня был бонус — я девушка-подросток. А людям свойственно приписывать убийства не миниатюрным девушкам, а крупным мужчинам.

Это убийство рассматривалось не как очередной акт Идеального Убийцы, а как отдельное преступление. Конечно — письма же я не оставляла. Если задуматься, я бы пришла к такому же выводу. Хотя от этого не менее странно совершать обособленное убийство.

Это было опасно. Серийные убийства я довела до такого совершенства, что от их расследования обычно заранее отказывались. К расследованию же отдельного, не привязанного к серии убийству подойдут со всем энтузиазмом. Я уверена, что не оставила ни единого следа. Но все равно нервничала.

Кроме страха внутри меня поднимался целый ворох чувств. Но я не позволяла себе погружаться в них, не сейчас. Сперва надо разобраться с делами поважнее.

Алекс позволил мне «порыдать» ему в грудь. Меня окутало его мягким дыханием и успокаивало исходящее от ладоней тепло; я прижалась к нему теснее и ощутила исходящий от него мятный аромат. Он шептал мне на ухо что-то, но за собственными завываниями я не разобрала ни слова. По коридору школы сновали толпы народа, и только он неподвижно сидел.

И в этом же коридоре, несмотря на всю мрачность положения, в моей груди снова разрослись эмоции, подогретые близостью Алекса, и я снова затолкала их в дальний уголок. Нет, нет, нет, повторяла я себе. Эти чувства ни к чему не приведут. Я — убийца, а он охотится за мной. Глупые надежды.

Но, тем не менее, мое сердце забилося чаще.

— Тишц, — прошептал он, покачивая меня. — Тише, все хорошо, все будет хорошо.

— Ничего не хорошо. Это ужасно — он мертв — я ударила его, да, но я не желала ему смерти, никогда не... Господи, — простонала я. — Божечки, он умер, умер...

— Кит, все хорошо. Твоя мама едет, она скоро будет, мы увезем тебя отсюда, все будет хорошо, — сказал он. Я заревела громче, отчаянно вцепившись ему в рубашку.

— Он умер,— взвыла я, этот звук разнесся по всему коридору, привлекая всеобщее внимание. Полицейские засомневались. Это чувствовалось. Прекрасно. Я умела быть убедительной.

— Успокойся, — с нажимом произнес Алекс. Я плавно перевела громкие подвывания в тихий, но судорожный плач. Я закрыла глаза. Несколько минут просидела так, даже не шевелясь, тихонько плача, со стороны могло показаться, что я вот-вот повалюсь ему в объятия в беспамятстве.

Я едва его знала, но отчего-то рядом с ним мне было очень комфортно, хотя паранойя и сумятица в мыслях так меня и не покинули. Может, дело в его поведении, может, оно внушило мне чувство безопасности — как и его упрямая убежденность в том, что все будет хорошо. И за такое отношение я была благодарна.

Было поздно. С тех пор как на мой крик прибежал директор, уже прошло несколько часов и я порядком устала играть. Сейчас время близилось к десяти.

Я старалась ни о чем не думать. Очень старалась. Но даже несмотря на это, в голове то и дело всплывал один и тот же вопрос, от которого по телу пробегал холодок.

Зачем я это сделала?

Не существует таких понятий как «правильное» и «неправильное», так почему же я осудила его? Я же не Бог. Мне не положено иметь собственное мнение. Я — наемный убийца. Исполнитель. Этому учила меня мать, руководствуясь собственными правилами. Только приверженность моральному нигилизму позволяла нам оставаться в здравом рассудке. И вот я нарушила главное правило, традицию, ступила на опасную дорожку.

И теперь я корила себя, поступив правильно и одновременно неправильно.

В какой-то момент я понимаю, что начала плакать по-настоящему. Беззвучные слезы потекли вниз на рубашку Алекса. Краем глаза я отметила, что ему неуютно. Он не знал, как вести себя со мной.

Что ж, нас таких двое.

Восемь часов, девять, десять — мама до сих пор не приехала. Она не будет беспокоиться до последнего. Хотя конечно, если бы ей позвонили, она бы сразу придумала оправдание. Она труслива. И естественно сразу бы поняла, что убийство совершила я. Как и то, что я подверглась опасности. После чего не захотела бы ассоциировать себя со мной, даже не имея выбора, будучи моей матерью.

Пока работали офицеры, а воздух наполнял металлический запах крови, я умудрилась задремать у Алекса в объятиях.

Немногим позже Алекс потряс меня. Нехотя я открыла глаза и зевнула. Я чувствовала себя совершенно измотанной. Если верить времени на часах, висевших в холле — полночь. Я рассеянно посмотрела на Алекса и заметила у него в глазах голубые крапинки.

— Просыпайся, — мягко произнес он. — Прости... тебе хотят задать пару вопросов.

Без слов я глянула в указанную им сторону. Там наткнулась на длинные ноги. Переведя взгляд выше до самой головы, увидела высокую женщину с длинными черными волосами, замотанными в пучок как у балерины, и, судя по форме, званием выше, чем у Алекса. В руках

она держала блокнот и диктофон. Смотрела она на меня, словно извиняясь.

— Вас зовут Кит Уорд? — спросила женщина. Я вяло кивнула. — Мне очень жаль, — неловко проговорила она. — Понимаю, как вам сейчас тяжело, но я должна задать пару вопросов, вы согласны?

После минутного сомнения я кивнула.

Я опустила руку на левое плечо Алекса и, воспользовавшись им в качестве опоры, поднялась. Он взял меня под другую руку, помогая подняться. Вид у него был обеспокоенным. Руку свою он убрал, но ощущение прикосновения так и осталось.

Я встала рядом с Алексом и прислонилась к зеркальной поверхности окна. Скрестила руки, стараясь выглядеть максимально маленькой и напуганной, и устало посмотрела на офицера.

Она жалостливо взглянула на меня и откашлялась. Включила на диктофоне запись и открыла блокнот.

— Когда вы обнаружили тело?

— Э-э... около шести, вроде бы. Уже темнело... — пробормотала я. Она черкнула что-то на бумаге.

— Почему вы в такое позднее время находились в здании школы?

— Я готовила проект. В библиотеке была... немногим дальше... Боже мой. — Я округлила глаза и притворилась, что вспомнила увиденную картину. Крепко сжала кулаки и прижала к бедрам.

— Мне жаль. Но я должна все выяснить, — произнесла женщина.

— Да... нет... я понимаю, — я вытерла мнимую слезинку.

— Кроме вас здесь кто-то был?

— Ну... Майкл... и убийца... наверное, — глухо прошептала я.

— Нет, я в том смысле — видели ли вы кого-то еще? В библиотеке вы были одна?

— Да.

— Учителя к этому времени уже ушли?

— Почти всех расходятся часам к четырем... но школа открыта до девяти.

— Значит, вы никого не видели?

Я покачала головой.

— Нет.

— Как вы обнаружили тело?

— Я просто... пошла в туалет, а там он, на полу. — Я задрожала.

— Вы не слышали ничего необычного?

— Необычного?

— Шаги, хлопанья дверьми?

— Нет.

— На прошлой неделе у вас с этим парнишкой была стычка, подтверждаете?

Я напряглась, с ужасом глядя на нее.

— Да, но это не я, клянусь вам, я этого не совершала, все подумают на меня, но я клянусь вам, что не... я не... — часто запричитала я, вжимаясь в окно и дрожа. Я даже слезу пустила.

Алекс утешающе коснулся моей руки.

— Все хорошо, Кит, — прошептал он. — Мы знаем, что это не ты. Успокойся.

— Что вы знаете о Майкле? У него были враги?

Я быстро кивнула. Кажется, даже слишком быстро.

— У него их было много, — ответила я.

— Хорошо. Можете мне их назвать?

— Практически все учащиеся и преподаватели, — сказала я с горечью. — Он умел настраивать людей против себя. Но чтобы до такой степени... кто мог так с ним поступить?

— Хмм, — промычала офицер и что-то быстро записала.

— Идеальное, — пробормотал Алекс. — Убийство идеальное. Никаких улик, зато есть идеальный козел отпущения. И я знаю только одного убийцу, который действует настолько... безупречно.

— Письма нет, — напомнила ему офицер.

— А если убийца самостоятельно решил расквитаться с этим парнишкой? Если в деле замешано что-то личное? — возразил Алекс.

Даже не знаю, хорошо это или плохо. Хорошо в том плане, что, приписав убийство Идеальному Убийце, следователи будут сбиты с толку. Но это же и плохо, потому что, инкриминировав убийство Идеальному Убийце, его будут рассматривать как личную вендетту Майклу, и вот тогда в список подозреваемых попадаю и я.

— Серийные убийцы вроде Идеального Убийцы придерживаются определенного модуса операнди, в его случае — это письма. Идеальный Убийца оставил бы письмо. Это не твоя забота. И не твое дело, — со вздохом произнесла женщина.

— Уверены? — с тревогой спросил он. Она не ответила. Не уверена.

Я всхлипнула, разрывая повисшее молчание.

— В любом случае... — начала офицер.

— Кит! — это закричала моя мама. Я медленно обернулась и увидела, как она бежит ко мне, пробиваясь сквозь полицейских, натывается на Алекса и крепко обнимает меня. — Господи, Кит, милая, ты не пострадала? Я застряла в Брюсселе... Прости, но раньше никак не получалось прилететь!

Ни она, ни я не были рады видеть друг друга. Но шоу мы устроили хорошее. Я тоже обняла ее и взвыла, вжавшись в плечо. Она перевела взгляд на Алекса и благодарно кивнула ему, в этот момент на глазах у нее выступили слезы — но она тут же опустила взгляд — а потом переключилась на допрашивавшего меня офицера.

— Я мама Кит — Вена Уорд. Можно ли перенести беседу? — обратилась к ней мама. — Кит устала и вымоталась морально и физически. Ей надо отдохнуть и прийти в себя, дома. Сейчас она этого не вынесет.

— Конечно, можете ехать, миссис Уорд, — задумавшись, ответила офицер и закрыла блокнот. — Мы свяжемся с ней позже, чтобы задать пару вопросов.

— Благодарю, — кивнула она женщине и Алексу и повела меня по коридору. На этот раз полицейские сами уступили ей дорогу. Она взяла меня за руку и повела вниз по лестнице.

Держала меня она мертвой хваткой, ногти впивались мне в кожу, заставляя морщиться. На глазах выступили слезы от боли. Я не останавливала себя — сейчас самое время для слез. Вид у нее был заботливым, но по тому, как она держала мою руку, ощущалась бешеная ярость и опасность. Иногда я забывала, что она тоже была убийцей. А забывать такое — глупо.

Когда мы спустились на второй этаж, там была доктор Марцелл, вместе с группой из нескольких преподавателей.

Все они молча обернулись к нам, во взглядах одних читалось сплошное любопытство, у других — жалость...

А вот от доктора Марцелл исходило подозрение.

И даже не легкая искорка, как раньше. А полноценное подозрение. И легко читалось, о чем она думала.

Она убила его?

Да, это была я.

Подозрение и сомнения диким огнем полыхали в ее взгляде, яростном и разрушительном, и ни капли жалости. Она осмотрела меня с головы до ног, когда мы развернулись, чтобы идти дальше.

Интересно, а она заметила, что глаза у меня недостаточно красные для той, что должна была рыдать несколько часов подряд.

Глава 13

Занятия отменили до конца недели. Полагаю, произошедшее оказалось самым черным пиаром для Айви Хай. Ну, что сказать, это не мои проблемы.

Мама, конечно же, взбесилась, что я нарушила наш кодекс и подвергла себя риску разоблачения. Даже не просто взбесилась, а впала ярость. Настолько, что начала крушить дом. Только ее ярость почему-то выглядела жалко — как у маленького истерящего ребенка. Причем истинную причину ее ярости ни она, ни я не смогли бы толком объяснить. Да, ее выбесило, что я убила Майкла. Но интуиция подсказывает, что дело не только в этом.

Когда я ударила Майкла — ее ярость накрывала своей дикой природой. Сейчас же в ней было что-то детское, вроде испуга.

Страха, однако, от нее не исходило.

Она разбила три вазы и керамическую собачку, стоявшую на каминной полке, которая так напоминала мне статую собаки возле участка Алекса. Такие настроения витали всю неделю, с ней невозможно было общаться.

— Ты все испортила, — сказала она во вторник за ужином, посверкивая эгоистичным отчаянным взглядом поверх перевернутых коробок и осколков от чашки. — Ты все испортила.

В общем, в доме попеременно воцарились какофония и тишина.

На всякий случай, до среды из дома я не выходила. По-моему мнению, лучшим вариантом было прикинуться слабой с налетом эмоционального шрама после пережитого стресса. Но как же мне хотелось сбежать куда-нибудь. Я сидела дома как на иголках. В среду же, хорошенько все взвесив, я решила, что с меня хватит — да и кроме того, в тот же день были назначены похороны Майкла, и если я на них появлюсь — это запишут мне в плюсик.

Решиться пойти туда было трудно, но после того как мама принялась швыряться вещами, я поняла, что готова бежать куда угодно; а похороны — довольно уважительная причина, чтобы выйти из дома. Хотя долго находиться там я все равно не собиралась. По очевидной причине нормальные люди, в отличие от меня, воспринимают похороны как крайне грустное и печальное событие. Да и скорбеть я не умела.

Траурная служба проходила в небольшой старенькой церквушке с острым шпилем, пронзавшим облака подобно тонкой струйке молока, наливаемой в чай. К моменту моего приезда уже прибывшие, опустив головы, стройным потоком входили внутрь. Кто-то перешептывался. Но по странному стечению обстоятельств, а может, вовсе и не стечению,

учитывая сущность Майкла, настроение у большинства присутствующих не было мрачным. Это как-то странно, непонятно и даже любопытно, словно большинство «скорбящих» не были уверены, что он по-настоящему умер. Ведь сложно поверить, что кто-то столь повернутый на собственных злобных загонах мог вот так взять и помереть. Так что на похоронах царила довольно-таки странная атмосфера. Когда я приехала, в широкие двери церкви как раз заходили несколько мужчин в строгих костюмах.

Выходя из такси, я почувствовала на себе множество взглядов. У меня в гардеробе черный цвет не преобладал, а у мамы заимствовать, с учетом ее настроения, мне не хотелось, поэтому пришлось облачиться в черное платье из тафты, которое я надевала на рождественскую вечеринку пару лет назад и которое наделало много шума, потому что было слишком официальным для тогдашнего повода. Да и черный цвет превращал меня в бледную моль. Однако за такой короткий срок ничего другого я подобрать не могла. Склонив голову, подражая другим прибывшим траурной процессии, войдя внутрь, я кое-как приспособилась к тусклой обстановке храма, и, не привлекая к себе внимания, опустилась на скамью в самом дальнем ряду.

Скамья оказалась довольно жесткой, а спинка у нее слишком низкой.

Внутри церкви было по-своему очень красиво. Потолок представлял собой треугольный арочный свод, к которому восходили колонны, как и все стены, украшенные непередаваемой готической резьбой. Сквозь витражные окна пробивался свет и причудливым узором ложился на пол. На самих стеклах я рассмотрела потрясающие изображения Неопалимой купины⁶, Ноева ковчега и прочих не признанных мною библейских сюжетов. Отчего-то по телу побежали мурашки, внутри появилось непреодолимое желание исповедаться, попросить прощения, хотя я и сама не понимала, за что именно. По законам англиканской церкви — я пария⁷. Согласно религии мне много в чем требовалось исповедоваться. Однако даже если бы и пришлось, вряд ли бы я смогла.

Время от времени я отрешенно ловила обрывки чьих-то перешептываний.

— Не представляю...

— Не верю...

— Жалко его маму...

— Безумие...

И как ни странно, но постамент с телом Майкла не особо кого-то волновал.

Его одели в строгий черный костюм и окружили белыми розами. Я и не думала, что на похоронах тело выставляют на настолько хорошее обозрение, но, видимо, так. Или же тот, кто планировал церемонию, избрал крайне непривычную меру. Да, скорее всего, так и было. Все происходящее выглядело настолько необычным, что еще чуть-чуть абсурда картины точно не испортит.

Стоит заметить, что даже от мертвого от него веяло сволочизмом. Казалось, у него на губах по-прежнему играла та мерзкая издевательская ухмылка, а волосы вот-вот подпрыгнут от очередного шага. Деталей с моего места видно не было, но, войдя в церковь, на кое-что я внимание обратила. Его отмыли от крови и закрыли рот, скрывая прокушенный от смертельного удара язык.

И нанесла его я.

Я не отрывала взгляда от витражей, пока не услышала голос выступающего за кафедрой.

— Как глаголил Иисус ученикам своим: «Да не смущается сердце ваше...»⁸

Его голос разносился эхом как от колокола.

Говорившим оказался пастор — пожилой мужчина с тремя зачесанными набок волосинками на голове, которому явно было не по себе выступать перед толпой. Мне даже стало интересно, был ли его дискомфорт вызван нелюбовью к публичным ораторствам или же ему просто не нравился Майкл. Если второе, тогда он соврет, говоря, что душа Майкла обрела спокойствие и попала в рай. Лично мое мнение — Майкл даже близко не знал, что это такое. Возможная неприязнь пастора к Майклу могла объяснить его неуверенность — и косые взгляды на гроб, впрочем, точно такие же взгляды бросали и остальные присутствовавшие.

— ...Я есмь путь и истина и жизнь...

Он заговорил о Боге. Я сразу же перестала прислушиваться.

С передней скамьи донеслись рыдания.

Плачущей оказалась женщина, скорее всего, это была его мать. Он был единственным ребенком, к тому же кто еще мог рыдать о нем? Постепенно я переключила все свое внимание на высокие витражи, а единственное, что слышала, — приглушенные всхлипы матери Майкла. С каждым судорожным вздохом у нее вырывался икающий звук, чем-то напоминающий смешок.

Со своего места я не могла разглядеть ее. Однако мне было бы крайне любопытно увидеть породившую такого монстра. Сожалела ли она, что подарила миру такое средоточие ненависти? Или она ничего не замечала? В какой-то момент мне ужасно захотелось посмотреть ей в глаза и задать эти вопросы лично. Мне правда было любопытно услышать ее ответы. Ведь Майкл-то сдох....

Майкл сдох.

Каждый раз, когда я думала об этом, я словно на стену нарывалась. И как-то резко вспоминалось, как моя мама, крича, схватила керамическую фигурку собачки и запустила ею в стену, попав ровно над пианино...

Пастор завершил свою речь и отошел от кафедры, умоляюще смотря на переднюю скамью. Во взгляде, прикрытом нависающими веками и тонкими ресницами, было столько неуверенности и тревоги. Но он кивнул. После чего поднялись родители Майкла. Я вглядывалась в них с каким-то нездоровым интересом.

Его отец оказался высоким и худощавым, очевидно, телосложением Майкл пошел в него, как и осанкой; однако в отличие от сына — от него не веяло циничностью. Зато чувствовалась порода. И несмотря на то, что ему не могло быть больше пятидесяти пяти, выглядел намного старше. Облачен он был в темно-серый костюм, а тусклые каштановые волосы зачесаны назад на пример лошадиной гривы. Однако выглядел он вполне претенциозно. Жена по сравнению с ним казалась малышкой с длинными волосами и мягкими чертами лица. От отца Майклу передалась фигура, а вот лицом он явно пошел в мать. И такое сходство заставляло поежиться.

А уже можно думать о Майкле в прошедшем времени или еще слишком рано для такого? Даже не знаю. Наверное, можно.

Родители поднялись по ступенькам, направляясь к постаменту, чтобы произнести несколько слов своему ушедшему сыну. Мама Майкла всхлипывала все громче, но когда она подошла к безжизненному телу собственного сына, ей пришлось прижать ладонь ко рту. Облачена она была в слишком свободное синее платье, лицо не покрывало ни грамма косметики. Муж шепнул ей на ушко что-то и мягко отвел от открытого гроба.

Дойдя до кафедры, они повернулись лицом ко всем присутствующим. И практически

моментально мама Майкла выцепила меня взглядом.

Я застыла. Она обвела глазами пришедших, словно выискивая меня, и нашла. И она точно знала, кто я такая. Должно быть, отыскала мое фото в ежегоднике после того, как ей сообщили имя той, кто нашла ее сына. В принципе, не важно как — важно, что она знала меня в лицо. Она плакала, и среди абсолютной тишины были отчетливо слышны ее икающие всхлипы. И она не злилась. Красноватый свет, проникающий сквозь окна, лишь подчеркнул абсолютное непонимание у нее на лице.

Зря я пришла. Не в силах больше здесь находиться, я вскочила на ноги, и взгляд мой упал на лежавшую в деревянном кармашке впереди стоящей скамьи библию. Сосредоточившись на узорной кожаной обложке, я тихонько извинилась и рванула к проходу. Подошла к массивной двери. С трудом открыв ее, я вышла под полуденное лондонское солнце. Мне казалось, что даже юбка из тафты шелестит слишком громко.

Точнее, я вышла под полуденное недосолнце, потому что небо оказалось пасмурным и не слишком ярким. Я почувствовала дикую усталость. Рядом стоял фонарь. Я подошла к нему и, прижавшись лбом к прохладному металлу, прикрыла глаза.

Так и простояла несколько минут, стараясь выровнять дыхание.

Или мне это просто показалось и простояла я так не несколько минут, а гораздо дольше. Потому что не успела я и шагу сделать, как двери церкви распахнулись, выпуская молчаливых людей. Служба закончилась. Я выглянула из-за фонарного столба, наблюдая за ними. Кто-то искоса поглядывал на меня, но большинство не обращали внимания. Я понимала, что лучше не медлить, а поскорее уходить, но не могла заставить ноги сдвинуться с места.

Последними вышли родители Майкла, и при виде них меня словно током пронзило. Он обнимал ее, она смотрела себе под ноги; но вот он сказал ей что-то, и она подняла на него глаза, мимолетом заметив меня — подростка, прячущегося за фонарным столбом. Она мягко выпуталась из объятий мужа и направилась прямо ко мне. У него на лице промелькнуло сомнение, и, тем не менее, он ее не остановил, а направился следом. Мне захотелось бежать, но я не могла оторвать ноги от земли.

— Здравствуй, — мягко поздоровалась она.

— Здравствуйте, — отозвалась я.

В ней я отчетливо видела Майкла, и это меня удручало. Казалось, что передо мной стоит он, отчего я мысленно переносилась к моменту его смерти. И почему-то, глядя на нее, я снова и снова переживала тот миг — когда убила Майкла.

— Его обнаружила ты, — прошептала она, не объясняя, как поняла это.

— Да.

— Почему ты убежала?

Я вздрогнула и вздохнула, глядя себе под ноги. Что мне ответить, что же ответить?

— Я подумала, что вы не рады моему присутствию, — заикаясь, ответила я.

— Почему же? — неподдельно удивилась она.

— Вы так смотрели. Мне показалось, что вы разозлились.

Она засмеялась, а через несколько секунд всхлипнула и покачала головой.

— Нет, я не злилась. Только удивилась, что ты пришла.

— Моя подруга слышала о времени и месте и рассказала, — снова попыталась оправдаться я. Пускай она и не злилась, но мне было все так же не по себе.

— Я рада, что ты пришла. Спасибо тебе за это. Спасибо. — Она запрокинула голову,

глядя на медленно плывущие облака, совершенно раздавленная и сломленная.

На какой-то миг я почувствовала сожаление, но не за то, что убила. Нет. За эту женщину. Но довольно быстро это ощущение пропало.

— Э-э, не за что.

Повисла пауза. А потом...

— Как он выглядел?

— Простите?

— Майкл. Когда ты его обнаружила. Как он выглядел? Только прошу тебя, не ври... —

Она украдкой глянула на мужа, как таящийся ребенок. — Мне сказали, что он не мучился, что даже крови не было, но этого просто не может быть. Его же убили. Я понимаю, что меня хотели утешить. Но я хочу знать правду. Пожалуйста. Прошу, расскажи мне.

Она протянула руку и с неожиданной силой сжала пальцы на моем плече. Мне стало ужасно жаль эту женщину. Несчастливая, которую все вокруг ошибочно приписали к слабачкам.

Взглянув на нее, я тихонько прошептала:

— У него были открыты глаза. И синяк на виске.

Она вздрогнула, но хватку не ослабила, поэтому я продолжила:

— Из рта текла кровь, много крови.

— По-твоему он умирал в муках?

Ну что я могла ответить?

— Я не знаю, — ответила я.

— И все же, как думаешь?

Она хотела знать. Причем настолько, словно от ответа зависела ее жизнь. В этот момент я ощутила непривычное, неестественное и крайне иррациональное желание заплакать.

— Думаю, он не мучился, — прошептала я, а через секунду она меня отпустила.

— Это хорошо, — пробормотала она. — Хорошо...

Я опустила глаза. Она продолжила:

— Знаешь, он был хорошим мальчиком. Хотя остальные считали обратное. Но я-то знаю, он был хорошим. Если бы ты знала его, как я. Тогда бы ты видела, каким замечательным он мог быть...

Речь перетекла в слезы. Подоспевший муж обнял ее за талию. На меня он не смотрел. Это странно. Да и она тоже интересная. Мои представления о матери Майкла оказались в корне неверными — эта женщина слепо верила в святость своего сына. Свыкнуться с таким осознанием трудно, ведь моя мать никаких иллюзий насчет меня не питает.

— Все-все, пойдем, — шепнул ей муж и повел вперед. И она пошла, не оглядываясь. А я понадеялась — причем в весьма корректной форме — больше никогда с ними не встречаться.

И, оторвавшись от фонарного столба, я пошла восвояси.

Домой пришла поздно. Не хотелось возвращаться, поэтому я гуляла по Лондону. Побродила по Брикстону, дошла до Вестминстера, а дальше опомнилась в Ноттинг-Хилле где задержалась. Давненько я здесь не бывала, даже проездом ради убийства. На некоторых улицах тянулись ряды белых домишек, чем-то напоминающих мой, но кое-где, подобно драгоценному камню, затесались разноцветные здания. Я начала выискивать такие, а найдя, не торопилась проходить дальше. Я неспешно наслаждалась, впитывая в себя яркие краски. Пыталась заразиться от них настроением. Но куда бы я ни шла, Майкл меня не отпускал.

Мне так и виделось, что он притаился за углом и наблюдает за мной или смеется, выглядывая из окон. Его образ преследовал меня повсюду.

Еще со мной играла память, нет, не о Майкле. О времени задолго до знакомства с ним. О комнате, где меня тренировала мать — на самом деле это скорее были урывки воспоминаний. Мне двенадцать лет, финал нашего спарринга: я нависла над ней, упираясь коленями в пол, и прижала кулак к ее подбородку — я победила. Она тогда ахнула. Я помню то ощущение подпитываемого гнева и вкус победы, пробежавшие огнем по венам — и помню ее взгляд, в котором смешались поражение и удивление, и гордость, когда она провозглашала, что я готова. Ее радость от моей победы вознесла меня до небес. Да, я уже убивала, но по-настоящему все началось не с убийства, а с момента, когда я повалила свою мать на маты.

Именно тогда я превратилась в Диану.

Это воспоминание породило во мне нечто сродни страху.

Закат я встречала возле Вестминстерского аббатства, окруженная толпой туристов, восторгающихся красотой моего платья из тафты. Но я отстранилась от всего мира, переключив свое внимание на закат. Мне он показался монохромным. В небе все перемешалось, преобразовав его цвет в чрезмерно безвкусный оттенок розового лосося.

Дом меня больше не манил. Но в конце концов я устала, да и надо где-то спать, так что пришлось возвращаться. Только вот сна не было ни в одном глазу.

В наших окрестностях было тихо, что неудивительно, ведь стемнело уже давно. Идя вдоль улицы, я поглядывала на изящные белые домики по обе стороны от меня, отмечая занавешенные окна и сверкающие в свете уличных фонарей крылечки.

И практически одновременно со мной к дому подъехал отец.

Он припарковал дорогой и большой темный автомобиль со сверкающими серебряными дисками и старым номерным знаком и вышел на дорожку, когда я поднималась по ступенькам — и чисто из вежливости обернулась, чтобы поздороваться. Но промолчала. Это может показаться грубым или бессмысленным, но я хотела, чтобы он сам заметил меня.

Выбравшись из машины, он смотрел себе под ноги. Наверное, задумался. Практически всегда я оставалась для него невидимой. И только когда он обошел машину, чтобы взять портфель с пассажирского сиденья, только тогда он увидел меня. И во взгляде не промелькнуло ни единой эмоции; если они там вообще были.

— Здравствуй, Кит, — любезно произнес он.

— Привет, — отозвалась я.

Он открыл дверцу и отвернулся, больше ничего не говоря. Перенес вес с правой ноги на левую, а потом обратно на правую.

Он не знает? Неужели не слышал? Про смерть мальчика. Во всех новостях же передавали. И не задумался? И даже не спросит меня о случившемся?

Удивительно, но к языку подступили слова — слова, которые мне безумно захотелось прокричать ему в лицо.

«Я — убийца!», — хотелось завопить. Наемница! Я опасна! О моих свершениях перешептывается половина Лондона, а мне порой хочется спросить, не забыл ли ты мое имя. Я избивала и убивала одноклассника. И буду убивать дальше. На моем счету больше пятидесяти убитых. Я знаменита. Мои руки в крови, от которой не отмыться. За один этот миг я могу придумать тысячу способов твоего убийства. Я — твоя дочь, хочется напомнить, но ты будто и сам в это не веришь.

Он поднялся на крыльцо и, видя, что я ничего не делаю, вставил ключ в замок. Я скрестила руки на груди. Мне столько всего хотелось ему сказать, особенно сейчас. Отчаянные слова грозились сорваться с губ, но я не имела права их произносить. Казалось, что стоит отпустить хоть одно, и уже не остановиться.

Поэтому я ограничилась лишь коротким «Спасибо», когда он открыл дверь и пропустил меня вперед. А затем быстро поднялась наверх, пресекая возможность услышать его ответную реплику.

Той же ночью я никак не могла уснуть. Из спальни родителей, расположенной под моей, доносились напряженные и тревожные голоса. Я понимала, что мама рассказывает ему то, что я не могла. Про смерть Майкла, что я обнаружила его тело — то есть официальную версию, необходимые факты. Ему не нужно ничего, кроме официальной версии. Ведь он живет в спокойном мире полного неведения.

Она перескажет ему события прошедшей недели, с момента обнаружения Майкла, а потом они блаженно замолчат.

Интересно, о чем он подумает после того, что узнал. Если вообще подумает.

К субботе мама избирает политику молчания и перестает швырять все вокруг, но в пятницу она разбила вазу и ее осколки оставили на моей руке длинный порез, который к понедельнику, естественно, не успел зажить. Сама же она поранилась сильнее; повязки на запястьях и предплечьях пропитались кровью. А в четверг мне пришлось в течение двух часов вытаскивать осколки у нее из ладони. В понедельник я надела свитер с длинными рукавами, сделала угрюмое лицо и отправилась в школу.

После того как я ударила Майкла, мне в спину летели перешептывания и сплетни.

Сейчас же я ловила сплошь жалость и настороженность.

Стоило мне показаться, как все затихало — в школе было тихо как никогда. Стоило пройти мимо, и наступала мертвая тишина — никто не говорил, никто не двигался. Ну да, я же наткнулась на труп. Я — особенная. В самом худшем смысле.

Хотя нет, не в самом. Представьте, что было бы, если бы раскрылась личность убийцы.

Сердце замерло.

Убит без письма.

Я даже не заметила, как дошла до нужного кабинета.

Я остановилась перед дверью. Еще рано. Да, зайти в кабинет придется, но как же мне этого не хотелось. Ведь там меня поджидали два монстра. Первым была Мэгги, а другим — очевидное отсутствие Майкла.

Но ловить помощи в коридоре бессмысленно. И я вошла в класс.

Первое, что я отметила — пустота на парте Майкла. Мне казалось, что кто-нибудь оставит на ней цветы или записки. Хоть что-то. Я предполагала увидеть фотографии и письма, букеты и лепестки, что будут красиво опадать на пол — однажды я уже такое видела, тогда кто-то умер в автомобильной аварии. Так же обычно делают, когда кто-то умирает, или я ошибаюсь?

Однако здесь ничего такого не было. Только парта, которую обходили по широкой дуге и округлив глаза.

И Мэгги. Которая сидела одна-одинешенька в пяти футах от ближайшего человека. Волосы у нее были распущены, кудрявые и дикие, на шее аккуратно накрахмаленный воротничок. Она откинулась на стул, а ноги положила на стол, сидя вполоборота к двери, чтобы видеть каждого входящего.

Лицо ее выражало полнейшее счастье.

Наши взгляды пересеклись.

— Привет, — сказала она.

В классе стало в два раза тише. Между нами с Мэгги разверзлась пропасть. И ощущалось это слишком явно. Где-то дворе застонало от ветра дерево, мимо окна пролетели листья, все это напоминало дешевый фон старого кино.

— Привет, — тихо ответила я.

Спрятав руки в карманах, я подошла к ее парте.

На минуту она призадумалась над дальнейшей фразой.

— Он мертв, — просто сказала она на грани шепота.

— Да... — отозвалась я еще тише, чем раньше. Никто на нас даже не посмотрел.

Она запрокинула голову, откидывая волосы назад, и глубоко вздохнула. А когда выдыхала, с губ у нее сорвался тихий смешок. Смешок, который можно было спутать с оханьем. Холодный и безжалостный.

— Его больше нет, — счастливо пробормотала она тихо, чтобы это слышали только мои уши, я же смотрела на нее в ужасе.

По расписанию философия стояла перед обедом, и вот стоило бы мне опасаться появляться на ней, но отчего-то я испытывала какой-то болезненный восторг вкупе с любопытством. «Предвкушение» — вот слово, которое лучше всего описывало мое состояние. Я знала о подозрениях доктора Марцелл. Кроме нее вроде бы никто не сомневался. Интересно, как же она себя поведет?

Я заняла место на задних партах. А на столе Майкла снова никаких цветов не наблюдалось. Просто пустота: вот он был, и вот его нет.

Напомнив себе принять самый несчастный вид, я обвела глазами рассаживающихся после звонка одноклассников. В противоположной части класса поднялась с места доктор Марцелл и, дойдя до двери, закрыла ее. Взгляды всех присутствующих проводили ее до доски. Она испытующе оглядела наши лица и спустя некоторое время заговорила.

— Произошло нечто страшное. — Кинжалы. Ее слова резали подобно кинжалам.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Страшное? Почему же сразу страшное? Конечно, его убили, и смерть его многих задела, но не так, чтобы страх навевать. Майкл был сволочью. И не просто сволочью — а абсолютно невменяемой сволочью. Он был опасен. С его смертью все смогли наконец выдохнуть.

— Я знаю, что вы поняли, к чему я веду. Каждый из нас обратил внимание на пустую парту. Всем вам рекомендовали побеседовать с психологом, хотя бы единожды, поэтому я не стану тратить наше общее время на обсуждение произошедшего. Однако мне хочется затронуть одну тему, которая, на мой взгляд, напрямую касается возникшей ситуации.

Все молча внимали ей.

— Сегодня, — сказала доктор Марцелл, — мы обсудим такое понятие, как «зло».

Она посмотрела на меня. Я опустила глаза.

— У меня к вам вопрос: скажите мне, — начала она, медленно расхаживая по классу, — «зло» — это однозначное понятие?

На миг воцарилась тишина; а потом кто-то прошептал:

— Нет.

— Любопытно. Почему нет? — спросила доктор Марцелл.

Ответивший не захотел продолжить свою мысль, поэтому доктор Марцелл окинула класс взглядом. И не найдя желающего, вызвала сама.

— Мария, — она указала на блондиночку за первой партой. Бедная Мария не знала, что ей ответить, но через несколько секунд она догадалась, в какую степь уйти.

— Аналогично с... моральным нигилизмом. В том смысле, что истинного зла не существует, потому что зло относится к социальному конструкту.

— Верно. — Доктор Марцелл снова обошла класс, затем замерла. — Но по этой логике выходит, что Гитлер — не был истинным злом?

— Нет, нет, я не это имела в виду, — выдохнула Мария.

Дэмиен, сидящий рядом со мной, добавил:

— Мне кажется, что все, что посередке, типа кражи чипсов или подделка подписи на мелкой бумажке — нельзя относить к злу. А что касается более серьезных вещей, вроде убийств, уже зависит от общества, в котором мы живем. Потому что где-то убийства считаются нормой, а где-то абсолютным злом. Ну а что-то вообще нельзя отнести к злу — скорее списать на безумные обстоятельства, например, когда голодающий ворует еду. Но все равно, это зависит от того, кто ты, где ты и какое общество тебя окружает. Однако... если речь уж зашла о массовом геноциде... это точно зло, независимо от окружающих обстоятельств и общества.

Доктор Марцелл улыбнулась.

— То есть, Дэмиен считает, что любое «зло», кроме крайней его степени, основывается на обстоятельствах. Все ли согласны с подобным аргументом?

Ребята начали негромко соглашаться.

— Итак, — осторожное продолжила доктор Марцелл, — а убийство Майкла относится к злу?

В этот миг кислород словно покинул наш класс. Все затихли. Замерли. Не веря, что вопрос действительно прозвучал из ее уст. Ответ очевиден — каждый приписал его убийство к злу. Спрашивать подобное как-то кощунственно. Даже на мой взгляд. Вспомнить только, как оплакивала его мать. Подобный вопрос словно перечеркивает испытанную ею боль.

Хотя, если призадуматься, ничего подобного я испытывать не должна.

Следующие слова доктор Марцелл подбирала очень тщательно. Пришлось. Потому что слишком опасная тема. Честно говоря, услышь ее сейчас кто-нибудь еще, ее бы незамедлительно уволили. Я понимала, что в основном все ее слова нацелены на меня. Не проходило и секунды, чтобы она на меня не взглянула. Да, она подозревала меня. Но можно же было выбрать способ поэлегантнее. Я не выказывала никакой лишней реакции.

— Майкл был... несчастным человеком, — тихо произнесла она, ее слова накрыли нас налетом беспокойства. — Довольно многие, включая полицию, а также некоторых родителей и учителей, решивших остаться анонимными, рассмотрели в его действиях и поведении признаки диссоциального расстройства личности⁹. — И продолжила дальше, убедившись, что все мы поняли, о чем она говорила. — Диссоциальное расстройство личности заставляет человека пренебрегать принятыми в обществе нормами и правами другого человека. Нарушение чьих-либо прав, если оно достаточно велико, можно соотнести к злу. В перспективе он мог стать этим злом. Так что я повторю свой вопрос: можно ли считать убийство Майкла злом?

На этот вопрос не было альтернативного ответа. Естественно, ответ мог быть только — да, это зло. Ответь кто-то обратное — и его посчитают психом. Вопрос-ловушка.

— Конечно же это зло, — уверенно произнесла я.

Она резко обернулась ко мне.

— Объясни, почему, — потребовала она.

Я впала в ступор.

— Ну... а как это может не быть злом? То, от чего он страдал — разве его можно в этом винить? Нет. Он был обычным ребенком, как и все мы. Отнять у кого-то шанс на жизнь — это зло, — ответила я.

Но я так не думала. Зато я озвучила мысли окружающих. Но, тем не менее, сказанное мной заставляло задуматься.

— Ты... ударила его пару недель назад, верно? — осторожно спросила доктор Марцелл. Я кивнула.

— Да... ударила... но это никак не связано. Мы не ладили, но убить его — я бы никому не пожелала смерти.

«Кроме тех, кто ее заслужил», — промелькнула мысль.

— А эта тема так важна? — заныл кто-то с дальних мест.

Доктор Марцелл проигнорировала этот выпад.

— Значит, смерти он не заслуживал, даже если однажды совершил бы то, что ты сочтешь злом?

— Но он же ничего не сделал! — закричала я, подскочив и ударяя ладонями по столу — и осознавая, что сказала чистую правду.

Он ничего не сделал.

Насколько мне известно, он не убивал, не изменял, не врал, не крал. Не особо вредил Мэгги, хоть она его и боялась. Это я набросилась на него. Это я запустила механизм. Это я вынесла приговор.

Кроме меня винить некого. И я не могла больше притворяться, что все в порядке, потому что сама никогда и никого не приговаривала к смерти...

В этот раз я решала сама, от и до. И оступилась. Я могла придумать тысячу оправданий, но только не перед самой собой. Я убила его ни за что. Я и раньше это понимала и осознавала — но, тем не менее, последствия приняла слишком близко к сердцу.

Я взглянула на доктора Марцелл, ощущая, как гнев и неповиновение отступают, несмотря на мелькнувшее в ее глазах подозрение. Она смотрела очень пристально. В груди образовалась пустота. В глазах поплыло. Я опустила на стул, закрыла глаза и попыталась заново научиться дышать. Внутри было пусто, слишком пусто.

Впервые в жизни я ощущала себя убийцей.

— Зло, — пробормотала я. Ответил ли кто-то на мои слова — не знаю.

Состояние у меня было слишком нестабильным.

В небольшом кабинете я откинулась на спинку кресла и скрестила ноги, скользя взглядом по выцветшим персиковым обоям. Сидящая по противоположную сторону стола консультант потянулась ко мне. Для меня она осталась безликой. Ничего не значащей. Я не хотела приходить; но пришлось. Всех принудили к этой беседе, но особо повезло мне. Ради такого меня даже с философии отпустили пораньше; на запись к мозгоправу выстроилась очередь, так что с расписанием у нее выходил полный бардак. И я была крайне благодарна за выделенное для меня время. После случившегося на уроке мне не хотелось задерживаться в классе ни на секунду.

— Как ты себя чувствуешь? — утомленно спросила она. Ну конечно, стоит только

подумать, сколько раз она задала этот вопрос за сегодняшний день.

— Отлично, — ответила я.

Правда, сама себе не поверила. После сегодняшнего-то.

В отличие от нормальных подростков, я не имела права выговориться. Я чувствовала себя убийцей, заключенной в клетку из четырех персиковых стен, — и одновременно с этим внутри проскакивало что-то нервное и даже выжидающее. Сейчас я была слишком похожа на Диану. Я чужая ее жажда крови, опасение и холодный расчет.

— Наверное, напряженно оказаться посреди всего этого безумия.

— Я в порядке.

Безликий психолог оказалась недовольна моим ответом, но я не собиралась идти ей навстречу и выкладывать все, что чувствовала. Я посмотрела мимо нее в окно второго этажа, на темные верхушки деревьев, которых едва касалось полуденное солнце.

— Ты знала Майкла лично?

— Нет, — соврала. Перед глазами всплыла его плачущая мать.

— Мне сказали, что ты... недавно ударила его в столовой.

— Мы не общались.

— Кит, я помогу тебе, если позволишь.

— Мне не нужна помощь.

— Кит...

Я перехватила ее взгляд. Пускай считает, что я в состоянии аффекта, напугана и не желаю разговаривать из-за пережитого стресса, а никак не потому, что безумная.

Нестабильное состояние. Осознание этого никак не отпускало. Хотя описание идеальное — тихая, спокойная, этакий тихий омут, в глубинах которого сокрыто нечто мрачное, опасное и взрывное.

— Ты знала его, — спокойно повторила психолог.

— Возможно.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет.

— Я понимаю, что тебе нужно время, чтобы оправиться. Но для этого надо что-то делать.

— Меня же обязали посетить одну консультацию?

Ей стало некомфортно.

— Я бы хотела, чтобы ты походила ко мне.

— Не хочу.

— Тебе нужна помощь, Кит. — Ох, как же она была права.

— Не нужна мне помощь, — огрызаюсь. И на этом спору конец, никому — будь то она или кто-то другой, я не позволю себя принуждать; я — лед, а она рыба, которая безнадежно бьется о мою поверхность.

Мэгги шла чуть ли не пританцовывая. Она понимала, насколько неуместна ее улыбка, потому пыталась как-то прикрыть ее черным шарфом, но выходило не очень удачно. По коридорам школы она летела подобно феечке, всюду сверкая радостью. Внутри меня же поднимался гнев. Я и так едва сдерживалась, но ее показная жизнерадостность добивала.

И вот вроде должно быть легче от того, что пусть и без письма, но механизм «правосудия» запустила не я. Только легче не становилось. Наоборот, ее настроение

вызывало во мне еще большую жажду убивать, и — что куда хуже — пробуждало чувство вины. Она пробивала путь вперед сквозь толпы учеников, а я следовала за ней по пятам.

Мы вошли в столовую и направились к столику. Возле которого я сбила Майкла с ног. Я прикусила губу и постаралась не пялиться на линолеум.

Мэгги присела и лучезарно улыбнулась, когда я опустилась рядышком. Я поверить не могла. Отвернулась, глядя в никуда, стиснула зубы и резко обернулась обратно.

— Совесть тебя совсем не грызет? — тихонько прошипела я.

— С чего вдруг? — переспросила она. Вид у нее был рассеянный и искренне удивленный.

— Ты выглядишь чересчур довольной. Он мертв, Мэгги. Не переехал, не отправился в длительное путешествие. А умер.

— Мне пофигу. — Она улыбнулась. — Он только и делал, что изводил меня. Так с чего бы мне вдруг страдать о его кончине?

Я уставилась на нее.

— Он... любил тебя, Мэгги. Каким бы безумным он ни был, но он тебя любил. Разве тебе ничуть его не жаль?

Она не ответила. Только обвела глазами помещение и тихонько рассмеялась. Точно так же, как тем утром.

— Не понимаю, почему все так опечалились, — задумалась Мэгги. — Что-то я не замечала, что он кому-то нравился больше, чем мне. Он был сволочью, во всех отношениях.

Она так просто произнесла эти слова. Такие злобные и мерзкие. Как жаль, что раньше подобных речей она не толкала, но теперь, слыша от нее такое, я понимала...

Мне это не нравилось.

Сердце екнуло.

Она посмотрела на меня и улыбнулась, пытаясь убедить. Но я не понимала. Смерть никогда меня не радовала. Мне нравился сам процесс убийства. Его безупречность. Но на этом все, и как только процесс завершался — все удовольствие проходило. И я не понимала ее радости.

— Теперь, когда он подох, я наконец-то могу начать жить, — блаженно выдохнула она.

Внутри меня полыхнуло.

Я могла бы убить и ее. Да, Майкл умер от моей руки, но теперь у меня появилась возможность восстановить баланс справедливости. А это значит, я должна выполнить его заказ. Сейчас мне ничего не застилало глаза. По крайней мере, это меньше, чем я могла бы искупить его смерть.

Пока еще она не знала, но скоро поймет. И возненавидит меня. И это будет прекрасно. Перед финалом каждый из них испытывал это.

Казалось, я лишилась сердца.

Внутри меня что-то надломилось. Это было больно. Раньше мой моральный компас показывал строго на север, не реагируя ни на какие раздражители. Но лед растрескался, раскололся и поплыл в разных направлениях.

После занятий я нашла Мэгги в компании трех девушек в туалете первого этажа. Мэгги стояла, привалившись к дальней стене, и настороженно выслушивала их. Бросаемые ими слова были колкими, но не напрямую направленные на нее, однако выход девушки ей перекрыли. Они зажали ее там еще до моего появления и, судя по всему, выпускать не собирались

— Так жалко того убитого мальчика, — произнесла одна из них с мелодраматичным вздохом и накрутила на пальчик каштановый локон, поглядывая при этом на Мэгги. — А ты как думаешь, Энни? — продолжила она, выжидая поглядывая на подружку.

Я замерла под дверью, прижавшись к ближайшей стене. В проеме оставался небольшой зазор, его было достаточно, чтобы я могла видеть происходящее внутри. Отмечая для себя каждый момент, я взвешивала, стоило ли мне вмешаться. Сперва решила просто понаблюдать.

— Да, кошмар такой. Даже не верится. Все так подавлены, — протянула Энни.

— Только вот, — влезла третья, — до меня дошел мерзких слух. Что одна девчонка очень радуется и постоянно улыбается.

— Чокнутая какая, — кивнув, согласилась с ней первая. — Это же какой ненормальной надо быть? Таких психов запереть надо.

— Даже если они не ладили, это не оправдывает ее. Честно. Даже та девчонка, которая ударила его в столовой пару недель назад, совершенно раздавлена, — вздохнув, продолжила Энни.

— Любой, кого радует чье-то убийство — психопат, — добавила первая, а затем демонстративно задумалась. — Да и убийство, вероятнее всего, совершил психопат, — беспечно произнесла она.

Я видела, как сжались кулаки Мэгги. На первый взгляд казалось, что их слова ее не задели и никак не заинтересовали, но чем дольше я смотрела на нее, тем отчетливее отмечала напряженные плечи или подрагивающую левую лодыжку.

Я шагнула к двери, готовясь в любой момент вмешаться.

И хоть я уже дозащищалась ее, останавливаться на этом я не собиралась. Раз уж начала — надо довести это до конца. И вот тогда посмотрим.

Глава 14

Той же ночью я выбираю письмо и облачаюсь в черную кожу. Оно написано на тонком листке, и приходится быть аккуратной, очищая его от отпечатков и улик, чтобы не повредить.

Дорогой убийца,

Не понимаю, что побудило ее уйти. Ведь я так люблю ее. Люблю больше всего на свете. Наверное, ты не понимаешь, в чем проблема, — ведь о такой любви мечтает каждый? Ради нее я был готов на все. Всегда поддерживал и был рядом. Всегда.

Но она меня бросила. В попытке понять, почему так произошло, скоро доведу себя до самоубийства. Я просто с ума схожу. Не смогу видеть ее с другим. От одной мысли кровь кипит. Я зол на нее. Но при этом все еще люблю. Если она не будет моей, я наложу на себя руки.

Пожалуйста. Прошу тебя, убей ее. Если она не будет моей, то пусть лучше никому не достанется.

Ее имя — Черри Роуз.

Имя жертвы мне знакомо. Черри Роуз — восходящая клубная певичка из Вест-Энда. Загуглив, нахожу, что сегодня должно состояться первое из нескольких ее выступлений в клубе «The Ball» неподалеку от Лестер Сквер¹⁰.

Мамы нигде не было видно, папа, как обычно, где-то пропал. Я оставила ей записку на холодильнике — уехала в Лестер — а то вдруг она еще заволнуется, увидев, что меня нет.

Надо отвлечься.

Я спустилась в метро и поехала на станцию Лестер Сквер. Постаралась принять как можно более мрачный вид — не хотелось, чтобы ко мне приставали. Не в том настроении. Поверх обтягивающего платья я надела длинное черное пальто. Засунув руки в карманы, я глубоко задумалась, пока поезд плавно пересекал город. Скорее всего, сделала я это зря. Мысли вообще опасная штука, а в моем случае особенно. Дорогу в метро я слабо запомнила кроме того, что было тепло и что рядом сидящая женщина довольно громко подпевала надрывающейся у нее в наушниках музыке. Дамочка была толстой и в розовой кофточке, отчего напоминала огромный розовый пузырь от жвачки. Внимание к деталям прикольная штука.

На Лестер Сквер оказалось многолюдно. Куда ни глянь, всюду мелькали огни и ходили компании, образуя чудовищную какофонию из бликов, звуков и запахов; в такой толпе я ощущала себя совсем крошечной. И юной. Здесь оказалось удивительное количество парочек. Они гуляли, держась за руки, шептали друг другу всякие милости и обнимались. Я старалась их обходить. Держаться в тени и не попадать на глаза. Я поежилась. Слишком холодно.

Клуб «The Ball» — получивший свое название благодаря огромному серебряному шару, подвешенному над входом, нельзя назвать самым популярным на этой площади. Но он явно не простаивал. Этот клуб входил в сегмент стабильного середнячка — его посещали парочки, одиночки, компании и возле входа всегда стояла очередь из девушек в слишком коротких платьях и мужчин им под стать. Поддатый вышибала отвлекался на симпатичных куколок в мини и не особо проверял входящих. Нелепость — но мне она сыграет на руку. А вот ему такое отношение к работе скоро аукнется. Скоро, но слишком поздно для Черри.

Я прошмыгнула мимо вышибалы, примкнув к двум приторно-веселым парочкам. Внутри клуба витал стойкий запах алкоголя. Оформление его кричало своим лоском и новизной, однако весь пол был заляпан, музыка гремела слишком громко, а освещение превращало каждого в бледную немощь. Я решила осмотреться; мимо меня проходили разные люди, многие из которых задевали плечами. Но я не обращала на них внимания. Уровень ниже того, где я находилась, представлял собой сплошной танцпол, движущийся в едином ритме. Некоторое время я понаблюдала за этим представлением, но вскоре уделила все свое внимание Черри Роуз.

Она выступала на сцене. И как же ей подходило ее имечко.

Невысокого роста и очень худая, с высокими скулами и кукольно-бледной кожей. Яркие волосы безумно броского алого цвета очень напоминали о вишне. Хотя оттенок, возможно, чуть-чуть до нее не дотягивал. Одета она была в зеленое платье, от которого ее зеленые глаза казались насыщенной, чем на самом деле. И от нее исходило нечто такое... эфемерное, что ли. Ну а микрофон, в который она пела, был настолько близок к губам, что со стороны казалось, будто она его целует.

Я прислонилась к перилам и попыталась разобрать слова ее песни. Неспешно сняла с себя пальто и повесила его на ограждение. Надо постараться забрать его после дела. Надеюсь, его никто не украдет. Уликой пальто никто не припишет — верхнюю одежду многие оставляют где попало. Да и отпечатков с него не снять. Надевая его, я забыла, насколько оно сковывало движения и превращало в корову на льду, тогда как во время

убийств я должна двигаться плавно и ловко, словно танцуя. Ох, все. Нашла время.

Балансируя на каблуках, Черри выдавала задушевнейшие мотивы.

— Порой в ночи меня зови, я отзовусь...

Ведь глубоко в душе я жду...

И свет луны пронзает изнутри

Как когти по плоти.

Где я замру, продолжишь ты.

Ритмичная песня, живенькая такая, под которую приятно танцевать, приправленная мощными басами и гитарными рифами — только слова чересчур пропитаны меланхолией. Пела она со страстью. Наблюдая за движениями ее губ, я представляла себе, как она умрет. От голых рук? Да, скорее всего. Она довольно миниатюрная, с ней легко будет справиться. Жертв ее комплекции я обычно так и убивала. Можно задушить. Как вариант схватить ее голову руками и направить на острый угол. Или ударить в висок. Или же на нее может что-то упасть. Труба там. Да и зеркало сойдет. Можно ударить им по черепу или в шею, для этого нужно...

Черри закончила песню, а я направилась к лестнице.

Я двинулась сквозь толпу, периодически пританцовывая, чтобы не вызвать подозрения. Все это время я не сводила с Черри глаз. Она еще не знает, что ее ждет. Как и все остальные. Пока.

Она запела очередную песню, а я начала рассматривать варианты. Сперва осмотрелась вокруг. Что же тут можно придумать? В идеале бы пробраться за кулисы — только вот как?

Через несколько минут я нашла ответ. Черная дверь сливалась со стеной и охранялась крупным вышибалой с усами на широком лице. Не проблема.

Пока Черри пела, я побрела в сторону охранника. Подходя ближе, замедлилась, сливаясь с толпой. Сцена была рядом, всего в пяти футах¹¹. Достаточно близко, чтобы заметить отросшие каштановые корни у Черри. И темные круги под глазами. С виду она была очень уставшей. Но при этом выступала с полной отдачей. Мелькнула мысль, что она отличается от многих — настоящая личность, а такие встречаются не так уж и часто. На несколько секунд я застыла как загипнотизированная, но вскоре вспомнила, зачем я здесь.

Подходя к мужчине, я проверила, что никто на нас не смотрит. Его усы дернулись. Всеобщее внимание было приковано к Черри, не ко мне — что играло мне на руку. Танцуя, я приблизилась к нему вплотную — но даже для него осталась невидимкой. Отвернувшись к стене, приняла как можно более безобидный вид, вытащила из лифчика латексную перчатку и натянула на руку. Оставаясь в тени, я стояла практически у него за спиной.

Незаметно протянула руку и сдавила пальцами яремную вену.

Он едва слышно пикнул, как и ожидалось, и почти моментально обмяк. Насколько могла, я замедлила его падение. Оглядевшись, убедилась, что никто не смотрел в нашу сторону, все вокруг были заняты другими вещами. Я опустила его на пол и потянула ручку двери. Заперто. Проклятье. Пальцами начала обыскивать карманы его пиджака на предмет ключей. До того как он придет в себя, не так много времени, надо поспешить. Искомое я нашла во втором кармане — и сразу же выудила. Пользуясь исключительно рукой в перчатке, я открыла дверь и отбросила ключи себе за спину. Вышибала не пойдет за мной. Ведь меня он не видел. Слишком уж был заиклен на Черри.

За кулисами оказалось куда более пусто, чем я ожидала. Люблю, когда безлюдно. Это

все упрощает.

Скрывшись в примерке, я решила осмотреть ее вещи. Я надела вторую перчатку, поэтому спокойно, не боясь оставить отпечатки, трогала ее пожитки.

Учитывая, что примерка досталась ей только сегодня, вещей, конечно, здесь было не так уж и много — лишь самое необходимое, но отчетливо оставляющее заметный отпечаток владельца. Незакрытая помада на краю туалетного столика с зеркалом, накинутая на спинку складного стула черная куртка возле небольшого окошка, выходящего в темный переулок. Пока ждала, покопалась и в других вещах — открытой сумочке, сверху которой лежал телефон, пролиставла дамский романчик в мягкой обложке, брошенный у зеркала, подняла пустую бутылку из-под воды... я поймала свое отражение.

Боже, я выглядела такой изможденной. И слабой. Под глазами выступили явные темные круги, кожа стала еще более бледной и даже немного пожелтела, словно я долгое время не выходила на воздух. А еще я похудела. Волосы тоже лежали кое-как. Спутанными прядями они ложились на плечи, подобно неухоженной гриве. Я осторожно провела по ним рукой. Отросли. Неопратно как-то. Наверное, пора стричься. Хотя нет. Последний раз я отрезала волосы в тринадцать, и это было не лучшим моим решением. В отличие от мамы, мне крайне не шли короткие волосы. Тогда просто подравниваю кончики.

Что за мысли о прическе перед убийством.

Письмо, спрятанное в лифе платья, прожигало кожу подобно клейму.

Ждать жертву и думать о прическе.

Да что со мной, черт возьми?

Бросив очередной взгляд в зеркало, я уловила разительное изменение.

Вместо жалкого тинейджера, которому не мешало бы поесть и побольше бывать на воздухе, я увидела монстра, отличающегося от скелета острыми белыми большими зубами, львиной гривой волос и длинными когтистыми руками. Настоящее чудовище. Монстра, что прячется в шкафу или под лестницей. На какой-то миг я по-настоящему испугалась. И от этого осознания меня словно льдом сковало. Парализовало. В этот краткий миг я увидела то, что увидели бы все, если правда обо мне раскроется.

Но тут, качнув головой, я вспомнила, что я — моральная нигилистка.

И я — не чудовище, потому что их не существует. Просто нет в природе. Я шумно выдохнула. Мораль вне истины¹². Все хорошо.

Однако пульс успокаиваться не желал.

Все такая же взвинченная, я встала сбоку от двери, чтобы, когда войдет Черри, меня не было видно. Слепая точка. Мысли мои метались из крайности в крайность, дыхание сбилось...

Прикрыв глаза, я попыталась расслабиться и отмахнуться от ненужного в голове.

И мне удалось настолько отключиться от реальности, что, когда входила Черри, реальность для меня подернулась дымкой сна.

Она оказалась тише, чем я думала. После происходящего на сцене казалось, что ее прибытие ознаменуется фанфарами. Но она бесшумно отворила дверь и, войдя, тихонько опустилась на складной стул.

Я открыла глаза и посмотрела на дверь, все мои органы чувств обострились.

Внутрь заглянул измотанный работник закулисья и спросил:

— Вам что-нибудь нужно или вы сами соберете вещи?

— Ничего не нужно, — мягко отозвалась Черри.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, я утихомирила свое дыхание. Хотя вряд ли она услышала бы, кашляни я, такой гвалт царил в коридорах. Однако осторожностью пренебрегать нельзя.

Казалось, Черри и не собирается закрывать дверь гримерки. Шаги ее почти достигли столика. Она собрала косметику и выбросила пустую бутылку. Я взвесила возможные варианты. Можно подождать, придумать, как задержать ее тут и, подгадав момент, когда никого в коридоре уже не будет, убить. Но тогда меня абсолютно точно вычислят по камерам. Или же действовать сейчас и незаметно вылезти в окно, выходящее в темный переулок. Таким образом, я не попаду на камеру, установленную за сценой, только есть еще уличная камера наблюдения, и может вызвать подозрения девушка, которая выходила из переулка, но не заходила в него.

И тут я поняла, что выбора особого-то и нет.

Выбраться — я выберусь, но как быть дальше? Оставить труп и что?

Это ловушка. И загнала в нее я себя сама. Ну и что же делать? Дыхание сбилось окончательно.

Ущипнув себя, я напредила себе, кем являлась. Ради бога, я же Идеальный Убийца. Что за истерика. Я со всем справлюсь. Ну, попаду я на камеру, и что? Можно выхватить какую-нибудь шмотку из-за кулис, и ничего кроме непонятной фигуры никто не разберет. Как я сюда входила, никто не видел. Камеры на выходе заснимут расплывчатый силуэт. Да, Идеального Убийцу впервые увидят, так сказать, вживую, однако это будет лишь тень, растворившаяся в толпе гуляющих по Лестер Сквер.

Тем не менее, стало как-то грустно от осознания, как низко я пала, что попаду на камеру.

И все же лучше сделать дело побыстрее. Тогда не придется беспокоиться и выкручивать себе руки, размышляя, как удержат Черри в гримерке, и дожидаться, пока все присутствующие за сценой разойдутся. Кроме того, я никогда не любила ждать. Терпение не входило в перечень моих умений.

Черри наклонилась к зеркалу. Тихонько вздохнув, я осторожно захлопнула дверь. Она закрылась с едва уловимым щелчком. Получилось настолько тихо, что Черри не обратила на это внимания. Однако она увидела меня в отражении зеркала. Ахнув, она выронила косметичку на столик и нервно рассмеялась.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? — спросила она без намека на подозрение. Видимо, она из того сорта людей, которые не желают замечать зла в этом мире. И этот тип людей раздражал до чертиков.

Я чуть не представилась ей «Кит».

— Диана, — ответила я, и, кажется, в этот момент до нее начало что-то доходить.

Быстрым движением я заперла дверь.

— Что вы делаете? — прошептала она.

— Запираю дверь.

— Зачем?

В ответ я лишь улыбнулась.

Проанализировав, я выбрала способ. Мне поможет острый угол туалетного столика. Я схвачу ее за голову — она меньше меня и слабее, это будет просто — и со всей силы ударю о каменный угол. Мгновенная смерть...

Чудовище.

Слово яркой вспышкой мелькнуло в голове. Мысли оказались быстрее действий. Я осознала, что застыла на месте. Меня затошнило.

— Что вам от меня надо? — робко спросила она.

Я открыла рот, чтобы сказать правду. Что хотела убить. Собиралась пробить череп о каменный стол. Доказать самой себе, что ничего не изменилось.

Но я не смогла. Пришлось прочистить горло, чтобы избавиться от онемения.

— Я тебя убью, — сказала я, чтобы ей стало понятнее. Зачем я так сказала? Обычно я играла с жертвами, выдумывала разные истории, но никогда не говорила правды. Майкл стал первым и единственным, кто перед смертью услышал от меня истину, но при этом он был у меня в руках. К ней же я еще даже не подошла. Говорить правду было опрометчиво. Так почему же я так поступила?

Она, подобно рыбе, начала хватать ртом воздух, во взгляде у нее отчетливо проступил страх.

— Что? — выдохнула она.

— Я — Идеальный Убийца, и я тебя убью. — Слишком поздно забирать слова обратно. Но ничего, я справлюсь. Я почувствовала, как становлюсь Дианой. Упоительное ощущение. Все будет хорошо.

— За что? — взмолилась она.

За что?

Меня никогда об этом не спрашивали. Это было ново. «За что?». Очевидно же, что кто-то этого возжелал. Она знала обо мне. Знала мой модус операнди. Я убивала на заказ.

— Этого захотел твой бывший парень. Которого ты бросила, — произнесла я.

— Так я и подумала, — прошептала она. — Но вы? За что. Почему, почему ты хочешь этого... такая юная, почему...

В ее взгляде застыла мольба и отчаянное желание понять. К страху примешалась печаль. Она понимала, что я убью ее, и хотела знать причину.

Неужели все они так выглядели перед смертью?

Обычно, становясь Дианой, в своих жертвах я не видела людей, скорее животных. Скот. Только вот сейчас что-то в ней или во мне самой не давало смотреть на вещи как обычно. В Черри я видела только человека. И это сбивало с толку. И пугало. И заставляло задуматься. Неужели у всех моих жертв был такой взгляд, неужели все они выглядели вот так, а я просто этого не замечала?

Чудовище Чудовище Чудовище

Слово набатом стучало в голове. Я покачнулась.

Неужели я действительно чудовище?

Я попыталась напомнить себе о своих устоях, моральном нигилизме, но вместо этого перед глазами появился список имен и слайд-шоу из лиц моих жертв. Молодых, пожилых, толстых, худых, светловолосых, темноволосых, зеленоглазых, синеглазых, кареглазых...

Чудовище Чудовище Чудовище Чудовище Чудовище

Да кто же я?

Кто дал мне право обрывать жизни, пусть даже и исполняя чужие желания, кто дал мне право убить Майкла, кто дал право убить эту женщину, кто дал право пугать?

Мои руки окрасились кровью, дышать стало нечем. Откуда столько крови?

Ноги подкосились, глаза шокировано распахнулись, тело затрясло.

Кто я такая?

Кто?

Чудовище Чудовище Чудовище Чудовище Чудовище Чудовище Чудовище

Черри опустилась передо мной и заглянула в глаза. Я не могла разорвать этот контакт. Страх в ее взгляде больше не было, на замену ему пришло непонимание и, что удивительно...

Сочувствие.

Я не могла пошевелиться. Не делая резких движений, Черри опустила ладонь мне на плечо.

— Ты не убьешь меня.

Это правда.

Красные как сама кровь волосы обрамляли ее лицо, рукой она мягко коснулась моей щеки.

— Бедняжка, — прошептала она. — Как же ты живешь?

Во рту высохло. Я сглотнула и хрипло выдохнула:

— Не надо меня жалеть.

— Я так не могу.

— Я убивала людей.

— Поэтому мне тебя и жалко.

Шок. Кто мог пожалеть убийцу. Это как-то... неправильно. Только вот жалость в ее взгляде была неподдельной. Почему-то мне сразу вспомнились принципы морального нигилизма. С небольшими поправками, но похоже на них. Хотя, может, она из тех, кто считает сострадание важнее осуждения?

Посетила мысль, что она не человек, а взвездное создание. Редкий тип, у которого в венах течет не кровь, а что-то сверхъестественное. Мышление у таких устроено иначе. Она необыкновенна. Неопишима и потрясающа.

И я собиралась убить ее.

— Ты же сама жалеешь обо всем, что наделала?

Да да да да да

— Да, — выдохнула я. — Господи, жалею — это так слабо сказано, еще как жалею...

Вдруг я почувствовала, что плачу. И сама не знаю как, но оказалась в объятиях собственной несостоявшейся жертвы. Абсолютно потерянная, как маленький ребенок, испугавшийся монстра под лестницей. Только этим монстром была я сама, и я не представляла, как жить дальше...

Спустя минуту Черри разжала руки, поднялась на ноги и сняла со спинки стула темную куртку. После она разулась и протянула мне свои туфли вместе с курткой.

— Сегодня ты ничего не совершила, но лучше перебдеть, чем недобдеть. Переоденься, чтобы тебя никто не опознал по камерам, — произнесла она.

— Ты сможешь мне сбежать? — выдавила я сквозь слезы.

Черри кивнула:

— И никому не расскажу о нашей встрече.

По глазам я видела, что она не врет.

— Почему ты мне помогаешь?

Она улыбнулась.

— Не верю я, что ты плохой человек.

— Но я — серийный убийца.

Она одарила меня мрачным взглядом.

— Знаю.

— И ты не передумаешь, если я снова кого-то убью?

— Нет, — покачала головой Черри.

— Но почему?

Она пожала плечами.

— Сложно сказать. Интуиция. Собирайся давай. Прекращай плакать и беги, пока я не передумала.

Я остановилась у ограждения моста Ватерлоо.

Вдали виднелись огни подсветки Лондонского глаза, Биг-Бена и все знаковые туристические места. Обычно мне нравилось смотреть на них. Смотреть на их красоту и величие и ощущать свою принадлежность к этому месту. Но сегодня все иначе. Сегодня вся магия оставила меня.

Опершись на ограду моста Ватерлоо, я смотрела на воды Темзы.

Что я почувствую, если прыгну? Если позволю темным водам окутать свое тело и утянуть в холодные глубины? Я перегнулась через перила. Ведь это так просто. Никто по мне скучать не будет. Мэгги даже не в курсе, маму заботит только ее собственная безопасность. Алекс меня не знает. Папу вообще ничего вокруг не волнует. Смерти Идеального Убийцы многие обрадуются. Если я прыгну, многое наладится. В том числе и у меня.

Письмо, которое я так и не вытащила из лифа, прожигало кожу.

Вздохнув, я выудила его и сразу же смяла. Яростно вскрикнув, отбросила от себя злосчастный клочок. Молча смотрела, как он сперва отскочил от поверхности воды, затем пропитался влагой, но не утонул. А потом эта чертова бумажка поплыла по Темзе, словно выброшенная рекламная брошюрка. Словно не таилось в ней ничего опасного.

Балансируя в собственных мыслях, я потянула колено и оперлась им на ограждение. Металл жалобно скрипнул.

Может, действительно прыгнуть. Проблем это никому точно не принесет, скорее наоборот. Так будет лучше.

Я перенесла вес на колено и оторвала от земли вторую ногу. Замерла на миг и перевела внимание на воду, такую темную, глубокую и манящую.

Нет, нет, нет, я не могу.

Не могу.

Как бы мне этого ни хотелось, но я не могла заставить себя сделать этот шаг. Никак. Я не могла прыгнуть, мне казалось, это так легко... я хотела — но не могла.

Я отступила и прыгнула на землю. Прижалась спиной к ограде и, обняв колени, разрыдалась, рваные всхлипы напоминали гудок прибывающего на станцию поезда. Прохожие шли мимо, словно меня тут и вовсе не было. Никто не хотел тратить свое драгоценное время или внимание на меня. А я просто сидела и плакала, меня разрывало на части, внутренности жгло; не знаю, сколько я так просидела, когда мне на плечо опустилась ладонь.

Я вздрогнула. Но когда обернулась — неожиданно наткнулась на мамин взгляд.

Не знаю, как она тут оказалась. Да это и не важно. Я обрадовалась. Она же моя мама. Я нуждалась в ней, и она оказалась рядом.

Она не злилась, и это было непривычно. И взгляд ее пугающе напоминал взгляд Черри. Жалость. Я испытала странное ощущение, что в отличие от Черри мама прекрасно понимала причину моего настроения. Она обняла меня за шею. В брючном белом костюме опустила на колени и прижала к своей груди.

— Поехали домой, — шепнула мне на ухо той интонацией, какой говорит любая мать. Я крепко обняла ее в ответ, словно боясь, что она исчезнет.

Глава 15

Мы сидели напротив, поглядывая друг на друга с разных концов кухонного стола. И пили чай. Эрл Грей с молоком и двумя кусочками сахара. Молча.

— Тот, кого ты ходила убивать... тебя найдут?

Я покачала головой. Она облегченно выдохнула.

Еще немного тишины.

— Ты на краю, — в итоге проговорила она.

— Что это значит?

— Ты начала принимать убийства близко к сердцу.

Не слезая со стула, я свернулась калачиком, словно пытаюсь спрятаться от всего. Прислушалась к тихим звукам дома. Из коридора слышалось тиканье дедушкиных часов. Негромко гудел холодильник. В паре кварталов от нас привычно тявкала собака, которая не замолкала даже по ночам. На кухне царил полумрак. Светила лишь небольшая люстра над столом.

— Ох.

— Ты понимаешь, о чем я, — вздохнула мама. — Так ведь?

— Да, — кивнула я.

— Ты запугалась.

— Да.

— И забыла, ради чего мы убиваем.

Вздыхнув, я прошептала:

— Сомневаюсь, что вообще знала это.

Она глотнула из чашечки и поставила ее на стол.

— Кит. — Она потянулась через стол. — Таких, как мы, в мире нет. Мы — уникальны. И действуем мы в соответствии с нашей собственной моралью. Это же ты понимаешь?

— Да, — после минутного колебания ответила я.

— Тогда скажи. Объясни. Своими словами. Для чего ты убиваешь? Точнее... как ты раньше сама себе это объясняла?

Она испытующе посмотрела на меня в ожидании ответа.

— Ты же знаешь. Ведь это ты меня всему обучила, — напомнила я. Я делала ровно то, чему она меня учила.

— Я только подтолкнула. Остальное ты должна была сама для себя разьяснить. Сейчас же я хочу понять твои мотивы. И если окажется, что тобой ничего не движет, тогда мне многое станет ясно.

Устало посмотрела на нее. Я была не в состоянии заставить себя озаботиться ее словами.

— Я хочу спать, — прикрыв глаза, пробормотала я. Она схватила меня за запястье. Кожа у нее оказалась ледяной. Это меня отрезвило.

— Ради чего ты убиваешь?

— Я убиваю... потому что убийства — это ничто. Ведь в мире не существует ни плохого, ни хорошего. Только... субъективные мнения. Так же ты мне это объясняла?

Она откинулась на спинку.

— Именно.

— А что, я должна была еще как-то додумывать от себя? — огрызнулась я. — Типа мне попутно надо было придумывать ответы на неозвученные тобой тайные ребусы?

Она снова вздохнула:

— Убийство — это необычный метод самопознания. По-крайней мере, так было со мной. Да, кое-чего я тебе недоговаривала. Но это было не просто так. Некоторые вещи не вложишь в голову, до них надо додуматься самой. Ты бы не поняла, по крайней мере, на первых порах. Я дошла до этого сама. Думала, и ты сможешь. Но... видимо, ошиблась. Возможно, тебе было комфортнее, чем мне, жить по четко разложенным правилам. Возможно, до сих пор их тебе хватало.

— Я тебя не понимаю.

— Да, речь вышла немного бессвязной.

— Просто объясни, что ты хотела до меня донести.

— Ты действительно никак не оправдывала себе совершенные убийства?

— Исключительно как ты меня учила.

Начала фразу я сердито, но завершила едва слышно. У меня не осталось сил поддерживать злость. Как же я устала.

— Придерживаться морального нигилизма недостаточно.

Голос ее звенел от уверенности и решительности, каких я давно от нее не ощущала. В этот миг в ней снова что-то заискрилось. Но даже сквозь этот внезапный огонек было видно, насколько она устала.

— Наверное, — уклончиво ответила я.

Она глубоко вздохнула и двумя руками обхватила мои запястья.

— Кит, ты — высшая сила.

Наконец все мое внимание было обращено к ней.

— Что ты такое говоришь? — мягко поинтересовалась я.

— То, что тебе необходимо осознать. Я и раньше говорила тебе это. Тогда ты не услышала. Именно это в свое время поняла я, и надеялась, что осознаешь ты, но, видимо, я ошиблась. — Она смотрела на меня с жалостью, невероятной жалостью. Я не понимала.

— И что, черт возьми, это значит?

— Подумай, Кит.

— Я не понимаю, к чему ты ведешь.

Она коснулась моей щеки, и отчего-то я вспомнила такое же прикосновение Черри.

Я — чудовище. Это она пыталась донести?

Я еще больше съежилась и тихо заплакала в прижатую к груди чашку.

— Кит, выслушай меня. Попытайся понять.

— Я не...

— Ты — высшая сила, Кит. Я тоже была ею, когда убивала. Такие, как мы, нужны людям, Кит. Нужны.

— Не нужны никому убийцы.

— Еще как нужны. Точно так же, как полицейские или банкиры. Мы им нужны, хоть

они могут и не до конца это понимать. Мир вокруг нас безумен. Он наполнен несправедливостью, насилием и безумием. Понимаешь?

На краю стола лежал пульт. Она ловко подхватила его и одним нажатием оживила экран телевизора.

В Швеции кто-то взорвал бомбу. Но со мной это никак не вышло. Но для кого-то это было важнее жизни. Стоящий на фоне репортер жарко вещал что-то. Я не слышала слов. Звук был слишком тихим, чтобы что-то разобрать.

Смерти. Разрушения. Неужели она не понимает, что мне сейчас совершенно не хочется этого видеть?

Я отвернулась и устремила взгляд в стол. Но мама, обхватив меня за щеку, развернула обратно к экрану.

— Смотри, — приказала она.

— Не хочу.

— Смотри.

Я послушалась. Посмотрела на мелькающие картинки. Спасатели ищут выживших среди обломков. Взволнованные очевидцы. Кадр возвращается к тараторящему репортеру. Жуткое зрелище, жуткое и какое-то сюрреалистическое. Фейковое, словно смонтированное для развлечения психбольных. Только, к сожалению, такова была реальность.

— Еще не поняла?

— Нет.

— Попробуй.

— Я не понимаю, — настаивала я. Я абсолютно не понимала, что она пыталась до меня донести.

— Взгляни на них, Кит. На людей.

Я повиновалась. Взглянула на людей.

Кто-то стоял среди обломков, кто-то неподалеку, но все следили за происходящим. И у всех были одинаковые выражения лиц. Напряженные, настороженные и напуганные. Словно они ждали чего-то, но вот чего? Самое страшное уже случилось. Они держались друг за друга. Цеплялись за окружающих. Прятали лица в объятиях рядом стоящих. Они поддерживали друг друга. Им было страшно. И все из них, абсолютно все смотрели на обломки.

И я поняла.

— Ох, — вырвалось у меня.

Ох.

Это же лежало на поверхности.

Почему я раньше не обращала внимания.

Они нуждались во мне.

Я — высшая сила.

Которая так нужна людям.

Без меня они не справятся.

Ох.

Ох.

— Теперь-то ты понимаешь? — тихо спросила мама. Я кивнула.

— О, да, — выдохнула я. — Господи, это так очевидно. Я нужна им. Очень.

На мгновение повисла тишина, в которой я слышала только собственное радостное

сердцебиение.

— Расскажи, что ты поняла, — решила проверить мама. Я выдохнула смешок, потом еще один, а потом облегченно улыбнулась. Напряжение отпускало. Я опустила чашку на стол и вытерла слезы. Господи, это же было настолько очевидно. И чего я так боялась? Элементарно.

— Я — высшая сила, — ответила я, — потому что людям необходимо чего-то бояться. Каждому нужен свой собственный монстр.

Она улыбнулась. Я продолжила:

— Мир полон хаоса. А страх перед кем-то сплачивает людей. Это так очевидно: вон как они поддерживают друг друга. Я нужна им. Местные жители чересчур убеждены в собственной безопасности. И порой их просто необходимо погружать в состояние хаоса — совершая убийство — таким образом, объединяя их и напоминая, что нет ничего важнее отношений человеческих. Я делаю их лучше. Моральный нигилизм тут тоже присутствует — как и индивидуальное правосудие — но все гораздо глубже. Это мой город. Убийства — гораздо большее, чем я думала.

Я говорила со страстью. И очевидностью.

Мама улыбалась.

— Прекрасно, — сказала она. — И так точно.

Часы тикали, холодильник гудел, где-то вдали лаяла собака. А я, сидя посреди ночи за кухонным столом, осознавала свое место в мире.

Задумчивым взглядом Алекс следил за тем, как я намазывала маслом кусочек хлеба. Мы снова сидели в том кафе. Только на этот раз ни один из нас не нарушал молчания.

Я бесцельно разглядывала птичек на обоях, познавшие время корзинки, тарелки со сколотыми краями. Я избрала тактику наблюдения. На Алексее снова красовались очки, причем они ему очень шли. А еще он был в штатском, опять, и со свежей царапиной на запястье. На миг мне стало любопытно, как он ее получил; но затем уловила взгляд темных глаз и улыбнулась.

Как-то я позабыла, зачем мы тут, для чего я пригласила Алекса на обед. Были ли для этого основания? Да и нужны ли они были? Я чувствовала себя какой-то отрешенной; от него, от всего вообще — словно уплыла мыслями куда-то очень далеко. Но, в то же время, от его присутствия становилось приятно. Он не пытался меня успокоить, как раньше, да мне и не требовалось больше утешения... однако с ним рядом было хорошо. И мне это нравилось.

Что-то между нами изменилось, не знаю почему, может, по причине моей новообретенной уверенности в себе. Рядом с ним я больше не впадала в состояние полоумного девчества и застенчивости, вместо этого я ощущала себя полноценной взрослой.

Кому-то уже пора было нарушить молчание. И сделать это решил Алекс.

— Сегодня вторник. В школу ты не ходила. — Утверждение, но в нем четко слышался вопрос.

— Да, — подтвердила я, игнорируя невысказанный вопрос.

Очередная пауза.

— Почему? — задал-таки он.

— Утром мне было нехорошо. Сейчас все прошло. Ничего такого. Просто какой смысл идти в школу всего на два часа. — Ему в глаза при этом я не смотрела. Поглядывала в окно у

него за спиной.

— Сейчас тебе лучше?

— Я же пригласила тебя на обед, помнишь?

— Да, — ответил неуверенно.

— Кажется, тебе неловко, — произнесла я, не особо стараясь сгладить атмосферу.

Просто констатировала факт.

Какой же он тормоз иногда.

— У тебя странное настроение, — осторожно завел он. Я улыбнулась.

— Прости. Неприятное утро. Это как последствие.

— Видимо.

— Как твои дела? — спросила я. — Мы не виделись с тех пор... с той истории.

Он рассмеялся.

— Точно. У меня-то все отлично. Этот вопрос должен был задать я. Тебя там конкретно подкосило, ты как?

Я мрачно кивнула.

— Было безумно. Но сейчас уже ничего. Наверное... Мне он не нравился. На самом деле, прозвучит ужасно, но не могу сказать, что меня так уж опечалила его кончина.

— Понимаю. Мне довелось заглянуть в расследование. И судя по тому, что я видел, этого парнишку — Майкла — не назовешь хорошим человеком.

— Это правда.

— Ты знала, что за последние шесть лет его трижды арестовывали за драку? — выдал Алекс. Я засмеялась.

— В его стиле.

— В школе он был таким же?

Я перевела на него взгляд и прищурилась.

— А ты точно только заглянул в его дело?

Смутившись, он пожал плечами и откинулся на спинку стула.

— Вообще-то, да. Особо развернуться мне не дали — дело-то не мое. К тому же, я и так завязан в деле Идеального Убийцы. Просто было любопытно. Потому и заглянул. Так уж вышло. Мысли сами тянутся к этому убийству в любую свободную минуту.

— Как-то странно думать о таком в свободную минутку, не находишь?

Он усмехнулся.

— Неужели ты подозреваешь Идеального Убийцу? — горячо выпалила я, пытаюсь скрыть напряжение. Только не это. Он умен, умнее большинства следователей. Это-то мне в нем и нравилось. И раз уж у него возникли мысли, что убийство Майкла дело рук Идеального Убийцы, значит, он может выйти на меня. Вот этого не хотелось бы. Не тогда, когда я наконец осознала свое место в мире. Когда еще столько всего надо сделать.

— Вообще, не знаю. Все возможно.

— Но разве Идеальный Убийца не оставляет письма?

— Может, он потерял письмо. Или забыл. Не знаю. Не понимаю почему, но мне кажется, что это он. Интуиция что ли. Может, это и глупость, но все же.

— Как-то не верится, что Идеальный Убийца мог что-то забыть или потерять, — размышляла я тихо, но достаточно громко, чтобы он услышал. Лишь бы породить в нем сомнение, не вызывая подозрений.

— Если б мы только знали, где ему оставляют письма. — Он прикусил губу.

Ничего не ответив, я заглянула в меню. Сегодня мне не хотелось играть с ним в эту игру.

— Я буду салат, — сказала ему. — А ты?

Я принимала ванну в темной воде.

За окнами, прикрытыми белыми занавесками, было темно, даже луна не светила. Залезая в ванную, я не включала свет, в тот момент этого еще не требовалось. Сейчас же единственным источником света служил тонкий луч из-под двери, теряющийся в махровом коврик. Вытянув руку из воды, я даже форму ногтей не могла разглядеть.

Поэтому вода была темной.

Я выдохнула, напела мотив детской песенки, слов которой никак не могла вспомнить. Что-то про мышек. Как же там было... Я окунулась под воду, пытаюсь припомнить. Через несколько минут мне удалось. Откинув голову, я пропела уже громче, со словами. «Три слепые мышки».

Три слепые мышки, три слепые мышки,

Смотрите, как они бегут, смотрите, как они бегут.

Они все бегут за женой фермера,

Которая отрезала им хвостики разделочным ножом...

Я замолчала, забыв остальные слова, и снова окунула голову в остывшую воду. Подушечки пальцев сморщились от тепла и влаги. Волосы облепили плечи подобно шелковому палантину. А ведь действительно они слишком отросли. Может, правда стоит их обрезать.

Я глубоко задумалась. Руки так и чесались совершить убийство.

Но со мной все еще была она. Неуверенность, помешавшая убить Черри Роуз. Да, я знала свое предназначение, но червячок сомнения все равно грыз. И прогрыз он глубоко, настолько, что невозможно было не замечать.

Надо выждать. Не хотелось бы, но надо. Придется. Если убить так скоро, я могу вновь утратить контроль над собой. И даже снова начать обдумывать самоубийство. На некоторое время надо дистанцироваться. Уйти на хиатус. Набраться ума и сообразительности. Я думала об этом несколько часов, что проторчала в ванной, и наконец пришла к выводу.

Я погрузилась под воду, открыла рот и начала выпускать пузырьки воздуха на поверхность.

Но как же не хотелось! Знала, что веду себя как ребенок, но все же. Я хотела немедленно показать всем свое место в этом мире. Хотела убивать и являть свою высшую власть. Впервые в своей жизни я хотела убивать по правильной причине.

Но нет. Нельзя вести себя так по-детски избаловано.

Я поднялась из ванной, вода водопадом потекла по моему телу. Ступила на мягкий коврик и завернулась в полотенце с монограммой. Взглянула на отражение в зеркале. Но увидела в нем только глаза; хранящие много тайн, пылающие и светящиеся, как два светлячка.

Я выжду время.

Вытащив пробку из ванной, я снова взглянула на себя в зеркало. И снова увидела посверкивающие огоньки.

Я смогу.

Шли недели. А я все выжидала.

Насколько я поняла, мама не имела ничего против моего решения, хотя я никогда не могла точно судить о ее мыслях. Мы не обсуждали убийства. И я не поднимала этой темы, и она. И перерыв, видимо, ее не сильно озаботил. По крайней мере, она ничего не высказывала. Меня это устраивало. Она могла думать как угодно. Мои убийства ее не касались. Больше не касались.

Я стала отстраняться от нее, и она знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать это; мы меньше говорили, меньше проводили времени вместе, непринужденность и искренность между нами тоже стала пропадать. Что странно. Потому что я внезапно осознала, что больше в ней не нуждаюсь. Осознание грядущих планов было настолько полным и явным, что я приобрела уверенность пуще прежнего, которая подарила мне независимость и самостоятельность. Только вот мы с мамой совсем отделились, и об этом я очень жалела.

Почему-то она стала больше сидеть дома. На неделю она уезжала в Рим с парижским биржевым маклером, но за последние месяцы этот отпуск был у нее единственным. Она реже посещала вечеринки, реже встречалась с мужчинами, реже смеялась.

Однажды я увидела, как она танцует. Вернулась домой пораньше и застала ее в гостиной; она меня не заметила. Я хотела что-то сказать, обозначить свое присутствие, но не стала — просто стояла возле двери и наблюдала за ней. Она была в белом платье, прикрывающем колени, а в лучах полуденного солнца казалась болезненно-бледной. Она поправляла подушки, напевая себе под нос мелодию, время от времени это были слова какой-то песни.

Возникало странное ощущение, словно каждое пропетое слово отнимало у нее силы.

Внезапно меня настигла мысль, что я перестала понимать ее.

Я пыталась стереть убийство Майкла из своей памяти. Незначительные заказы, вроде Лили Кенсингтон, легко забывались, а когда-нибудь, со временем, я забуду и о Майкле.

Бывало тяжело, особенно когда мама включала во время ужина телевизор, а там транслировались новости, заполненные разнообразными кровавыми сюжетами. Репортеры обожали подобные сцены. Убийства в Лондоне, беспорядки на Ближнем Востоке, кадры перестрелок, фотографии пропавших детей, которых спустя три месяца обнаружили обезглавленными. И каждый раз, когда вещали о насилии, внутри меня что-то росло. Это напоминало бурю эмоций, в которой доминировали две: раздражение на тех, кто посмел просто так убивать, и нетерпение в ожидании дня, когда я наконец возьму в собственные руки власть над жизнью и смертью. И с каждым днем вторая эмоция росла, становилась больше, крепче и необузданней.

Бывало, что я не могла спать по ночам, и тогда я просто смотрела в окно. Где-то вдали горели яркие огни города, но на нашей улице было раздражающе тихо. Ничего не менялось. Фонари все так же светили, собака в паре кварталов отсюда заходила в лае, и время от времени проезжал тихо журчащий мотором автомобиль. Луна росла и убывала, иногда ее скрывали облака, иногда ее не было вообще, но вид из окна всегда оставался одинаковым.

И даже сквозь завесу разочарования я видела свет в конце ожидания. Просыпаясь по утрам, я словно заново рождалась, но видение мое при этом совершенствовалось. Я знала: однажды я открою глаза и увижу все. И это будет тот самый день. Его стоило ждать.

Я ждала. Ждала.

У меня едва хватало сил, но я ждала.

Я сблизилась с Мэгги, не показывая собственного дискомфорта. Я убивала, чтобы сплотить людей. Она не понимала, что смерть — это страшно. И это меня отталкивало от нее. Но я улыбалась и шла с ней рядом, как друг, потому что так было надо.

С Алексом мы встречались регулярно. Я стала для него кем-то вроде консультанта. Мы разговаривали, обедали; он рассказывал о своих делах, а я сбивала его с нужной тропы лучшей улыбкой из своего арсенала и отточенным остроумием. Его озадачивало исчезновение Идеального Убийцы, который раньше действовал раз в несколько недель, а сейчас пропал, как он начал предполагать, — возможно, навсегда. Я сожалела и завидовала его оптимизму. Наступил октябрь. Лондон заволочло серыми тяжелыми тучами. Весь этот год было необычайно пасмурно, хотя непривычно недождливо.

Иногда на меня накатывало из-за Черри. Она видела мое лицо. И могла сдать полиции. В какие-то моменты мне казалось, что так она и сделает. Но Черри сказала правду и сдержала свое слово.

Я старалась не думать о ней, и обычно мне это удавалось. Дни плелись со скоростью черепахи, тихо и спокойно, как однажды я увидела афишу ее предстоящего выступления. Рекламный щит на фонарном столбе, в свете которого ее напечатанное изображение приобретало неестественно бледный оттенок.

В школе все шло хорошо, но не чересчур — я проявляла дружелюбие, веселилась, но держала себя в рамках. Доктор Марцелл больше не считала меня своей лучшей ученицей. Полагаю, ее расположение ко мне таяло с каждым днем все сильнее. Мое поведение сбивало ее с толку. Видимо, я была для нее загадкой, которые она ненавидела. С Мэгги же мы были неразлучны, как две половинки целого, и отчего-то мне кажется, что эта непонятная дружба волновала и ее.

Дни все шли и шли. Мир продолжал свое движение.

И вот наконец наступил ноябрь, и я вышла из тени.

Глава 16

Высокие каблуки, деловая укладка, солнечные очки, черные кожаные перчатки и скрывающая лицо шляпа. Сегодня именно тот день, которого я так ждала. Солнечная, но прохладная погода — дар небес, когда можно не бояться вызвать подозрений своей маскировкой, к тому же, в школе наступили каникулы, а значит, не придется оправдываться за прогул. Благодаря моему инсайду в полиции знают, что искать меня надо среди учащихся. Так что, убив сегодня, я не особо спалюсь.

Сейчас утро, и горожане еще не до конца проснулись. Сомневаюсь, что в таком состоянии они бы обратили внимание, даже пройди я мимо них в рождественской пижаме. В маскировочной одежде черного, серого и коричневого цветов я полностью сливалась с толпой, образуя с ней муравьиную стаю, направляющуюся в Уайтвейл-тауэр, недавно отреставрированную под офисы.

Мама не знала, что я вернулась в игру. Я не собиралась говорить; сама узнает из новостей. И это не пренебрежение. Просто было что-то в самом этом действе, что хотелось держать в тайне, так я чувствовала, по крайней мере, пока дело не будет сделано.

Первое убийство с... разоблачения, назову это так. На самом деле, я уже планировала его до этого самого разоблачения, но тогда я еще не испытывала той преданности своему делу, не знала, насколько нужна людям. Я не часто продумывала план, но в этот раз пришлось собрать данные и проработать схемы — не досконально, ведь я всегда оставляла волю

случаю, но тщательнее, чем обычно. Работа у меня опасная. Но сейчас для меня она была лучшей. Захватывающей. Ужасающей. Это будет великое второе пришествие.

Внутри здания я прошествовала вслед за мужчиной в темно-коричневом костюме, поглядывая при этом, как ветер играл с его волосами. Тишина казалась какой-то непривычной. Но я больше не нервничала. Пройдя через раздвижные двери, я сравнялась шагами с остальными людьми. Солнечные очки я не снимала, не хотела открывать глаза. Большинство людей не могут опознать человека, не видя его глаз, поэтому очки — лишь мера предусмотрительности.

В дальнем конце серого лобби располагался пропускной пункт — чтобы пройти к лифтам, надо было приложить карточку сотрудника к валидатору. Карты этой, естественно, я не имела. Думать пришлось быстро. И я просто подступила к мужчине с подпрыгивающими от ветра волосами.

По мере его приближения к валидатору я следила за его шагами, запоминая ритм — он подошел к валидатору — шаг-шаг-шаг — махнул картой, турникет открылся...

Я полетела вперед, навалившись ему на плечо, и, приняв перепуганный вид, принялась извиняться.

— Простите! — пискнула я, демонстративно подвернув ногу. И повалилась на колени прямо между рамок турникета. Мужчина остановился. В турникете имелись датчики — поэтому он не закрывался.

Мужчина, на вид ему лет тридцать с небольшим, протянул мне руку. Вся дрожа, я приняла ее и почувствовала, как сжались пальцы на перчатке. Глаза у него оказались карие, большие и такие невинные.

— Вы не ушиблись? — спросил он. Я постаралась встать так, чтобы турникет не закрывался.

— Нет, — и засмеялась. — Простите.

Я убрала руку.

Вот так просто я прошла мимо турникетов. И конечно, никто ничего не заподозрил. Как же — какая-то бедняжечка упала. И никто не сложил дважды два и не заметил, что я прошла, не приложив карточку к валидатору.

Мужчина вежливо кивнул и растворился в толпе. Я же направилась к лифтам. Для их вызова карты не требовалось, поэтому проблем с поднятием на нужный этаж ничего не предвещало. Это хорошо. Я встала за спиной высокой, очень высокой темноволосой женщины, вынула свой телефон и открыла нужный контакт.

Скорее это был даже не контакт, а напоминание, заметка с необходимой информацией. Генри Моррисон, офис №2948 — двадцать девятый этаж. Налево от лифта; я тщательно изучила с трудом раздобытые схемы небоскреба. Моя жертва — высокопоставленный бизнесмен, кинувший на деньги одного молодого человека, по крайней мере, так считал этот самый молодой человек. Его письмо я спрятала в потайной карман пиджака.

Дорогой убийца,

Шесть месяцев назад Генри Моррисон помог мне инвестировать в акции. Для этого я его нанял. Я мало понимал в этом деле, поэтому позволил ему управлять своими деньгами. Я доверял ему. Очевидно, зря.

Куда бы он ни инвестировал — все терпело крах. Он извинялся, вешал лапшу про кризис, только я в это не верю. Думаю, он с самого начала хотел меня обобрать. Не знаю

почему. Никому в этом мире нельзя верить, согласен?

Благодаря ему, я фактически банкрот. Не знаю, где он живет, но работает он в Уайтвейл-тауэр в чертовом угловом офисе. Бога ради, оборвите его никчемную жизнь.

Генри Моррисон, несомненно, имел секретаря. Раньше с подобным я не сталкивалась. Даже любопытно, как мне удастся пройти через этот импровизированный КПП. Но эй, я же Диана — точнее, буду ей — и смогу справиться со всем.

Открылись двери соседнего лифта. В него хлынули люди. Я на миг замерла, обдумывая, смогу ли влезть. В итоге решила попробовать. Кое-как протиснулась сквозь тела и встала в небольшом уголке возле стены.

— Нажмите, пожалуйста, двадцать девятый, — попросила я мужчину, стоявшего возле кнопок. При этом постаралась спрятать лицо.

Со всех сторон меня окружали люди. Костюмы и офисные платья. Дверь с легким шорохом закрылась, и мы начали подниматься. Люди переговаривались, шелестели, кто-то возился в телефонах. Я же молчала. Сделав глубокий вздох, постаралась успокоиться и замедлить дыхание. Я испытывала нетерпение.

Причем какое.

Давно такого не было.

Лифт поднимался вверх, останавливаясь на каждом этаже. Людей становилось меньше. Я обдумывала тактику. Раньше я планировала заранее, пускай и предпочитала действовать по обстоятельствам. Я вертела телефон у себя в кармане, и вдруг меня осенило.

Передо мной стоял мужчина — то, что надо. Я окинула его внимательным взглядом, скрытым солнечными очками, с головы до ног, включая карманы и коричневую сумку для документов. Телефон. Вот оно!

То, что надо. И так призывно маячит из сумки вместе с тонким лэптопом, поблескивая экраном. Я переместилась ближе, протискиваясь между телами, пока не скрылась из виду. Встала максимально близко к спине мужчины, чтобы никто не заметил черных кожаных перчаток и протянутой руки.

Затаив дыхание, залезла к нему в сумку и быстро выудила телефон.

Стоявшая рядом со мной женщина в сером костюме кашлянула, и в этот ужасный момент у меня едва не остановилось сердце. Показалось, что она заметила. Но смотрела она в другую сторону. Телефон мужчины я опустила в карман, рядом с собственным. Бесшумно выдохнула и небрежным движением поправила солнечные очки. И робко улыбнулась скачущим нервам. Даже интересно, как эту улыбку можно было расценить со стороны.

Мужчина чуть переместился, но я была словно призраком, он не мог меня почувствовать. Я снова растворялась в ощущении блаженной естественной природы убийств. Я возвращалась. Водя пальцами по двум смартфонам в кармане, я задумалась — а не переложить ли телефон мужчины в другой карман, не слишком ли заметно топорщится этот карман. Ну да ладно. Перекладывать его сейчас будет довольно подозрительно. Хотя вряд ли кто-то и заметил бы.

Когда лифт наконец приехал на нужный мне этаж, я, не привлекая внимания, вышла следом за двумя мужчинами и переместила очки на макушку. Двери лифта закрылись, значит, пути обратно нет.

Двадцать девятый этаж нес претензию на стильный и высококлассный флер, причем немного неоправданно. Облицованные деревянными панелями цвета янтаря стены,

современные светильники, выпуклые и чем-то напоминающие медуз. Но офисное пространство оказалось серым и устаревшим, а люди в нем изможденными и загруженными, какими-то дергаными и напряженными. Вид этот радости не навевал. Я удачно подобрала время своего появления. Утро, работники прибывают, уставшие и не до конца проснувшиеся. А значит, никто не сможет запомнить ничего необычного.

Однако все же лучше вообще не попадаться никому на глаза. Камер здесь нет, и это уже приличный плюсики.

Слишком открыто. Каждый возится вокруг своей кабинки. Возле лифта пространство чересчур просматривается, отчего я ощутила себя оленем на лугу. Футах в двадцати левее начинался узкий коридор. Я развернулась и поскорее направилась туда, но не наутек, чтобы не вызвать подозрений. Ключ к невидимости — уверенность.

Я понимала, что действую опрометчиво. Что меня могут заметить. Да, камер на этаже не было, но у людей же есть глаза и уши. Небезопасно. Следовало бы ловить Генри Моррисона у него дома, ну или на улице — умений для этого мне бы хватило. Но данная ситуация, этот офис, убийство перед столькими свидетелями — глупо.

Однако я чувствовала такой внутренний заряд. Возможность стать невидимой и непобедимой.

Могущественной. Меня не поймают, по крайней мере, не здесь. Уверена, свободы я не лишусь. Просто хочется доказать это самой себе. Доказать, что я опасна, что могу превратиться в тень у всех на виду, вырвать живое сердце и породить людской ужас. И так и будет. Именно так.

Очевидно.

Я вышла в коридор. Несколько дверей офисов оказались открытыми, были и офисы крупных компаний, а в конце холла располагался тот, который принадлежал Генри Моррисону — табличка 2948 посверкивала крупными серебристыми цифрами. Офис был угловым с секретарем снаружи. Она беседовала по телефону, уткнувшись в новенький компьютер и, видимо, что-то внося в расписание. Меня она даже не заметила.

Я отметила несколько важных особенностей. Новую удобную обувь, тщательный макияж, но при этом старенький твидовый жакет с протертой манжетой. Выглядела она встревоженной, а дверь ее начальника была закрыта. Окошко оказалось наглухо занавешенным темно-зелеными жалюзи.

Левее притаилась небольшой закуток, который я выискала еще на схемах здания. Я тихонько проскользнула туда и скрылась в тени. Эта ниша вела к аварийной лестнице. Я остановилась в нескольких дюймах от двери, чтобы не задеть случайно ручку и не вызвать аварийную тревогу.

Глядя на секретаря, я задумалась. Новая обувь, идеальный макияж, но старый пиджак. Пытается выглядеть как можно лучше при минимальных тратах. Да и макияж слишком уж идеальный, как по учебнику, чересчур для рутинного утра — похоже, она новенькая, пытающаяся произвести наилучшее впечатление. Но напряженная поза, вкупе с закрытой дверью и занавешенным окном говорят, что у нее не выходит. Генри Моррисон наверняка надменный тип, к тому же, скорее всего, еще и грубить любит. Вот и секретарша отчаянно пытается не напортачить, держась за свое место как за соломинку. Этим можно воспользоваться.

В коридоре кто-то направился к лифту. Я притаилась, наблюдая. Мужчина шел, вперившись взглядом в пол и не обращая ни на что внимания. Убедившись, что он ушел, я

выудила из кармана оба телефона. На своем я быстро отыскала в интернете номер Генри Моррисона, точнее, номер его секретаря, и даже этот момент играл мне на руку.

Звонить сразу я не стала. Вбила номер, но убрала телефон обратно, прислушиваясь и выжидая.

Какое-то время висела тишина, в течение которой мой разум атаковали тысячи мыслей, равно как и всегда, когда я собиралась или планировала убивать. Сперва я подумала о Черри Роуз, затем о матери, потом о Мэгги с ее широкой улыбкой и узким кругозором. Образ Мэгги задержался дольше всего. Может, оттого, что секретарь чем-то напоминала мне ее. Хотя куда скорее само убийство, в любой своей форме, бесповоротно ассоциировалось с Мэгги. Каждая капля крови, ушиб, любая порочная мысль. Все ассоциировалось с Мэгги. Она проникла даже сюда, в Уайтвейл-тауэр, в самый разгар дела.

Меня как привязало к ней. И я не могла разорвать этой связи. Ее путь переплелся с моим, и развилки, освободившей бы меня, не видать.

И это бесило.

— Он на месте, но, к сожалению, не может ответить, так как весь день распланирован. Но у него будет окно завтра в 10 утра, — бодро отрапортовала секретарка. Даже тоном она напоминала Мэгги — радостным, но извиняющимся. И громким; я стояла на приличном расстоянии, но слышала прекрасно. — Не подходит? Другое окно будет в четыре часа дня, но оно всего на двадцать минут... согласны? Простите, но раньше ничего нет. Чудесненько. Благодарю.

Я услышала щелчок возвращенной на место трубки старенького телефона, что было довольно странно, учитывая сверкающий новизной лэптоп. Выждала несколько секунд. Свежих звонков не последовало, до меня доносился лишь тихий перестук пальцев по клавиатуре. Подождав еще немного, я набрала номер.

Зазвонил телефон. Не прошло и доли секунды, как она ответила:

— Добрый день, офис Генри Моррисона.

Ее голос эхом отразился в ушах — вживую и с небольшой задержкой в трубке. Потребовался короткий миг, чтобы продумать дальнейшее.

— Здравствуйте, переключите на Генри, — фамильярно попросила я, стараясь говорить не слишком громко. Голос свой сделала чуть выше и добавила придыхания, чтобы в будущем меня не опознали.

— Простите, не могли бы вы представиться?

— Ох, конечно, это Джейми.

— Кто?

— Его сестра, — словно констатируя очевидное.

— Ой, я... э-э... не знала, что у него есть сестра.

— Теперь знаете, — резко ответила. — Слушайте, сделайте одолжение? Я буду в городе на следующей неделе со вторника по пятницу и хотела бы пообедать с Генри — можете втиснуть меня в расписание? В любое время, без ограничений, как ему будет удобнее. Мы давно не виделись.

— Я... э-э... не знала, что у него есть сестра, — жалобно повторила она.

Я рассмеялась, как будто с дитем беседую.

— Есть. Понятное дело. Мы не слишком близки, но все же родственники.

Повисла неопределенная тишина. Она начинала верить.

— Слушайте, — вздохнула я, — серьезно, я его сестра. Можете уточнить у... как их

там... Джона и Кэти. Мы виделись с ними на вечеринке несколько лет назад. Они меня знают.

— Джон Риз? — заторможено переспросила она. Как и предполагалось, на этом огромном этаже оказался некто с таким распространенным именем, как Джон, но, тем не менее, я выдохнула с облегчением.

— Наверное. Я не спрашивала фамилии.

— Высокий... с каштановыми волосами?

— Именно.

— Э-э... минуточку. — Она отложила трубку и, поднявшись из-за стола, дико улыбнулась.

Чего и следовало ожидать: она вышла из-за стола и направилась в сторону открытых офисов, даже не взглянув в ту сторону, где я скрывалась. Пошла искать Джона Риза.

Я убрала краденый телефон обратно в карман. При первой же возможности надо от него избавиться. Экран мигнул в последний раз и погас. Убедившись, что секретарша ушла — учитывая количество людей в офисах, поиски Джона подарят мне как минимум несколько минут — я вышла из укрытия и подкралась к двери кабинета Генри. Потратила секунду на быстрое сканирование взглядом двух соседних офисов. Никого. Большие шишки, владеющие отдельными кабинетами с огромными окнами, видимо, имели привилегию приходить на работу позднее. Как удачно. Конечно, можно сделать все без лишнего шума, однако гораздо удобнее, когда нет лишних ушей и есть возможность расшевелить фантазию.

Тут мне в голову пришла очередная мысль, которую раньше я даже не рассматривала — а что, если бы Генри Моррисон не пришел в офис в столь раннее время? Если бы я пришла, а он просто не появился? По коже пробежали мурашки.

Но все в порядке, подумала я — не стоит обдумывать если бы да кабы. Он на месте, в отличие от своих соседей. Удача от меня не отвернулась.

Вынырнув из собственных мыслей, я распахнула дверь и вошла внутрь.

Меня настигло неожиданное дежавю, словно я снова входила в примерку Черри; и это далеко не хорошо. Мотнув головой, избавилась от наваждения; не думать об этом сейчас — это ничего не значит.

И вон он, мой герой Генри Моррисон, стоит у окна.

Он осматривал Лондон с видом усталого короля. Одна рука в кармане, другая прижимала телефон к уху. Он молча слушал своего собеседника. Меня не заметил. Я замерла. Рукой в перчатке ощупала дверь в поисках замка и не нашла его. Дверь нельзя было запереть изнутри. Ладно, разберусь.

Моего присутствия он не ощутил. Я замерла призраком, опустив руки на бедра, губ коснулась легкая улыбка. Осмотрелась в поисках камер и убедилась, что их в здании действительно не было, за исключением лобби.

— Мы не можем себе этого позволить, — тягуче произнес Генри Моррисон. — Нет.

Еще долгий миг тишины.

— Ладно, передай ему, что нельзя.

И еще.

— Просто... придумай что-нибудь.

Он завершил звонок, убрал телефон в карман пиджака и утомленно потер глаза. Бросил очередной взгляд в широкое окно, отключившись от всего мира. Я могла его понять. На мгновение возникло странное ощущение, что мы с ним в чем-то похожи.

Рабочий стол оказался антикварным, но при этом странный антураж создавала серебристая современная статуя, стоявшая на левом его краю, возле самого окна. Что-то вроде грациозно склонившегося танцовщика. Остальная мебель была холено-стильной; но на полке я заметила коллекцию потертых книг в кожаном переплете. Обстановка вне времени.

Генри Моррисон прислонился к столу, спрятав руки в карманах. От этого движения стол слегка качнуло — ручки в стеклянном стакане крутанулись вокруг своей оси и монитор компьютера мигнул.

Лондон охватил холодный утренний свет, бликующий от окон, воды и металла. Он словно драгоценный камень ловил своими гранями лучи солнца и отбрасывал их во все стороны. По небу плыли облака, но вдали на горизонте. Безупречный день. Генри вздохнул.

Я тоже, и отпустила себя. Набрала воздуха и выдохнула, обращаясь в Диану.

И ощутила все по-новому.

— Красиво, правда? — спросила я.

Генри испуганно обернулся. Неуверенно глянул на меня, но ничего не ответил.

У него оказался вид умудренного жизнью старца, хотя больше сорока-пяти ему было не дать. Темно-зеленые глаза и сшитый на заказ серый костюм дарил ощущение, словно он сошел с каталога. Такой тип у него... мошеннический. Словно смотришь на нереального персонажа.

— Да, — отозвался он. Голос тихий, настороженный, однако во взгляде сталь, которая так пугала его секретаршу. — Простите, вы кто?

Я опустила глаза, улыбнулась и направилась к нему с кошачьей грацией.

— Простая девушка, — застенчиво проговорила. — А вы — Генри Моррисон?

— Да. Но что вы забыли в моем офисе? И почему вас пропустила Луиза?

— Луиза — это ваша секретарша?

— Именно, — отрезал он. Ох, вот и она, клокочущая ярость, запугавшая бедняжку Луизу. Я усмехнулась.

— Луиза — дурочка. Вам бы ее уволить.

Он замер, задумчиво облокотившись о стол. И как бы мне поступить? Угол стола, подушка от кресла, или об стену долбануть? Нет-нет, ничего из этого не привлекает.

И тут внезапно меня накрыло вдохновением. Вот оно. Идеально. Драма, мрак жестокость — как все просто.

Рядом со мной располагался невысокий стул. Я взяла его и неспешно подперла дверную ручку, теперь дверь никто не откроет.

— Что вы делаете? Кто вы? — потребовал ответа Генри, но ничего не предпринял, чтобы остановить меня.

Я обернулась к нему и проверила перчатки, чтобы не слетели в процессе. Но на этом моя подготовка не завершилась. Я подошла к столу и задумчиво провела руками по его краям. Мужчина все это время молчал. Даже не знаю почему. Может, потерял дар речи? Просто пялился на меня в ожидании. Понимал, что что-то будет, но вот никак не мог предугадать.

В несколько шагов обошла стол, взялась за верхушку сверкающей статуи и со всей силы швырнула ею в окно.

Попала ровно в цель. Статуя оказалась тяжелее, чем я думала, и куда более эффективной. Когда она ударила по стеклу, я отступила подальше, слегка пошатнувшись на высоких каблуках. В мгновение ока от удара расползлась глубокая трещина. Раздался тихий

треск. Статуя, угрожающе сверкая, повалилась на пол.

Генри Моррисон с открытым ртом смотрел на статую, лицо его начало пунцовать. В его глазах что-то промелькнуло. Не уверена, дошло ли до него, к чему я готовилась, но, в любом случае, во взгляде у него вспыхнуло пламя. Прямо как когда-то у доктора Марцелл. Наконец он выпал из безразличного состояния и сердито взглянул на меня. Словно на жука, или надоедливую муху, или что там могло его раздражать.

Но я не какой-то жук.

Я гораздо хуже.

Пресекая последующую реакцию, я быстро подошла к нему.

Ухмыльнувшись, я схватила его за галстук и потянула на себя. Теперь все в моих руках, финал я предвидела. Больше нельзя осторожничать. Он — мой. Это убийство будет чистым, как все предыдущие. Даже крови не останется. По крайней мере, здесь.

Тем не менее, надо действовать быстро, чтобы нас точно никто не прервал.

Он ахнул, взбешенно, удивленно. И уже собирался что-то сказать, возможно, закричать. Но я прижала палец к его губам. Улыбнулась и прошептала, как мне показалось, вполне убедительно:

— Тссс...

И Генри Моррисон притих.

Мы замерли, глядя друг другу в глаза. Мужчина и его убийца.

— Ты — мой, — прошипела я. — Меня зовут Диана, и теперь ты мой.

Я отступила от него, потянув за галстук. Не сказав больше ни слова, увеличила дистанцию и, воспользовавшись столом как опорой, толкнула мужчину в сторону окна.

Двадцать девятый этаж — далеко ему придется лететь.

Он полетел вниз с миллионом осколков стекла, набирая скорость, крутясь, посверкивая в утреннем солнце прекрасного Лондона. Если он и кричал, то его крик потонул в звуках города. Он летел камнем. Ни шанса на спасение. Сквозь пробитую дыру в окне задувал ветер. Прежде чем он коснулся земли, я выудила письмо и выпустила его в образовавшуюся пробоину.

Письмо подхватил ветер и понес по улице. К Генри. Оно летело как бабочка.

— Мистер Моррисон?! — закричала Луиза по ту сторону двери, видимо, вернувшись от некоего Джона Риза. Несомненно, она услышала звук разбившегося стекла. — Мистер Моррисон, у вас что-то случилось? Генри!

Черт.

Этот момент я не продумала.

И каким образом мне теперь вернуться к лифту, не попавшись ей на глаза? Нет-нет, надо успокоиться. Я — Диана, я могу справиться с дурой-секретаршей. Все хорошо. Стены толстые, в соседних офисах пока никто не объявился, от прочих сотрудников нас разделяет достаточное расстояние. Так что время у меня еще есть.

— Генри! Генри Моррисон!

Она пыталась открыть дверь, но поняла, что не может. Стул уверенно подпирает вход. Но вечно он не простоит. Надо спрятаться, как можно скорее. Рядом с пробитым окном стоял небольшой шкаф, я едва смогла в него втиснуться, скрывшись за пальто, прежде чем Луиза, отбросив стул, вошла внутрь.

Дверца до конца не закрылась, так как шкафом не предусмотрено закрывать его изнутри. И мне осталась небольшая щель. В нее я видела тонкий силуэт Луизы; она замерла в

проеме, в шоке и ужасе от происходящего, и не зная, что делать, и хлопая ртом подобно рыбине.

— Мистер Моррисон? — пробормотала она, словно это могло как-то ему помочь. Медленно подошла к окну, выпадая из моего узкого угла обзора. Под ее каблуками хрустело битое стекло. Она говорила приглушенно, словно утратив часть себя. Далее последовал миг тишины, а затем, неожиданно, она ахнула и упала на колени перед статуэткой, которая непостижимым образом не выпала в окно. По идее, от таких действий она должна была порезаться, но ее, видимо, это не заботило.

— Генри! — закричала она. — Господи, Боже мой. — Она задышала хрипло и прерывисто, и отчаянно.

В шкафу было слишком мало места. Спина и ноги уже начали ныть; я поморщилась. Как можно тише я попыталась сменить позу, уперев голову в полку сверху. Слишком мало места — надо выбирать. Я не страдала клаустрофобией. Просто физическое недомогание. Если останусь тут, то не смогу двигаться так быстро и свободно, как это потребуется.

Я потянулась снова и осознала, что полка не закреплена и, что еще важнее, пуста.

Удобно.

До меня доносились тихие бормотания Луизы. И снова в мыслях всплыл образ Мэгги, и снова я ощутила раздражение. Отмахнулась от бесполезных горячих эмоций; беситься буду позже, сейчас делу время.

Я осторожно потянулась к полке, стараясь не создавать лишнего шума. Замерев на миг, засомневалась, стоит ли бросаться на амбразуру, это несколько выходит из привычных рамок. Но выбирать как-то же надо. Я аккуратно переложила полку себе на колени и на секунду задержала дыхание, пытаюсь определить нынешнее местоположения Луизы.

Прислушавшись, я уловила крики, доносящиеся с улицы. Пронзительные, ужасающие, безупречные. Красота. А Луиза, судя по ее резкому вздоху, находилась в нескольких шагах от окна и сидела на коленях.

Я вцепилась пальцами в полку, набрала воздуха и выпрыгнула из шкафа.

Я замахнулась полкой словно бейсбольной битой, а девушка не успела обернуться, даже вскрикнуть, как я обрушила ее ей на затылок. Она тихонько выдохнула и пискнула как мышка. Повалилась на пол на осколки стекла, бороздами порезавшие лицо.

От удара она не умерла и не умрет, хотя проваляется без сознания некоторое время, ну и шрамы могут остаться от осколков. Не так уж просто кого-то убить. Самое трудное в процессе умерщвления человека — убить, как бы странно это ни звучало. Человеческие тела выносливы и они явно против того, чтобы их убивали. Когда очнется, ей будет плохо, может, обретет легкую амнезию — что меня как раз очень даже устраивает, а то вдруг еще вспомнит о таинственной сестрице Генри и приплюсует это к тому, кто вытолкнул Генри в окно. Однако она точно очнется.

Она лежала на полу. Я выпустила полку рядом и на секунду прониклась сожалением.

— Прости, — произнесла я.

Я бросила краткий взгляд на Лондон. Лондон, сверкающий в солнечном свете.

И мне стало так весело.

Потому что я почувствовала себя королевой. Королевой, осматривающей собственные владения. Владения, которые склонят голову моему величию и подстроятся под мой смертоносный ритм. Конечно, сами они этого пока не знают, но все еще впереди, и вот что важно...

И мне снова стало смешно. Но пора уходить.

Я прислонилась к стене возле двери, и вскоре начали прибывать сотрудники офисов, все ближе и ближе к месту преступления. Когда они безумной, трепещущей оравой столпились в офисе, источая всеобщее состояние паники, и никто даже не подумал глянуть в мою сторону, я проскользнула за дверь. Незаметная среди людей, самая важная фигура в эпицентре.

И покидала офис Генри уверенными шагами.

А дальше мне ничего не могло грозить.

Я вышла в коридор, прошла к лифту и спустилась в фойе. Дальше покинула здание через стеклянные двери и оказалась на улице, где уже собиралась полиция, но еще не оцепила место преступления. А люди так и продолжали заходить и выходить из здания подобно рою муравьев, большинство из которых даже не обратили внимания на случившееся.

Я торжествовала.

Я повыше натянула воротник и устремила взгляд в землю, чтобы никто точно не заметил моего лица. Подстроилась под поток людей. На меня не обращали внимания. Полицейские выпрыгивали из своих машин, отчаянно оглядываясь по сторонам и с ужасом осматривали труп Генри Моррисона с некоторого расстояния. У одного из них оказался мегафон, в который он начал кричать указания перепуганным гражданам, но взаправду его никто не слушал. Понявшие, что произошло, спешно обходили тротуар и убегали по своим делам. Им было страшно, они не хотели оказаться вовлеченными в разбирательства и старались скрыться из виду.

В толпе прибывших нарядов я постаралась выискать Алекса. Не смогла, но меня не отпускало чувство, что он здесь. Где-то неподалеку. Как всегда.

Сняв перчатки, выбросила их вместе с краденым телефоном в мусорный контейнер в тихом переулке не слишком далеко от дома. Правда, сперва убила телефон точным ударом о кирпичную стену. Экран разлетелся на тысячу осколков. Так, на всякий случай. Перчатки же я разорвала в клочья, словно их пожевала собака. Особенно постаралась я с кончиками пальцев, уничтожая любые возможные отпечатки, которые могли сохраниться на внутренней поверхности.

И вот там, в тени небольших домиков, прислонившись к мусорному контейнеру, я позволила себе наконец рассмеяться.

И, ох, как же я смеялась...

И ничего меня не волновало.

Глава 17

Я бродила по улицам вплоть до самого вечера. Без какой либо цели и лишних мыслей. Просто гуляла. Домой идти не хотелось, как и стоять на месте, поэтому я ходила по улочкам Лондона, позволяя городу захватить меня своим ритмом.

Бродила по солнечному Челси в черном стеганом пальто — сезон был прохладным — а когда солнце село, пересекла пугающую в темноте Темзу и через некоторое время оказалась в Баттерси-парк. Окружающие меня деревья, казалось, жили своей жизнью. Прогулялась по влажной траве, промолив ноги. Несколько людей четко отложились в моей памяти, хотя я видела множество силуэтов и теней — спешащего мужчину, смотрящего себе под ноги, и его надутого ребенка.

В какой-то момент я покинула парк и пошла вдоль набережной Темзы. Оставляя за

спиной Лондон. Мой Лондон. Городские огни яркими бликами отражались от воды. Мне встречалось все больше людей, но я избегала их взглядов, а они моих.

Гуляла я так долго. По мостам, улицам, через мост Ватерлоо, через самое сердце Лондона, переполненное туристами, огнями и красотой. Гуляла, пока не заныли ноги и немного больше. Я устала, но домой идти не хотелось.

Каким-то образом ноги привели меня к самому неожиданному месту, к Уайтвейл-тауэр.

Здесь все еще работали полицейские, однако пожарные и спасатели уехали. Труп Генри тоже увезли, хотя несколько офицеров ходили вокруг места его падения. Полиция рыскала по зданию — это было видно через окна. Провал на месте выбитого на двадцать девятом этаже окна странно выделялся на фоне остальных, но вовсе не из-за того, что из него выбросили человека. словно какая-то аномалия; но издали, как и многое, это не пугало.

На мгновение, на чистом инстинкте, я задумалась, нет ли среди кучи полицейских в этом здании Алекса, и как по заказу наткнулась на него. Он стоял возле входа, но в сторонке от тихо переговаривающихся офицеров. Он кусал подушечку большого пальца и выглядел каким-то постаревшим. В руке, в пластиковом пакете, он держал письмо с приговором Генри Моррисона — я узнала его по сгибам. Растрепанные волосы волнами спадали на глаза. Ему бы не помешало постричься. Серый костюм, чем-то напоминающий по стилю Генри Моррисона, явно давно не бывал в химчистке, а на штанине еще и красовалось пятно.

Внутри меня что-то шевельнулось — сожаление, поняла я через мгновение, — не раскаяние, а сожаление, потому что это из-за меня он выглядел таким уставшим и побитым. Целиком и полностью из-за меня. Это сожаление граничило с отчаянной и эгоистичной молитвой какому-нибудь безымянному богу — пожалуйста, только бы он никогда не узнал, что это я, только бы не узнал; если он узнает, то возненавидит меня, а я не хочу, чтобы он меня ненавидел; пожалуйста, я не хочу этого больше всего на свете, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Его взгляд казался темным, глубоким и задумчивым. Он не замечал ничего перед собой. Совершенно ничего.

Ох! Алекс даже не представлял, какие тени сгустились у него за спиной. Единственный источник света в поглощающей темноте. Алекс, всегда такой чистый и справедливый. Но он не замечал притаившихся теней, сколько бы ни пытался, и это было это главным недостатком.

Я стояла прямо за фонарным столбом, но свет на меня не падал.

На безумный момент я представила, как подхожу к нему. Просто перехожу улицу и встречаю его. Разговариваю. Привлекаю. Я была бы рада услышать его голос, постоять рядышком. Могла бы даже попытаться немного осветить его тени. Бедный Алекс, иногда мне так стыдно перед ним. Как бы мне хотелось помочь ему, поговорить, быть рядом...

Но, конечно же, делать этого было нельзя. Сколько сейчас времени? Полночь? Два часа ночи? Если я подойду, то у него возникнет множество вопросов, к примеру, почему я не дома, почему нахожусь здесь, а не где-то еще, и вопросы эти довольно опасные. Нет, подходить нельзя. Ночь была диким зверем этого города, и даже я не могла осмелиться потревожить его.

В кармане тихо завибрировал телефон. Отвернувшись от Алекса, чтобы он меня не заметил, если решит взглянуть в эту сторону, я, даже не глядя кто звонит, ответила на звонок.

— Алло.

— Где ты? — резкий голос матери донесся с того конца линии.

— Гуляю.

— Какого черта? Где ты? Четыре часа утра, Кит.

Четыре, серьезно? Вот это я погуляла.

— Мне хотелось пройтись.

— А теперь возвращайся домой.

— Зачем?

— Как это «зачем»? Я — твоя мать. Сейчас четыре утра. Что за глупый вопрос. Я

понимаю твои чувства, правда, но ты не можешь ходить и тихо злорадствовать.

Я прислонилась к фонарному столбу, позволяя тому осветить мою спину.

— Я не хочу возвращаться домой.

Последовал вздох и минута молчания.

— Кит, прошу тебя, — попросила она, но как всегда это прозвучало на грани крика.

Она пыталась ухватиться за ускользающие соломинки контроля.

Развернувшись, я снова посмотрела на Алекса. Он не сдвинулся ни на дюйм. Стоял как статуя. Стоявшие неподалеку полицейские поглядывали на него, но он ни на что не обращал внимания.

— Ладно, скоро буду, — ответила я. Сделаю ей одолжение. Она хочет, чтобы я слушалась. Только и всего, а на такую мелкую уступку я могу пойти.

Я сбросила звонок.

До Уайтвейл-тауэр меня словно магия вела, однако дорога до дома была слишком унылой и скучной. Блики в воде были лишь отражениями, Баттерси-парк больше не предстал передо мной лесом с танцующими тенями. Дойдя до дома, я поднялась к себе в спальню. Внизу же мама слушала песни Черри Роуз. Красные шторы и темное небо за ними, блеклые тени в комнате — все напоминало выцветшую картину.

— Господи, да мы же промокнем насквозь! — Мэгги веселилась, прячась рядом со мной под навесом продуктового магазина, на чьем окне красовались нарисованные заблудки. Мы обе закутались в мой черный плащ. Но он не спас бы нас от дождя, реши мы выглянуть из-под навеса. Мы обе не ожидали такого ливня и не взяли с собой зонты.

Дождь сплошным потоком стучал по асфальту, проникал в приоткрытые стекла автомобилей и стекал вниз по желобам навеса, под которым мы прятались. Становилось зябко.

Я тоже засмеялась. Да, мы точно промокнем. У нас обеих были планы, и мы не могли себе позволить дожидаться окончания дождя. Пора выходить. Пора готовиться продрогнуть.

— Надо было брать этот дурацкий зонт. Хотела же взять, но так и не взяла, вот дура, — пробурчала Мэгги, проводя пальцами по волосам.

— Дура, — согласилась я, отрешенно поглядывая на нависшие над головой облака. Сплошная серая завеса. В ближайшее время дождь не закончится.

— Может, купим его?

Я покачала головой.

— Нет, мне надо как можно скорее попасть домой. Но ты можешь сходить за ним сама.

— Нет, я с тобой останусь, — отозвалась Мэгги. — Господи, как же я не хочу промокать!

— Ну, выбора у нас особого нет?

Она рассмеялась.

— Похоже на то.

Я потянулась вперед и еще раз взглянула на небо, несколько капель сразу же опустились мне на нос.

— Зима близко. — Я пожала плечами.

— Думаешь, снег пойдет?

— Надеюсь. Люблю снег. Ну, должно же выпасть его хоть немного.

— Было бы здорово. Тоже надеюсь, — хихикнула Мэгги. — Когда снежно, так и хочется гулять, хочется посетить каждую туристическую точку и вообще. Хочу стать туристом в родном городе, понимаешь? Потому что в снегу все выглядит иначе. — Она словно погрузилась в собственные слова; взгляд стал мечтательным. Я разделяла ее желания. Как поэтично.

— Но это будет потом, — сказала я.

Она застонала.

— Ох, Боже. А может, не надо?

Я засмеялась и подхватила ее под руку, затягивая при этом плащ потуже. Она тоже придвинулась ближе.

— Надо, — подбодрила я.

— Ой-нет.

— Ой-да.

— Но я не хочу...

Смеясь, я вытянула ее под дождь, и конечно мы моментально промокли; волосы, руки, ноги, плащ ничуть нас не спас, но мы так и не стянули его. Мы хохотали как дети, пока бежали под ливнем по тротуарам, мимо витрин магазинов, мимо проезжающих такси, автобусов и людей под зонтами. Перепрыгивали лужи. Мы вели себя как настоящие лучшие подружки.

Но, тем не менее, какой бы подругой я ее ни считала, Мэгги была врагом. Я держала этот факт как можно ближе к сердцу, не давая себе забыть, не давая забыть, что она заставила меня совершить и кто она на самом деле. Она — жертва. И умрет она от моей руки — я решила убить ее, значит, так и будет. И этого забывать нельзя. Наоборот, я буду возвращать это желание, и когда оно станет нестерпимым, настанет тот момент.

Мэгги взвизгнула, попав ногой в лужу, а я засмеялась громче.

Глава 18

Через несколько дней после убийства на двадцать девятом этаже в пять тридцать после полудня объявился Алекс.

Это был неожиданный визит. Мама молча стояла возле плиты в окружении пара, колдуя над кастрюлькой с пастой. Вряд ли ей было комфортно. Я же сидела за кухонным столом и наблюдала за ней.

И тут в дверь раздался тихий стук, даже не звонок. В отличие от мамы, я его расслышала. На миг показалось, что у меня разыгралось воображение. Но затем стук повторился, уже громче, но все такой же робкий, и я поднялась.

— Что еще? — спросила мама, как у несмышленного дитя. Я крепко вцепилась в край стола, сдерживая себя. Как же я ненавидела ее в такие моменты.

— Стучат в дверь, — коротко ответила я. Она кивнула. Словно заранее знала ответ, но задала вопрос ради проверки. Она жаждала ощущать свое превосходство. Раньше за ней я

такого не наблюдала. А вот сейчас видела буквально насквозь.

Подошла к двери, а распахнув ее, сильно удивилась при виде замершего Алекса. Я немного отшатнулась, одновременно от неожиданности и желая его увидеть, показалось, что даже воздух сгустился.

Боже, а он действительно привлекателен. В смысле, я и так это знала, но при виде его у себя на крыльце эта мысль ударила по голове как молот по наковальне.

Честно, я не ожидала этого визита. Мы много раз встречались в кофейнях и бистро, полицейском участке, но с самого нашего знакомства к нам домой он больше не приходил.

— Здравствуй, — широко улыбаясь, произнес он.

— Привет. Ты здесь откуда? — как можно дружелюбнее отозвалась я. Несмотря на мою радость от его появления, вспышка раздражения, вызванная мамой, еще не стихла. Но, конечно, вины Алекса в этом нет — надо успокоиться, нельзя сбрасывать пар на него. Не заслуживает он такого; слишком уж хорош. Он переместил вес с ноги на ногу, вид при этом у него стал таким неуверенным. Он уставился себе под ноги.

— Что-то случилось? — спросила я. Очевидно, что да. Видок у него был тот еще.

— Ничего такого.

— Ты как открытая книга, дурачок. Что случилось?

Он покачал головой.

— Ничего.

Я прикусила губу. Ну ладно, в конце-то концов он признается. Впрочем, как всегда.

— Проходи, — сказала и отошла. Он нерешительно, но все же вошел.

— Это Алекс, — крикнула я маме, ответа не последовало. Я повернулась к Алексу. — Чай будешь? — предложила я.

— Э-э... нет, спасибо.

— Ой, да ладно. Я заварю чай, — смеясь, ответила я.

Мы прошли в кухню. Полуразвернувшись к холодильнику, мама крайне спокойно выключила плиту, даже не взглянув на нас. Не говоря ни слова, она подхватила кастрюлю. Плотнo прижатые друг к другу лодыжки мелко подрагивали, взгляд прочитать было невозможно. Стараясь не привлекать к себе внимания, она кротко улыбнулась и вывалила пасту в стоящий в раковине дуршлаг.

— Садись за стол. Я сейчас, — сказала я Алексу и пошла к чайнику, с любопытством поглядывая на маму. Взяв с плиты чайник, начала заполнять его водой. Алекс в это время слепо уставился в стол.

— Ты чего? — тихо спросила маму, все еще избегавшую моего взгляда.

Она неуверенно улыбнулась и опустила руки себе на юбку, будто собираясь вытереть их. Она развернулась, стоило мне поставить чайник на плиту и включить огонь.

— Я уйду, — величественно заявила она, снимая свой красный фартук и опуская его на барный стул. И, засмеявшись: — Я ненадолго. Туда и обратно до магазинчика на углу. Хотела добавить в пасту пармезан, но забыла, что у нас он закончился.

Я незаметно улыбнулась, потому что, непостижимым образом, загордилась ею. Она заметила. Заметила, что будет третьей лишней. Не в романтическом смысле, нет, а в том, что нам с Алексом надо... поделиться друг с другом тем, что при ней нельзя говорить. Она была лишней. И, поняв это, сама решила уйти.

— Ой, да? — рассеянно пробормотал Алекс. Она кивнула и поправила фартук на стуле.

— Да и у меня есть кое-какие дела.

— Я тебя не оставлю, не бойся, — шутя заверила я Алекса. Он чуть улыбнулся; кривоватость этой улыбки была до странного милой.

Вскоре она нас оставила. Услышав щелчок входной двери, я прислонилась к плите в ожидании, когда закипит чайник.

— Ты такой не из-за Идеального Убийцы? — рискнула я. Алекс не ответил, только устало провел пальцами по волосам. Хоть он и выглядел подавленным, его движения притягивали — резкие, уверенные и в то же время изящные.

— Неужели он объявился? — спросила, отводя глаза.

Кажется, он меня даже не услышал или же просто решил не отвечать.

Он глубоко вздохнул, задумался, сгорбился над кухонным столом. Словно вся тяжесть мира навалилась на его плечи.

— Тебе никогда не хотелось просто отказаться от его дела? — спросила я.

Он выдохнул сквозь зубы. Потребовалось мгновение, чтобы понять, что это он смеется.

— Никогда, — ответил он.

— Неужели даже мысли такой не возникало?

— Никогда.

— А это бы многое упростило.

— Какая разница.

— И тебе не придется воспринимать происходящее так близко к сердцу.

— Какая разница.

И тишина.

— А ты сегодня неразговорчивый, да? — произнесла я с долей шутки. И как-то резко осознала, что говорю как мама в худшие ее моменты.

Не хочу быть такой, не с ним, только не с ним. Не хочу, чтобы он думал обо мне плохо.

Он промолчал. Засвистел чайник.

Я заварила нам чай, предварительно отыскав недавно вымытые чашки без следов кофе на стенках после отца. Вспомнила, что Алекс никогда не добавлял молока, зато не отказывался от сахара. И поставила дымящиеся чашки на стол.

— Спасибо, — поблагодарил он, делая глоток. Я присела напротив и тоже пригубила чаю, продолжая с любопытством поглядывать на него сквозь опущенные ресницы.

— Действительно никогда даже мысли не мелькало?

— Отказаться от дела?

— Да.

Он медленно покачал головой:

— Правда, никогда не задумывался. Я не из таких.

— И это меня в тебе восхищает.

— Спасибо, наверное.

— Не за что, наверное. — Я слабо улыбнулась. — Но ты выглядишь уставшим. Ты бы поспал.

— Возможно. — Он снова уставился в никуда.

— Ты хоть слушаешь?

— Да, я тебя слышу.

Я сделала еще один глоток чая, наслаждаясь приправленной сахаром терпкостью, и откинулась на спинку стула. Всмотрелась в него. Он продолжал молчать.

— Как твои дела? — вдруг спросил он, встречаясь со мной взглядом. И снова оно —

электричество, сгустившееся в воздухе.

— Нормально.

— Ходила... в школу?

— А, да. Школа, потом домашние задания, и снова школа и домашние задания.

— Это хорошо.

— Да.

— Хорошо... — повторил он едва слышно. И снова затих, видимо, даже сохранять видимость разговора не способен сегодня. Но я-то еще не закончила. Я не любила тишину, особенно тишину между двумя; неуютно это как-то.

— Зачем ты пришел? — как можно проще спросила я. Он не любил вопросов; и тут он резко переменялся в лице, словно на кнопку сел.

— Просто так.

— Не просто, Алекс, что за фигня происходит?

Нет ответа.

Видок у него был мрачным, уставшие глаза он прикрыл. Вокруг них светились синевой круги. Рассеянно приоткрылся рот. Он едва ли находился в этом мире.

— Серьезно, ты так стрессуешь из-за дела Идеального Убийцы? Я знаю, что он снова при делах и выбросил какого-то парня из окна — в газетах писали.

Нет ответа.

— Алекс, поговори со мной. Тебе нужна моральная поддержка? Ты вот-вот сломаешься, или что? Тебе нужна помощь?

Нет ответа.

— Заварю-ка я еще чаю, — сказала, поднимая опустошенную чашку и направляясь к чайнику. Снова наполнила его водой — остатков не хватило бы даже для одной чашки — и, поставив на плиту, стала наблюдать за мерцающим огнем. Похоже, тут я бессильна.

— Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все.

Внезапно он поднялся. Я обернулась к нему. Глядя на меня, он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать. Но не мог.

От его взгляда становилось грустно, сама не знаю почему.

— Я пойду.

Он был одет в длинное пальто, которое взметнулось вокруг его ног от резкого разворота. Я ничего не понимала. Что случилось, что же случилось? Я всегда так легко читала людей, да и Алекс всегда был как открытая книга. Но сегодня его было невозможно понять. И дело явно не только в возвращении Идеального Убийцы; здесь что-то большее.

— Алекс, — позвала я, бросившись за ним в коридор. Он остановился, сложив руки перед собой, молча, словно в отчаянии ожидая моих слов.

Я посмотрела на него, затем отвела взгляд в сторону, к потолку, пытаюсь отыскать нужные слова, пытаюсь облегчить непонятную ситуацию.

А затем я случайно глянула в сторону кухни, точнее, кухонного стола, и с шоком осознала, что его так беспокоило. Я поняла. И гонор вкупе с гордыней сразу испарились. Проснулось другое чувство. Страх.

— О, — тихо выдохнула я и медленно, очень медленно перевела взгляд на Алекса. — О, — повторила уже громче. Он отступил на пару дюймов, желая исчезнуть. Вполне понятно. Ох, Алекс. — Ты забрал мою чашку, — произнесла вслух, чтобы до него окончательно дошло, что я поняла.

— Это не моя идея, — попытался оправдаться он, но такому оправдания нет.

Я не могла и слова выдать. И в этот раз уже Алекс пытался заполнить напрягающую тишину. Он беспомощно повернулся ко мне, крутя чашечку в руках, но не касаясь ободка. Конечно, ну конечно.

Не было у меня права ощущать себя преданной, но именно это я и чувствовала.

— Этого потребовал старший по званию. Я все еще руковожу расследованием, но приказов это не отменяет, особенно от руководства. Знаешь, они буквально с ума сходят, и им нужен подозреваемый, но тебя, конечно, не подозревают, просто ты ближе всего к расследованию, к тому же убийство того паренька — и на месте преступления в Уайтвейл-тауэр нашли ДНК образец, поэтому захотели проверить тебя и убедиться, что он не совпадет — прости, Кит, правда прости, я даже не могу сказать...

Он извинялся. Честно и от души. Его открытое сердце не могло понять такого обмана, и его убивало видеть шок в моих глазах. Уверена, вид у меня был жалким. Да и чувствовала я себя так же. Даже не имея на это права.

— Ох, Алекс.

Он не знал — не мог знать — насколько важна для меня эта чашка. Белая и такая крошечная в его беспокойных руках, и от которой я не могла оторвать глаз. Чашечка с моим ДНК на ободке — моя смерть и гибель. Но он этого не знал.

— Ты мог попросить, — сказала я. — Не пришлось бы красть.

— Боже, Кит, прости, я просто не хотел, чтобы ты знала и беспокоилась из-за этого — ты не подозреваемая; они просто хватаются за соломинку.

— А этого вообще законно? Разве для подобного тебе не нужен ордер?

— Нужен.

— Ты нарушаешь закон, Алекс.

— Знаю. Но я не имею права нарушать приказ, — тихо произнес он, будто этот факт ломал его пополам. Хотя для таких, как он, подобные вещи немислимы. Идти против воздвигнутых для себя правил. Его стремление следовать законам превосходила лишь необходимость исполнять приказы свыше.

Уже не говоря о том, что эти приказы вынуждали его предать друга.

Я поняла, почему этот внутренний конфликт привел его сюда. Мы так часто вместе обедали где-то, что его приход был крайне необычен — он хотел, чтобы я его поймала. Он умен — мог бы сделать все так, чтобы у меня и подозрения не родилось. Спокойно мог украсть вилку в заведении, и я бы даже не заметила. Но он хотел, чтобы я его поймала. Хотел, чтобы его поймали на обмане, чтобы наказали за ложь.

— Я могу добиться твоего ареста. Увольнения. Что ты никогда не вернешься в полицию. — Я не угрожала, просто констатировала факт. Смотреть ему в глаза было мучительно. Я понимала, что должна хитрить и выйти из этой ситуации. Но почему-то не могла. В мыслях царил пустота. Даже пульс замедлился.

И расстроилась я не меньше него. Он пытался обмануть меня, воткнуть нож в спину. Я осознала, насколько сильно меня это задело. Будь на его место кто угодно другой, я бы легко разобралась, даже выдернула бы чашку из рук, но с Алексом все иначе. Я смотрела, как он стоит в коридоре и вертит в руках несчастную чашку, а в груди поднималась обида.

— Ты заберешь ее? — спросила я. — Уйдешь и заберешь?

— Тебе ведь не так важна эта чашка? Тебя никто не собирается обвинять. Это не имеет значения. — Он избегал отвечать на мой вопрос. Умоляя взглядом. Я же не могла позволить

ему унести чашку.

— Не в ней вопрос.

— Господи, Кит, прости, но я был вынужден забрать ее, но может... Боже, я ужасен, да? Можно я заберу ее, Кит, пожалуйста? Тебе ничего от этого не будет. Я верну ее сразу после экспертизы. Обязательно верну. Я знаю, что результат будет отрицательным.

В этот момент в груди перемкнуло, и я осознала, в какой опасности нахожусь. Я могу оказаться в тюрьме. Смертной казни у нас нет, но мне грозит пожизненное, возможно, даже в одиночной камере, если я позволю этому мужчине уйти. Я разозлилась на саму себя. Какое еще ДНК я могла оставить? Волос, может, порезалась о битое стекло?

Меня словно льдом сковало. Я не могла заговорить его. У меня на это просто не было слов.

— Прости, — сгорбившись, выдохнул он, и словно стал ниже. Я подошла к стене и привалилась на нее. Уставилась себе под ноги. Тело будто оцепенело.

— Вот ты какой, — бессвязно пробормотала я.

Слова ударили ровно в цель, я видела, что ему от них больно. Но он сам в этом виноват. Я посмотрела ему в глаза.

— Мне очень жаль, — прошептал Алекс.

— Сожалеет здесь только один из нас, — ответила я.

Или будет.

Он сжал руки на чашке. На миг мне показалось, что она расколется. Между нами повисла тишина, в течение которой я начала считать вдохи, а он сражаться со своими хорошими качествами.

Сердце начало колотиться как барабан, тук-тук, тук-тук. Глаза распахнулись, внутри появилась слабая надежда, что меня он ставил выше дурацкой потребности следовать приказам. Ох, Алекс. Если бы ты знал.

— Тебе ничего от этого не будет, — просил он.

Я медленно покачала головой. Я не могла признаться, что будет и еще как. Не могла, как и сказать, что вся моя жизнь сосредоточилась у него в руках, буквально. Я хотела, чтобы он понял, но если он поймет, то я потеряю все так же, как если он сейчас развернется и уйдет, забрав чашку.

Я посмотрела на Алекса с колоссальным сожалением во взгляде.

Он вздрогнул, пальцы тоже дрогнули. Выдохнув, он сжал чашку до побелевших пальцев, и в этот раз я была уверена, что он ее расколется.

— Это ничего не значит, — неуверенно повторил он.

Положи ее, положи, положи, положи.

Мысленно умоляла я, кричала, пыталась достучаться.

А затем, очень медленно и неожиданно, в последний раз заглянув мне в глаза, он подошел к ближайшему столику и опустил ее. После чего пошел к двери и захлопнул ее за собой.

С его уходом тишина стала оглушительной. Медленно я подошла к столу, взяла чашку и унесла на кухню. Добрела до раковины, собираясь вымыть ее, смыть все случившееся...

Но едва я дошла до раковины, как чашка выскользнула из моих пальцев и разлетелась на тысячи осколков, но меня это ни капли не тронуло.

Прошло две недели, и Алекс снова пригласил меня на обед. Проходил он практически в

полной тишине и абсолютной неловкости, но я была рада приглашению. Нет, я конечно же понимала, для чего он меня пригласил.

Денек выдался на удивление солнечным и безоблачным. Я разделалась с пастой и чаем быстрее, чем он со своим сэндвичем с ветчиной. Я как можно искреннее смеялась над его шутками; постепенно, но лед между нами начинал трещать. И все же, время от времени, я замечала во взгляде Алекса обреченность, страх и страдание. Потому что, естественно, он обязан исполнять приказы, независимо от того, законны они или нет — в некоторых случаях полиция ставила результат превыше закона. И он обязан был взять образец ДНК, ибо так ему приказали. Один раз он уже провалил задание, повторить это он не имел права. Иногда я действительно забывала, что он ведет мое дело. А забывать такое не следовало.

Просто в этот раз я была готова.

Медленно, незаметно и уверенно, чтобы он не успел ничего понять, я опустила себе на колени по одному столовому прибору. Я заранее припасла две волшебные бутылочки. И осторожно вытащила из сумочки. Первая — перекись водорода, вторая — разбавленный водой образец человеческого ДНК, раздобытый в школьной лаборатории; один из одноклассников вел самостоятельный проект и имел несколько таких.

Алекс забалтывал меня, я же невинно отвечала ему.

Однако под покровом белой скатерти незаметными движениями я наносила перекись на столовые приборы, уничтожая собственное ДНК, насухо вытирала салфеткой и наносила небольшое количество другого ДНК, уже из бутылочки. Затем осторожно возвращала приборы на стол. А Алекс, учитывая степень его нервозности, ничего не замечал.

Когда мы выходили, он аккуратно спрятал вилку себе в рукав. Наверное, ему показалось, что он сделал это незаметно, но я заметила. Мне даже стало любопытно, а не специально ли он, как тогда у меня дома. Но в этот раз я не стала ничего говорить.

Глядя, с каким напряжением он идет по противоположной стороне дороги, я решила простить его. Я забуду о случившемся. И мы снова будем вместе обедать, болтать как близкие друзья, доверять друг другу. Я этого очень хотела. Хотела простить. Хотела, чтобы мы смогли все преодолеть. Он тоже сможет, просто потому что это он. Все-таки это Алекс. Он всегда ищет в людях лучшее и хорошо относится. Его моральные качества впечатляли. И полностью противоречили моим.

И я завидовала его наивности.

Однажды, сказала я самой себе, несмотря ни на что, это сыграет мне на руку.

Мы с Мэгги сидели на скамейке с видом на Темзу и поедали ванильное мороженое, хотя для него, очевидно, было холодновато. Мы не виделись с ней несколько недель; я была слишком занята подготовкой к убийству Генри Моррисона, а потом и подозрениями Алекса. Теперь же меня ничего не заботило, да и с Алексом все было решено. Сегодня снова было облачно, даже тучки виднелись, но для дождя их было недостаточно.

Щеки Мэгги выглядели пунцовее обычного, а волосы темнее. Одежда стала более прилегающей, а взгляд повзрослел и ожил. Я вдруг поняла, что смотрю на ее обутые в коричневые ботинки и скрещенные в лодыжках ноги — а они у нее оказались маленькими. Необычайно маленькими, даже, можно сказать, крошечными.

— Кит, — позвала она, смахивая волосы с щек. Я подняла глаза и отметила узкие запястья, на миг представляя, как по ним циркулирует кровь, которую я однажды пролью.

— Да?

— Как думаешь, Майкл действительно любил меня?

Вопрос сбил меня с толку, лишая дара речи. Майкл? Я уже пару месяцев о нем не вспоминала. Быстро взяв себя в руки, я изобразила удивление и пожала плечами.

— В смысле, он же был болен. Но по-своему... просто интересно. Наверное, никогда уже не узнать правду. Но он говорил, что любит, почему-то его тянуло ко мне, но, видимо, уже не понять, было ли это от любви или от одержимости. Но ведь должна же быть разница между этими двумя понятиями? Просто интересно, как ты считаешь.

Я перевела взгляд на свое мороженое, на размякшую бумажку из-под него.

Что тут скажешь? Я не знала. В письме он писал, что Мэгги разбила ему сердце. Но что это значило? Майкл был нестабилен, иррационален. Можно ли принимать его слова за чистую монету? Судя по поступкам, нет. Вряд ли он сам осознавал свои чувства, они у него менялись настолько быстро, что их просто невозможно было бы осознать.

— Важно ли это теперь? — наконец спросила я.

Она взглянула на плещущиеся у берега воды Темзы.

— Вряд ли.

Только вот удовлетворенным ее ответ не звучал.

Я вздохнула и откинулась на спинку скамейки. Набрала воздуха в легкие и прикрыла глаза. Я слышала машины и тихие переливы Темзы, ощущала затхлый запах воды; словно на языке ощущала едкие загрязнения в воздухе, а под пальцами холод от мороженого. А вот любил ли ее Майкл? Как я должна была это узнать?

— Почему ты задаешься этим сейчас? — спросила я.

— Наверное, только сейчас я готова услышать ответ.

Меня это удивило.

— А со стороны казалось, что ты легко восприняла случившееся, — заметила я, открыв глаза. — Я помню, как ты смеялась.

Она пожала плечами.

— Было дело. Но, видимо, тогда я не до конца все осознавала. Было что-то, но не до конца. Тогда меня заботило, что его смерть значила для меня. Свободу от него. Он пугал меня. Но он же тоже человек. До смерти же он не был просто телом. Теперь я это понимаю. Ой, не знаю. Кажется, я несу какой-то бред. Сама не знаю, что говорю.

Я снова устала на ее ноги, вспоминая лицо матери Майкла.

Пришло в голову, что Мэгги поумнела. Видимо, она тоже изменилась после того события. А я продолжала судить по глупой улыбке, глупым беседам и глупому смеху, я считала ее все той же глупой девчонкой, с которой подружилась много месяцев, лет, столетий и эр назад. Но я ошибалась. И сейчас я это отчетливо видела. Еще не умная, но потенциал у нее появился. Наконец она начала задавать нужные вопросы. Я встретила с ней взглядом.

— Как ты считаешь? — с грустью переспросила она.

Я разорвала зрительный контакт и перевела взгляд на Темзу, прониклась ее прохладой и спокойствием, пальцы мои при этом холодило свежее мороженое.

— Считаю, что он тебя любил, — тихо произнесла я.

Ответом мне были лишь тихие переливы воды и неторопливый вдумчивый вдох Мэгги.

Глава 19

Я убиваю много и часто. Слава о моих деяниях разносится по всему городу. Еще

шестеро до конца этого месяца. Две женщины и четверо мужчин, одному из которых было за сорок. Первый умер от удара о зеркало, другой вылетел в окно, третьему достались голые руки, а четвертому острый угол стола — слишком неожиданно и быстро, чтобы убежать. Убийства набирали скорость — теперь, когда я не сомневалась в движущей мной мотивации и способностях, я не видела смысла убивать реже. Мэгги в конечном итоге тоже постигнет эта участь, но сперва надо, чтобы память о Майкле канула в небытие. Будет опасно, если кто-нибудь проложит параллель между убийством Мэгги и его смертью. В общем, я хотела. Я убивала. И выжидала.

Порой, в самые темные ночи, меня обуревали мысли о Майкле. Я просыпалась на грани крика на сбившейся постели. И хоть это было только в самые темные ночи, но доводило меня до безумия.

Сменялись времена года. Поздняя осень плавно перетекла в настоящую зиму. Дымчато-серое небо превратилось в мрачное и сердитое, улицы укрылись белым покрывалом снега и льда. Такая снежная погода была непривычной — обычно мы могли наблюдать снег всего несколько часов, а после он быстро таял на тротуарах. Но в этом году все было иначе. Более упрямый, постоянный и странный — он таял в лужи, которые покрывались льдом, которые покрывал новый снег, этакий бесконечный круговорот.

Скользкие тротуары и промозглый воздух вынудили меня достать самую теплую куртку из шкафа раньше обычного. Видимо, зима торопилась наступить.

А еще я видела Черри Роуз.

Это было неожиданно. Когда я наткнулась на нее, я просто ходила и убивала время — только я подумала, что не буду ничего покупать в Хэрродс¹³, несмотря на то, что деньги у меня были, просто там все слишком "лакшери", а отвечать на вопросы мне не хотелось — и тем не менее, мне нравилось туда ходить. Нравилось притворяться, что могу купить все, что пожелаю. Я мерила пиджаки и платья, интересовалась ценами на ювелирные комплекты, однако так ничего и не покупала.

Когда заметила ее, я стояла возле стенда с яркими шляпами и примеряла одну за другой, критически изучая собственное отражение в зеркале. Красная шляпа подавляла черты лица, синяя желтила кожу.

И только я надела желтую широкополую федору, как Черри прошла в двадцати футах от меня. И конечно же, я заметила ее раньше, чем успела понять, кто это. Из-под полей желтой федоры я сканировала ее, как двумя камерами, карими глазами. Меня парализовало от шока. Я изучала ее. Она меня не заметила.

Освещение придавало ей усталый вид. Красные волосы сияли, они были такими яркими, даже ярче, чем я запомнила. Она задумчиво поглядывала на стойку с серыми пальто.

Вокруг Черри Роуз началось мельтешение, но она даже не дернулась.

Было в этом что-то странное в том, что я встретила ее. Как-то неестественно. Ее существование четко связалось с той ночью, когда я собиралась покончить с собой на мосту Ватерлоо. Видеть ее сейчас было как-то кощунственно. Для меня она стала неким мифическим существом, и даже здесь, в Хэрродс, возле вешалок с пальто, было в ней что-то от инопланетянки.

Я хотела, чтобы она подняла голову. Хотела встретиться с ней взглядом, хотела, чтобы она меня увидела. И сама хотела напомнить себе, насколько удивительные у нее глаза. Потому что сейчас, когда я наблюдала за ней из-под полов желтой федоры, она выглядела почти что человеком.

Но она ее не подняла.

Она отвесила серое пальто на вешалку и пошла к эскалаторам, обошла их, а я, не отрывая взгляда, следила за ней, пока она не скрылась за длинными рядами шелковых рубашек. Мне хотелось прокричать ей вслед, но конечно же я сдержалась. И позволила ей уйти.

Только во рту появился кисловатый привкус.

Вскоре город охватила рождественская лихорадка. Повсюду загорались огни и вырастали наряженные елки, дома украшались праздничными религиозными фигурками, появлялись стойки с подарочными упаковками и изображения Санты в витринах магазинов. Влюбленные парочки за ручку гуляли по Кенсингтон Хай Стрит, их волосы были присыпаны снегом, как сахарной пудрой. А зима выдалась по-настоящему холодной. В конце ноября я проверила ячейку, до Рождества убила еще четверых. Те, кому выпало умереть на улице, быстро застыли, превратившись в подобие человеческих статуй. Уверенности у меня прибавилось, но тем не менее — было в их взглядах нечто такое, что сбивало меня с толку. Огромные дикие глаза. Невидящий взор. Холод.

Первой такой жертвой стала Стейси Хилл.

Дорогой убийца,

Стейси Хилл — моя старшая сестра. Она живет на Далия драйв 68, в Мэйфере¹⁴. Мы никогда не были близки. Честно говоря, она всегда вела себя как конченная сука. Терпеть ее не могу. Раньше меня это не особо волновало, но три недели назад кое-что произошло. Три недели назад я была помолвлена.

А Стейси, как последняя сука, украла у меня его. Буквально. Увезла в Рим, где обвела вокруг мизинца. Да, виновата в случившемся не только она, он тоже ублюдок, но как она могла? Мы же сестры. Сестры должны горой стоять друг за дружку.

Так что, раз уж она выбрала грязную игру, я принимаю ее правила.

Убей ее. Убей. Мне не вынести, если она будет жить. Сука.

Ее волосы были подобны охапке пшеницы. Ее я особенно запомнила, потому что она молила о пощаде. Чего никто из жертв никогда не делал. Станным образом она напонила мне о Черри, которая впервые спросила "за что". Так непривычно было слышать "Не убивайте меня, не убивайте, не надо" — потому что, честно говоря, я раньше и не слушала их особо. До Черри, которая решила заговорить с Дианой, но Черри не в счет. И конечно ее мольбы остались неудовлетворенными. Я ударила ее кирпичом по голове и запихнула в мусорный контейнер, прицепив к воротнику куртки письмо. Даже не уверена, обнаружила ли ее полиция.

Я бродила по Кенсингтон Хай Стрит за неделю до Рождества, заглядывала в витрины и размышляла над подарками.

Несмотря на синее пальто, я поежилась. Наступили зимние каникулы. В надежде, что днем будет теплее, чем вечером, я отправилась за покупками. Теплее не стало. Я закуталась в несколько слоев одежды, и тем не менее, это не спасало; я коротко постриглась и теперь больше походила на маму, только мои волосы так не завивались. Новая стрижка обнажала затылок, и дувший ветер посылал мурашки по спине. Мне казалось хорошей мыслью сделать эту стрижку. Когда я была младше, короткие волосы придавали мне глупый вид, сейчас же я

выглядела почти шикарно.

Я должна купить что-нибудь для мамы, только пока сама не знала что. Может, шарф? Но его я уже дарила на прошлое Рождество. Ох, даже не знаю. Если ей чего-то хотелось, обычно она сама это сразу же покупала. Ей невозможно ничего подобрать. А еще папа. Куплю ему галстук, впрочем, как обычно. В любом случае, он не будет его носить. Будто у него был пунктик не носить подаренное. И надо бы поискать что-то для Алекса. Ну и Мэгги, раз уж мы теперь лучшие подружки. Да, это грустно. Лучшая подруга и она же жертва.

Я остановилась возле сверкающей витрины с кожаными сумочками, накинутыми на узкие плечики манекенов.

Может, купить маме сумочку? Она обрадуется, если мне удастся подобрать подходящую. Да и денег у меня предостаточно с тех пор, как ячейка переполнена письмами. Возможно, красную. Мэгги надо дарить нечто не настолько дорогое, чтобы не вызвать подозрений. И что-то намного дешевле Алексу.

Я задумчиво оглядела витрину. Тонюсенькие как веточки манекены, выкрашенные в белый и замершие в неестественных позах.

И тут вдруг зазвонил телефон. Я подпрыгнула от неожиданности. Вытащила его из кармана и ответила, не взглянув на экран.

— Алло? — произнесла я.

— Кит?

— О, Мэгги, привет. — Мимо прошла громко ругающаяся пара.

— Ты сейчас где? — спросила она, услышав визги и крики.

— На Кенсингтон Хай Стрит. Брожу по магазинам.

— Ой. А я как раз хотела предложить пройтись по ним вместе во второй половине дня, но видимо не выйдет, — отозвалась она, хохотнув.

— Ох, прости, — извинилась я. — Если бы позвонила чуть-чуть раньше, сходили бы вместе.

— Да, шанс упущен.

— Может, тогда завтра встретимся? — предложила я.

— Не могу — поеду навещать бабушку, помнишь? — напомнила она.

— Ах, да, забыла. Тогда на неделе? Все равно у нас каникулы.

— Может быть. Зависит от родственников, точнее их планов — они собираются нагреть после нашего возвращения от бабушки. Может, они захотят куда-то сходить. — В голосе ее сквозило воодушевление. Обычно у нее дома было скучно, я помнила. Хорошо. Немного воодушевления ей не повредит.

— Ну, надеюсь, нам удастся куда-нибудь выбраться. Я уже сделала все необходимые покупки, но не откажусь прошвырнуться по магазинам с тобой.

— Хмм. — Мэгги над чем-то задумалась.

— Да?

— А к вам на Рождество приедут родственники?

Я покачала головой, затем вспомнила, что по телефону она этого не увидит.

— Нет, никого, — ответила я.

— Ох, а почему?

Я засмеялась.

— Не переживай так. Мы с мамой встретим Рождество вместе, вдвоем. Как и всегда.

Это весело.

— Но почему никого не будет? А как же твой отец?

— Ну.. папа не любитель праздников, — протягиваю я, не желая вдаваться в пространственные объяснения. — С маминой стороны не осталось живых родственников, с папиными мы не особо близки. Может быть, заглянет Алекс. Он остается на Рождество в Лондоне, хотя вроде большую часть праздников он собирался провести с друзьями. Его семья живет далеко, на севере, ему не хватит выходных, чтобы провести с ними время. — Я слышу как Мэгги набирает воздуха, словно собираясь произнести речь. — Правда, не беспокойся обо мне. Все в порядке, — торопливо убеждаю я. На миг повисает тишина, пропитанная сомнением.

— Уверена?

Я засмеялась.

— Ну конечно. У меня будет прекрасное Рождество. Как и обычно. — И это правда. Большинство людей предпочитали длинные и громкие празднования с горой подарков и сияющими от огней окон, но мы с мамой принадлежали противоположному типу. И это было прекрасно.

Помню, как однажды лет в двенадцать сидела под елкой в канун Рождества, опустив голову маме на плечо, и мы тихонько напевали "Что за Дитя?"¹⁵, чтобы не разбудить папу. Помню кружки с эгг-ногом¹⁶. Помню огонь и его блики, расхлывшиеся по комнате. Помню, что ни капли не хотела спать, не хотела, чтобы шло время, а потом заснула у мамы на коленях.

— Ладно, — сказала Мэгги, поверив мне. — Тогда попробуем скооперироваться на неделе.

— Договорились.

— Прости, мне пора, мама зовет.

— Без проблем, иди. — Я широко улыбаюсь. — Созвонимся позже.

— Точно, давай, — произнесла Мэгги и отключилась.

Услышав гудки, я отняла телефон от уха. Медленно опускаю его вниз, глядя на экран, на котором написано "вызов завершен" и задумываюсь. Экран освещает мою синюю куртку.

Все забыли про Майкла, даже Мэгги вспоминает о нем лишь изредка. Она не говорила с ним уже несколько недель, с той памятной прогулки по Темзе. Может, время пришло. Возможно, возможно, возможно.

Я плыла. Как лодка, блуждающая по озеру в поисках обратной дороги, но я ни о чем не жалела.

— Я дома.

Дома оказалось пусто. Мой голос громким эхом отразился от стен коридора. Одновременно с этим дедушкины часы пробили четыре.

Иногда этот дом казался слишком большим.

Я ощутила себя маленькой девочкой. Крутая лестница и дорогие фоторамки выглядели как-то чуждо. Ноги мои, как всегда, утонули в коридорном коврик, который скрадывал каждый шаг. Я видела тени. Тени от бледных занавесок и гладких поверхностей столов. Тени от стеклянных ваз и свежих роз, тени от книжных шкафов. Это был дом теней, не больше.

Сделав над собой усилие, я подняла пакеты наверх, изо всех сил стараясь не перепутать

их. В итоге я прикупила маме сумочку, папе галстук, кошелек Алексу — во время последней нашей обеденной встречи я заметила, что старый изношен в клочья — и красивое платье Мэгги. Оно начиналось с широкого выреза, ниспадало драпировками, собиралось на талии и перетекало в изящную юбку, которая спереди была короче, чем сзади; оно было сшито из льдисто-голубого шелка и шифона и, казалось, грозит порваться при любом неосторожном движении, но это было обманчиво. Я примеряла его в примерочной, ведь носили мы одинаковый размер, несмотря на то, что Мэгги пофигуристей — а я выше — так вот, крутанувшись в примерочной, я увидела как платье поймало блики и запереливалось, подобно Темзе в свете луны. Может, оно было чересчур дорогим, но стоило мне его увидеть, как не купить его я уже не могла. Оно словно создано было под нее. В Хэрродсе же я его упаковала в соответствующую льдисто-голубую бумагу.

Я опустила пакеты на кровать, стащила с себя куртку и отправилась в ванную. Моя руки, я смотрела на себя в зеркало. Светло-карие глаза, которые меняли свой оттенок день ото дня, проступили крапинками светло-серого цвета, как глаза Алекса. Сегодня они выглядели приятно. Симпатично. Я заправила волосы за уши, не переставая наслаждаться новой стрижкой.

Зазвонивший домашний телефон заставил меня вздрогнуть. Вспомнив, что дома кроме меня никого нет, я неспешно вышла в коридор — там у нас стоял телефон — и ответила. Наверняка что-то продают. На домашние телефоны уже давно никто не звонит, ну, кроме продавцов.

— Алло, — протянула я.

В трубке прозвучал голос, обладателя которого я никак не ожидала услышать.

— Вена? — он звал маму.

Папа. Изумленная, я засомневалась, но все же ответила:

— Нет... это Кит.

— Ох. — Повисло молчание. — Мама дома?

— Нет.

В этот момент я поняла, что мы с ним не разговаривали уже несколько месяцев. Я даже не представляла, где он сейчас находился. В Америке, Китае, Испании, Португалии, Германии? Он так часто уезжал по работе, что я перестала интересоваться. Даже странно как-то было слышать его голос.

— Ну, что ж, передашь ей сообщение?

— Конечно.

— Мне очень жаль, но в этом году на Рождество меня не будет. Много дел.

— Ох, — вырвалось у меня.

— Мне жаль. Я правда пытался перенести, но мне придется остаться в Нью-Йорке на всю неделю, — ответил он, неловко пытаясь оправдаться. — Знаю, что поступаю плохо. Я должен быть дома, не надо было уезжать, но пришлось. И мне действительно не по себе из-за этого.

— Ничего, — отозвалась я.

— Я скоро вернусь. К Рождеству, к сожалению, не успею, но скоро. Ладно?

— Ладно.

— Ничего, если вы встретите Рождество вдвоем?

Я улыбнулась. Не знаю даже почему — он все равно не мог увидеть этого.

— Конечно. Не переживай.

— Прости, что меня не будет.

Не будет снова.

Хотя его абсолютное отсутствие дома было нетипичным. Обычно он ненадолго, но показывался. Чтобы его не было дома — такое впервые. Да и голос у него искренне сожалеющий, что тоже странно. Он редко демонстрировал эмоции.

Не в первый раз мелькнула обнадеживающая мысль — а вдруг ему не все равно. Печальная надежда, надежда, в которой мало смысла. Даже если ему и не все равно, рядом-то его никогда не бывает.

— Все нормально, — заверила я. — Не переживай.

— Увидимся в январе.

Наверняка в конце фразы он подразумевал слово "наверное".

Но не произнес.

— Хорошо, — сделала вид, будто поверила.

— Пока.

— Пока.

Попрощавшись, я почувствовала кое-что странное, словно не просто по телефону прощалась. Словно подвела черту. Очень странное ощущение, которое сложно выразить словами.

Он отключился, но мне все еще казалось, что я слышу его голос.

Положив трубку на телефон, я вдруг почувствовала себя очень маленькой.

Кровь сочилась по асфальту, все ближе подступая к моим ногам. Я отступила и выдохнула, подняв голову навстречу солнечным лучам. Сегодня небо было ясным. Даже птицы не тревожили кристальную гладь, напоминающую расплавленное стекло.

Я бросила безразличный взгляд на лежащего у моих ног человека с сине-черными пятнами на шее, которую я сжимала изо всех сил, била об асфальт, снова и снова, пока его голова не треснула словно яичная скорлупа. Я обладала длинными пальцами и крупными отпечатками пальцев, которые могли приписать мужчине. А мужчина, жертва, был высоким и широкоплечим, да еще и любителем покрасоваться. До того как я перехватила контроль, он откинул меня к мусорным бакам, скрытым в переулке, — но стоило мне сбить его с ног, как ему уже ничего не светило. Он лежал с открытыми, остекленевшими глазами. Руки раскинулись по земле, ладонями направленные к небу, словно в ожидании какого-то чуда.

Я вытащила письмо из кармана и запихнула ему в левую ладонь, сжав пальцами, чтобы оно не улетело.

Дорогой убийца,

У нашей семьи тяжелые времена. И становится только хуже. Мы едва в состоянии сохранить квартиру. У мужа хорошая работа, я тоже не бездельничаю, но мой скончавшийся отец оставил после себя множество долгов, оттого на нас и посыпались проблемы. Это сказывается на нас. Я люблю мужа. Правда.

Но хочу, чтобы ты его убил.

Хочу не из-за ненависти. Просто я очень люблю наших детей. Его жизнь застрахована и страховые выплаты подарят нам лучшую жизнь — понимаешь? Я даже сомневаюсь, что он разозлился бы, узнав, что я написала это письмо. Господи, звучит нелепо, но он очень нас любит. И пойдет на что угодно. Включая смерть. Я тоже люблю его. Всем сердцем. Но я

обязана позаботиться о детях.

Зовут его Уильям Коул, он работает в Хартон Файненс в Челси. Домашний адрес я не хочу сообщать.

Я стянула перчатки и спрятала в карман, после чего потерла руки, чтобы согреться. В двадцати футах от переулка ехали машины и шли люди, ни на что не обращая внимания. Прозвучал клаксон. Со стен ближайших домов как тюремные решетки на меня смотрели винтовые пожарные лестницы.

Я еще разок взглянула на мужчину, после чего развернулась и пошла вдоль переулка, возвращаясь к цивилизации. Людей было достаточно много, чтобы выскользнуть на улицу, затеряться и не приковывать к себе внимания. Поворот в переулок был загорожен от камер наблюдения газетным киоском. Место это я выбирала тщательно. Следила за жертвой несколько дней, изучая маршрут пути с работы, отмечая время, места, разрабатывая, где и когда его лучше перехватить. Он так отзывчиво отнесся к моей просьбе поднять тяжелые сумки мне на работу, которая, так кстати, была неподалеку. Видимо, он был из того сорта людей, кто стремился изо всех сил помогать.

Район этот я знала. Полицейский участок Челси всего в паре кварталов отсюда, как и быстро с узорчатыми обоями и плетеными стульями, где мы встречались с Алексом, прямо через дорогу. Я замедлила шаг, глядя на него и вспоминая наш первый совместный обед. Вспоминая его слабинку, когда он признался, что боится. Тогда я тоже проявила слабость. Крыльцо быстро было украшено белыми ставнями и оранжевыми цветами. Посреди снега они выглядели крайне странно.

Я так и стояла, когда дверь распахнулась и оттуда вышел Алекс.

Господи! Он же увидит меня. Но нет, в моем направлении он даже не смотрел, пока. Если он меня увидит, обязательно окликнет. Он был один и сейчас смотрел на небо. Он был в форме — должно быть, у него обеденный перерыв; глупая, глупая я, почему не учла такого варианта? Это было крайне опасно. По тротуару шли люди, но их слишком мало, чтобы меня не заметить.

И что куда хуже: для возвращения в полицейский участок Алексу придется перейти дорогу и оказаться ровно на том месте, где стояла я. Нельзя, чтобы меня застали на месте очередного преступления, только не сейчас, я не смогу оправдаться.

Я резко втянула воздух и набрала в рот снежинок. И тут же закашлялась. Широкий деревянный газетный киоск был всего в нескольких футах от него. Я нервно скрылась за правой его створкой и стала наблюдать за Алексом, не решит ли он случайно пойти в эту сторону. К счастью, владелец киоска не заметил меня. Он читал журнал, лениво полистывая страницы. Я задышала чаще. В воздух стали подниматься облачка пара.

Господи.

Вдруг пришло в голову, что надо было сразу же бежать, но сейчас думать об этом как-то поздно. А жаль. Тогда все было бы хорошо. У меня всегда все хорошо, и всегда будет хорошо. Я осторожно выглянула из своего укрытия в поисках Алекса.

Он переходил дорогу. И вот он уже со мной на одной стороне тротуара, да еще и поворачивается в эту сторону, и идет, и подходит все ближе. Оглядывается вокруг, подмечая каждую деталь, впрочем, как всегда.

Господи!

Пока что киоск меня прикрывает. Но если он подойдет еще ближе, обязательно заметит

и меня, и как подозрительно я стою за створкой киоска, на которой не висит ни одного журнала, а там еще и до трупы в переулке недалеко. Я не могла даже сменить дислокацию и перейти к противоположной створке. Единственное куда я могла рвануть — к дороге. Но машины ехали слишком быстро, чтобы успеть затормозить, если я сойду с тротуара. Я натянула капюшон до носа и опустила голову вниз, но будто это могла меня спасти.

Он был слишком быстро. Всего шагах в десяти.

Женщина, вдруг отметила я, идет в мою сторону, балансируя на тротуаре наперевес с тяжелой сумкой и маленьким сыном с другой стороны. Ее сынок, розовощекий малыш, оживленно указывал на дорогу. Она смотрела на него с раздражением, присущим только доведенной матери; такой смесью любви, недовольства, раздражения и негодования. Она поправила полную сумку продуктов, из которой виднелись хлеб, сардины, сыр и яблоки...

Яблоки. Красные и круглые. Точно, яблоки.

Он скоро будет здесь. Сердцебиение ускорилося.

Женщина уже совсем близко и так удачно смотрит только на своего сына и совсем не видит, как я протягиваю руку и осторожно-осторожно, но довольно резко пихаю ее пакет локтем, сделав вид, будто достаю что-то из куртки.

— Эй! — кричит женщина, отпускает ребенка, чтобы перехватить продукты. Томаты лопаются от удара, консервы выдерживают удар, а яблоки, как и ожидалось, падают на тротуар. Такие наливные, сочные и красные, совсем как кровь.

Опустив голову, чтобы она не запомнила моего лица, я пробормотала невнятные извинения, а она уперла руки в бедра. Потом быстро схватила сына, который собирался рвануть в непонятном направлении.

Я же уже отчетливо слышала шаги Алекса.

Все так же скрываясь за газетным стендом, я опустилась на корточки, натянула рукава на пальцы, чтобы не оставить отпечатков, и начала собирать разлетевшиеся продукты, продолжая при этом тихо бормотать извинения. От дамочки несло дешевыми духами, из неровных швов брюк торчали нитки. Я принялась складывать ее покупки обратно в выроненный ею пакет. Сардины, бананы, ванильный йогурт.

— Да ради Бога, — прикрикнула она на своего сына и потерла накладные ресницы.

Я положила в пакет одно большое яблоко. Затем демонстративно потянулась ей в ноги за третьим.

Краем глаза отметила, что Алекс был всего в паре шагов от нас и продолжал оглядываться по сторонам. Он смотрел на газеты, продавца, небо, незаинтересованно посмотрел на сцену с этой подавленной мамашей, на миг мне показалось, что он обязательно узнает меня, несмотря ни на что. И богом клянусь, сердце забилось так громко, что его могли услышать окружающие...

Алекс все ближе. Совсем близко. Женщина кричала что-то, но я не слушала, кое-как нащупала третье яблоко между ее лодыжек. И крепко стиснула его. Нельзя промахнуться. Все должно пройти идеально. Я должна...

Вот он уже был передо мной.

Одновременно с пронзительным криком ребенка, я дернула запястьем и выпустила яблоко, сделав вид, что оно выскользнуло по случайности. На миг показалось, что оно покатилося не туда и начала мысленно молиться лишь бы у меня получилось.

И получилось.

Вышло идеально. Яблоко подкатилось ровнехонько под левую ногу Алекса. Я застыла.

Алекс опустил голову, уловив движение яблока, которое, задев его, на приличной скорости покатило в переулок. Он с интересом поглядывал на катящийся красный кружок, а я, закусив губу, экзальтированно выжидала. Пожалуйста, пожалуйста. Он должен заметить. Должен заметить тень лежащего на земле тела до того, как обернется и увидит, кто бросил это яблоко.

Его голова инстинктивно дернулась в сторону неуклюжей девушки, выпустившей яблоко. Но взгляд от яблока он не оторвал, следя за его траекторией, как и задумывалось. У меня же перехватило дыхание. Неужели меня поймают?

Но затем, чудесным образом, катящееся по переулку яблоко ударило о голову несчастного мертвого мужчины, а Алекс, не отрывающий глаз от яблока, наконец заметил. И конечно же сразу побежал в переулок, как и предполагалось, поскользнувшись на льду и выдыхая облачка пара. Я опустила рукава на место. Проследила, как он вызывает по рации подмогу. На мгновение он застыл на месте, изучая его, после чего поднялся и зашагал. Женщина грубо схватила меня за плечо, желая выяснить, почему я перестала собирать продукты. Я сложила упаковку каши в пакет, и в этот же момент ее сын, закричав, наигранно повалился на колени и заплакал.

Я понимала ход мыслей Алекса и знала, что он вот-вот поймет, что тело еще не остыло, а значит, убийца не мог далеко уйти. И начнет искать. Надо скрыться, пока этого не произошло. Но незаметно.

Как можно скорее, я закончила складывать продукты в пакет, и спустя непродолжительную ругань и крики мамаша с ребенком ушла.

Я поднялась на ноги и, прищурившись, заозиралась в поисках лучшего выхода. Через миг я его нашла. Но затем оттуда появилась компания молодых людей, затруднившая проход. Их голоса были слышны даже на расстоянии. Я попыталась себя успокоить. В конце концов, самое страшное позади. Алекс пока занят.

Когда компания прошла мимо, я поправила капюшон; и хвостиком прицепилась к ним, чтобы не выделиться из толпы, когда полиция будет просматривать видео с камер наблюдения. Компания меня не заметила. Отойдя подальше, я еще разок обернулась к Алексу и тут же почувствовала укол сожаления. Он так старательно пытался меня поймать, но все его усилия были тщетны.

Еще пару кварталов я шла за компанией, после отделилась от них и повернула в сторону дома.

Маму я нашла в гостиной – похоже, эта комната стала ее любимым местом — с книгой на кофейном столике и кучей черно-белых фотографий на коленях. Проникающее в окна солнце заставляло пыль в воздухе посверкивать. Лучи освещали столики, диваны, подушки, цветы и ее худые плечи. Стоявшая в углу елка сияла разноцветными яркими огнями и навевала настроение. Худенькая и такая тихая, утонувшая в светлых диванных подушках, мама выглядела так, словно приглушенная пастель завладела ее существованием.

Она тихонько потягивала чай. Я задержалась в дверях, вглядываясь в нее — а затем решила обозначить свое присутствие.

— Я дома.

Она обернулась ко мне и чуть улыбнулась, ее лицо окутывал исходящий от кружки пар.

— Здравствуй.

Сегодня у нее хорошее настроение. Что бы ни было его причиной, она говорила так мягко, как я давно уже не слышала. Даже во взгляде ее сквозила нежность, я почувствовала,

как тону в этих все понимающих глубоких голубых омутках.

Недолго думая, я пересекла комнату и опустилась рядом с ней. Потянулась ей через плечо, пытаюсь разобрать, что она там изучала. Фотография свечи на черном фоне, чье мягкое свечение обрамляло всю картинку.

Ее взгляд переместился с фотографии на меня, затем обратно на фотографию, а после и на мои сложенные на коленях руки.

— Ох, — проговорила она. Потянулась и взяла мою левую руку своей правой. Когда она дотронулась, я поморщилась, она опустила ее поверх фотографии и перевернула ладонью вверх. На том месте оказался большой фиолетовый кровоподтек.

Она провела пальцами по нему, легонько, чтобы не было больно. И ничего не сказала.

— Он оказался не простым, — в качестве извинения пробормотала я. Она покачала головой, как бы говоря "не надо оправдываться". Сегодня она действительно слишком мягкая — и какая-то хрупкая, словно готовая рассыпаться.

— Больше ран нет?

— Парочка, возможно. Но они не болят. Все в порядке.

— Больше трудностей не было?

Минутку я молчала.

— Ничего серьезного.

Рефлекторно она сжала мои пальцы.

— Что произошло?

Я потянулась к ней и опустила голову на плечо.

— Все хорошо, ничего серьезного, — выдохнула я. Не хотелось рассказывать, уж точно не сейчас. Она не разозлится, потому что поймет, что для нас никакой опасности нет; но начнет переживать. А я не хотела этого.

Я мысленно просила ее промолчать, хотя бы сегодня. Как бы я этого хотела, особенно когда она такая как сейчас: бледная и обуреваемая призраками прошлого...

Она потянулась и обняла меня за плечи одной рукой и второй за талию. Прикрыла глаза. Мы устроили наши головы друг у друга на плечах, сидя на расстоянии в шесть дюймов. Я ощущала, как бьется ее сердце.

Она обнимала меня так, словно я снова была ее малышкой.

Той ночью шли осадки. Но не дождь или снег, а нечто среднее, мрачное и угрожающее. Непогода превратила тонкий слой снега в грязную жижу, ритмично отбивала по моей крыше, мешая спать. А под утро наконец превратилась в легкий снегопад, погрузив улицы в матовый туман.

Убийство показали во всех утренних новостях со скандальным заголовком "Идеальный Убийца убегает из-под носа полиции!". К сожалению, история разошлась. Все обсуждали ее, перешептывались, кричали, каждая газета выпустила ее на главной полосе. Челси застыл в ужасе. В тот день я обедала с Алексом, который был тих как никогда. Всего дважды он прервал молчание.

У него были все поводы, чтобы молчать. У него были все поводы для расстройства. Не у меня. В конце концов, это он упустил Идеального Убийцу, снова, это его высмеивали газеты.

Но почему-то при этом мне самой было тяжело говорить.

Мэгги, смеясь, пробежала передо мной по тонкому снежному настилу, хрустевшему подобно скомканному листку бумаги. На дворе стоял четверг. Рождество уже в субботу, зима полноправно вступила в свои права.

— Боже, как же я люблю снег, — по-детски радуясь, воскликнула Мэгги.

— Скорее уж лед, а не снег — как-то его маловато, — скептически отозвалась я.

— Ничего не маловато, — ответила она, наклонившись, чтобы набрать розовой перчаткой снежок. Она ухмыльнулась и без предупреждения запустила им в меня. Снаряд попал в плечо, и несколько ледяных капель упали на шею.

— Эй! — с напускным раздражением улыбнулась я. — Перестань.

— А что ты сделаешь? — поддразнила она. В ответ я тоже набрала снежок и запустила в нее. Промахнулась. С тихим шуршанием снежок приземлился на тротуар.

— Ой, мазила, — захихикала она. — Это все, на что ты способна?

— Эй...

И мы открыли шквальный снежный огонь друг по другу.

Устав через некоторое время, насквозь промокшие, мы опустились на небольшую снежную гору, выросшую неподалеку от дороге. Но мокрые штаны нас не волновали. Мы наслаждались зимним воздухом. Я засмеялась.

— В канун Рождества у нас будет вечеринка. Расширенный семейный совет так решил. Они немного безумные, — сказала Мэгги.

— Ясно.

— Придешь?

Я выгнула брови.

— Твоя мама тоже может прийти.

— Звучит заманчиво, — произнесла я, — с удовольствием.

— Серьезно? Это же здорово, — счастливо воскликнула Мэгги. — У нас дома. Точное время пока не знаю, но сообщу сразу же, как только безумная семейка определится.

— Договорились.

— У тебя же не было других планов?

— Неа, мы с мамой никуда не собирались, планировали провести вечер вдвоем. Алекс вообще работает в Рождество, у него подкипает из-за той истории со "сбежавшим у полиции из-под носа Идеальным Убийцей". А папа уехал по делам, его даже в городе нет. Так что твое приглашение очень кстати.

— Твой папа, что, реально пропустит Рождество?

— Да, именно.

— А он... прости, если лезу не в свое дело, ты всегда можешь меня заткнуть.

— Не, все нормально. Ничего, — покачала я головой.

— Вы с ним не близки?

Я снова помотала головой. Чуть не засмеялась. Ну как можно сблизиться с тем, кого практически не видишь — вряд ли у мамы с папой вообще были какие-то отношения. Внутри поднялась волна горечи и раздражения. Мама относится к нему фактически нейтрально, но не я. Меня злило, что он настолько эмоционально далек от нас. Я не могла этого понять.

— У мамы с папой нормальные отношения. Просто он не домосед. Не нравится ему это.

— И ты спокойна к этому?

— Честно говоря, иногда я просто забываю о его существовании. — Перед глазами всплыл образ — две тени одновременно бредут к дому, замечают друг друга, но едва в

состоянии выдавить по слову. Он тоже забывал о моем существовании.

Я поняла, что у меня неплохо это выходит. Забывать. Забывать Черри, папу, забывать, что я не была нормальным подростком.

Повисло молчание. Мы находились недалеко от моего дома, расположенного около главной магистрали. По ней тихо мчались автомобили. Я спрятала голову в коленях.

— Ой! — вырвалось у Мэгги.

Я подняла голову и проследила за ее взглядом.

— О.

На той стороне улицы в ожидании светофора с пакетами в руках стояла доктор Марцелл.

— Так непривычно видеть учителей вне школы. Постоянно забываю, что у них есть и другая жизнь, — заметила Мэгги.

— Она живет неподалеку? Никогда ее здесь не встречала.

Мэгги пожала плечами.

— А мне откуда знать?

— Это так странно, — хихикнула я.

Замолчав, я вспомнила о подозрениях доктора Марцелл в мой адрес.

Она стояла на углу, волосы ее развевались под легким ветерком. Я смотрела на нее с любопытством. Мэгги тоже. Доктор Марцелл спокойно оглядывалась по сторонам, занимая себя таким образом в ожидании зеленого сигнала светофора.

И заметила нас. Она застыла; как только в ее взгляде мелькнуло узнавание, я улыбнулась и помахала рукой.

— Здравствуйте, доктор Марцелл! — крикнула Мэгги.

Слишком далеко, чтобы она услышала, да и самой ей явно не хотелось кричать, так что доктор Марцелл лишь подняла руки. Махнуть ими она не могла из-за пакетов. Руки у нее подрагивали под их тяжестью.

Мне стало интересно, о чем она подумала.

Понимала ли глубоко внутри, знала ли, на что я была способна.

Подозревала ли, что я совершу.

Светофор переключился, и она пошла через дорогу.

— Знаешь что, а пойдём ко мне, — улыбнувшись, предложила я, хлопнув Мэгги по плечу. — Я замерзла.

Во время скользкой дороги до моего дома до меня дошло, что Мэгги — моя лучшая подруга. Это печалило. Лучшая подруга, которую я периодически ненавижу и от которой скрываю массу секретов. Она — моя подруга. А у меня так давно не было друзей.

Поздний вечер. Мэгги уже ушла. Мамы до сих пор не было — она присутствовала на очередном ужине — но скоро вернется. Я устала, но спать пока не хотела. Только закончила телефонный разговор с Алексом. Судя по голосу, он сильно устал. Что неудивительно. В последнее время он много работал сверхурочно, пытаясь отстоять лидерскую позицию в деле Идеального Убийцы. Которая постепенно ускользала от него после того памятного побега и частоты убийств. Он пытался не растерять своего типичного чувства юмора, или хотя бы позитивного взгляда на вещи, но проблем это не решало.

— Это так расстраивает, — сказал он, — что люди не понимают, что я охочусь за

призраком. Идеальный Убийца — призрак, Кит. Я никогда не поймаю его. Он расхаживает по городу и убивает людей, а я ни черта не могу с этим поделаться. Ни я, ни кто бы то ни было другой. Если расследование отдадут в другие руки — лучше от этого не станет. Это мое дело. И или я его раскрою, или нет. А изучил я его целиком и полностью.

— Но разве дополнительное мнение не поможет? — неуверенно отозвалась я, даже не зная, как лучше поступить в данной ситуации.

— Никому не нужны дополнительные мнения, они ставят на нового следователя. Это мое дело. Наверное, ко мне все-таки прислушиваются, раз до сих пор не сняли. Но беспокойств все больше. Даже отчаяния. Оно и раньше присутствовало, помнишь... чашку, но сейчас — не представляю, что у руководства на уме и что они собираются предпринимать.

Он говорил с такой упертостью — в какой-то миг даже злостью. Но не совсем. Вряд ли Алекс вообще знал такое чувство, как злость. Я сменила тему и дальнейшие несколько минут мы обсуждали другие области. Погоду, Рождество и так далее. Обсудили, сколько снега еще выпадет, как в Хэрродс завернули подарок Мэгги от Кит в настолько совпадающую по цвету с голубым платьем бумагу — но в конечном итоге его голос становился все тише, после чего Алекс сообщил, что ему надо поспать. И именно я повесила трубку.

Я перебирала ноябрьские письма, сортировала и откладывала запросы, которые хотела бы удовлетворить и за которые не взялась бы — в последнее время я была немного импульсивной и посчитала, что неплохо было бы вернуться к методичному отбору. Да, нет, да, да, да, нет, нет. Одно за другим, две стопки становились все выше.

Аккуратные стопочки. Упорядоченные. Безопасные.

Мысли утекли далеко в лето, в день, когда все пошло не так. Я обернулась к прикроватному столику — оно лежало там, спрятанное под ложным дном ящика, рядом с латексными перчатками. Письмо с просьбой убить Мэгги. Письмо Майкла. Оно ждало своего часа. Именно оно переплело наши с Мэгги жизни странным и ужасным образом.

Внизу открылась дверь. Засвистел ворвавшийся ветер, и донеслись тихие шаги. Дверь захлопнулась. Это вернулась мама. Я продолжила раскладывать письма, одно за другим. Шаги застучали по коридору, потом начали подниматься на второй этаж. Затем остановились, когда мама осознала, что у меня горит свет.

— Кит?

Я ответила не сразу. Выждала несколько секунд.

— Мама?

— Ты почему еще не спишь?

— Не так уж и поздно. Всего одиннадцать. Сейчас же каникулы.

— Одиннадцать? Больше. Ложись.

— Ладно, — ответила я. Против я ничего не имела. Хотя времени действительно было всего одиннадцать.

Снова послышались мамины шаги. Я встала с кровати.

— Мам? — позвала я. Она остановилась.

— Что такое?

— Прости, но на Рождество меня не будет дома.

— Почему? Мы всегда празднуем сочельник вместе. — С удивлением я осознала, что она расстроилась. Кольнула совесть. Но это ничего не меняло.

— Мне надо будет кое-что сделать, — ответила я. — Мне очень жаль.

Она колебалась.

— Обязательно именно тогда?

Она сразу же поняла о чем речь. Очевидно. Она знала, что я убью — и боялась. Опасалась чего-то неопределенного и невыразимого — как-то странно улавливать в ее голосе такие нотки. Это же моя вечно храбрая мама. Ослабевшая, как измотанная штормами гора, и прирученная человеком...

Отчего-то заныло сердце.

Да, это должно произойти в сочельник.

Я не могла объяснить ей на словах почему. Любой другой день подошел бы. Но канун Рождества — для меня знаменательный день, а смерть Мэгги будет важным для меня шагом, и я хотела бы объединить два этих события.

— Да, обязательно, — ответила я.

Мне приснилось, как мы с Дианой сидим на краю скалы. Молча. У нее во взгляде читается непонятный гнев, но я отмечаю это лишь краем глаза, не решаясь повернуть голову. Она красива, даже, можно сказать, ослепительно красива.

Подул сильный ветер, который принес с собой аромат корицы.

— Тебя это волнует? — спросила Диана.

— О чем ты?

— Тебя волнует, что ты — не я?

— Не понимаю, о чем ты. Мы с тобой одно целое.

— Нет, я — это ты, но ты — это не всегда я.

Но мы же один человек; ее слова не имели смысла. Но это же сон, значит, этот вопрос меня как-то волновал. Я кивнула и посмотрела в обрыв, глубину которого скрывал туман.

— Волнует, — ответила я.

Засмеявшись, она проследила за моим взглядом.

— Знаешь, что там, внизу? — спросила она, вместе со мной глядя в темную пустоту.

— Нет. А ты?

— Безумие?

В тоне ее звучала уверенность, так что я поверила. Ветер отбросил волосы на наши лица, и мы убрали их единым слаженным движением. Мы были еще более схожи, чем казалось на первый взгляд.

— Безумие... — голос мой трепетал.

— Скоро нас не станет, — сказала она.

— Ошибаешься.

Она повторила:

— Скоро нас не станет, — решительно, мудрее, словно она знала больше, чем я.

— Только не меня, — прошептала я. Она вздохнула. Она знала, что со мной тяжело спорить.

Она мягко опустила руку мне на плечо и наклонилась. С необычайно грустным видом она поцеловала меня в лоб, как мама или сестра, и тихо прошептала:

— Просыпайся.

А затем ее лицо неожиданно превратилось в лицо Майкла, и я сразу же проснулась, в ужасе и крича, а Дианино лицо кануло в небытие непонятного сна.

Я стояла у окна, рядом с корзиной распродажных старых компакт-дисков, которые обычно продают на кассе и которые никто не покупает за ненужностью. Кто в наше время слушал компакт-диски, когда все необходимое можно найти онлайн? В магазине царил настоящий рой из людей. Завтра сочельник, поэтому люди отчаянно закупали финальные штрихи к ужину. Я рассеянно осматривалась, держа корзинку на одной руке, а на другой куртку.

В корзине я заметила и Черрин диск, он был на самом верху. На обложке красовалась она сама. Одета в длинное красное платье, с красными губами и красным облаком волос. Она пленила даже с фотографии. Восхитительно потусторонняя. И в отличие от встречи в Хэрродсе, такая похожая на ту, что убедила не убивать ее в примерке.

Стало жарко. Я отложила диск обратно, свою корзину опустила себе под ноги, чтобы снять свитер.

— Кит?

О, узнаю этот голос. Я натянула улыбку, опустила свитер поверх апельсинов в моей корзине и обернулась.

— Доктор Марцелл.

— Не ожидала тебя здесь увидеть.

Она остановилась, держа пять бумажных пакетов, на вид довольно тяжелых. Вид у нее был сбитый с толку, словно она действительно не могла понять, что я могла делать в продуктовом магазине.

— Я живу рядом, — сказала я, махнув рукой в сторону.

— Я поняла. Видела тебя неподалеку с Мэгги.

— Ах, да, — улыбнулась я. — Это было забавно.

— Я тоже живу неподалеку, — продолжила она, потом засомневалась, будто взвешивая, стоит ли мне сообщать это. Я понимающе кивнула, поглядывая на ее обручальное кольцо.

— С мужем?

— Да.

Я была вся такая вежливая, по крайней мере, старалась.

— Чудесно, — ответила я.

— Закупаешься к Рождеству? — спросила она, кинув взгляд на апельсины, мандарины, гранолу, шоколад, хлеб и яйца в моей корзинке. Я захихикала.

— Вроде того. Мама закупила гору продуктов для праздничного ужина — и забыла, что надо есть что-то помимо него, так что пришлось мне сходить за чем-нибудь, чтобы продержаться.

— О как.

На мгновение мы обе притихли.

— Прекрасно, что ты так заботишься о Мэгги. Мне известно, что смерть Майкла очень сильно на нее повлияла, — вдруг произнесла доктор Марцелл. Это было неожиданно. Мы больше эту тему не поднимали.

— Спасибо. Ничего сверхъестественного. Она моя подруга.

— Вы проводите много времени вместе.

— Она — хорошая подруга, — осторожно заметила я.

Доктор Марцелл не выглядела удовлетворенной моими ответами. Я выглянула в окно. Снова пошел снег, мягкий и легкий, он напоминал дыхание самого воздуха.

— Какая хорошая погода, — отметила доктор Марцелл. Я кивнула.

— Такая умиротворяющая, — отозвалась я.

И это правда. Было так тихо. Тихо и спокойно, как на прохладном озере, как в безветренный день. Снег всегда творил такую магию. Приглушал звуки, заставлял плохое исчезать, превращал реальность в нечто волшебное.

— И холодная, — парировала она. Мы рассмеялись.

И снова повисло молчание, во время которого мы вдвоем смотрели в окно.

— Почему? — выдохнула доктор Марцелл.

— Что?

Вряд ли она планировала произносить это вслух.

— Что? — переспросила она.

— Вы спросили "почему".

— Ой, правда?

— К чему вы это?

Она слегка пожала плечами.

— Сама не знаю. — Она покачала головой, бросив на меня чуть ли не виноватый взгляд, с толикой подозрения, словно два чувства боролись внутри нее.

— Что? — спросила я.

— Кажется, я подумала, что почему-то не могу доверять тебе, — тихо ответила она.

Она никогда не произносила это вслух, хотя мы обе понимали это. Ее молчаливое подозрение я всегда ощущала иголкой — как постоянное напоминание о совершенном — но стоило ей произнести эти слова, как чувство вины стало более реальным. Оно пробуждало во мне Диану и подавляло Кит. Толкало на грань, отрывало от нормального мира. Переведя дыхание, я ответила с улыбкой:

— Простите, — сказала я, словно можно было простыми извинениями стереть недоверие.

— И ты меня. — А она жалела, действительно жалела.

— Но как бы то ни было, мне очень нравятся ваши лекции.

— Ты хорошая ученица.

— Спасибо.

— Мне очень, очень жаль.

— Это... хорошо, — рассеянно пробормотала я, не особо подумав.

Я выдохнула и еще раз улыбнулась, кивнула ей и подхватила свои вещи.

— Счастливого вам Рождества, — пожелала от души.

— И тебе.

Я решила больше ничего не отвечать. Развернулась и пошла к полке с кашами.

Взгляд доктора Марцелл безотрывно следовал за мной. Я ощутила беспокойство. Захотелось закричать. Но вокруг было слишком мирно. И мне не хотелось нарушать это спокойствие.

Уже за полночь я нашла маму на ступеньках. Я спускалась за водой. Почему-то по ночам у меня открывалась жажда. Поэтому почти каждую ночь я шлялась туда-сюда по

лестнице, но обычно компании у меня не наблюдалось. Обычно, но не сегодня. Сегодня на ступеньках сидела мама, прямо под фотографией скрипача в черной рамке. Сидела и смотрела на красно-зелено-желтый коврик в прихожей.

— Мама? — тихо позвала я, увидев ее, и потянула край майки ниже. Я спала в огромной футболке и трусах. И как-то не ожидала никого здесь встретить.

— Кит, — отозвалась она, но так и не повернула голову, — присядь.

На миг во мне забурлил гнев — кто она такая, чтобы указывать мне, что делать? Но затем пришла мысль, что это не приказ, а скорее просьба, поэтому я успокоилась и опустилась рядом. Сложила руки на коленях. Она же сидела, прислонив голову к стене, лестница была довольно узкой, поэтому я прижалась к перилам. Отстраненно представила, как по ней поднимается папа, а может, подумала я, может, он уже дома. Трудно ответить. Но тут я вспомнила, что он сейчас далеко, в Америке или где-то в той степи, там, где я никогда не бывала.

Я взглянула на ее руки. Они обнимали колени, длинные и тонкие, и такие изящные, как все в ней. Обворожительные руки. А сколько всего они умели, эти руки. Столько всего.

Ее вечно гладкие волосы сейчас торчали во все стороны. Она будто специально проснулась и ждала меня.

— Что ты хотела? — мягко спросила я.

— Посиди со мной. — Она вздохнула и искоса глянула на меня. И столько в ее голосе было материнского. Как когда она подхватила меня на руки и протянула отцу, а потом успокаивала мой плач. Мама. Женщина, которой я давно не видела.

Поэтому я выполнила ее просьбу. Длительное время мы сидели в тишине; но эта тишина не напрягала, она была уютной, когда слова просто излишни. И только дедушкины часы нарушали ее громким тиканьем.

Наконец она заговорила. Слова болезненно слетали с ее губ, словно с каждым произнесенным словом из нее вырывали часть существа.

— Я сложила его сама.

— Что сложила? — переспросила я, непонимающе глядя на нее. Она была в полудреме; это было видно по взгляду. Как же она устала.

— Я сложила карточный домик.

— Но это не карточный домик.

— Он самый, разве ты не видишь? Потрясающий карточный домик. Карточный замок. Придуманный и собранный моими пальцами. Он мой. Мы так хорошо живем. Мои убийства, а теперь и твои — я сама всему научилась, а потом и тебя обучила. Просто чудо, на что мы способны. Но все это лишь пыль. Весь наш мир, наши игры так легко можно уничтожить, Кит. И такого еще не было.

Я выдавила смешок.

— Как поэтично, — сказала я.

Это ее разозлило.

— Послушай меня, — отрезала она. А вот это разозлило меня.

— Твой домик развалится, только если я буду небрежной. А я не такая. Больше нет, — жестковато ответила я, но она сама виновата, что разозлила меня, так ведь?

— Это не... я не про это говорила. — Она остановилась. — Завтра сочельник, — продолжила она.

— Да.

— Я живу в карточном домике.

Я взяла ее за руку и крепко сжала; она закрыла глаза.

— Тебе надо поспать, — посоветовала я. — Ты же не спала?

Она помотала головой.

— Я живу в карточном домике, — повторила она.

— Обещаю, что буду осторожна. Я не разрушу его, клянусь. Я профессионал. Все будет хорошо. Тебе не о чем волноваться. Поверь мне.

От уверенности раздувало в груди. Я — Идеальный Убийца. Я способна на все и даже больше. Я держала ее за руку. Дедушкины часы пробили час. По улице проехала машина; ее двигатель прорычал подобно дикому зверю в тишине ночи. Вид у мамы стал бесконечно грустным.

— Побудь со мной, — попросила она.

Я осталась. И сидела с ней. До трех утра шел дождь, потом перестал на часок, за который лужи покрылись льдом, а в районе четырех пошел снег. Я сидела с ней до самого утра, когда свет начал заливать в окна. Мы так и дремали, сидя на ступеньках и держась за руки. Она проснулась раньше, и стоило мне открыть глаза, как ее уже и след простыл.

Глава 21

Сочельник.

Не было ни тихо, ни свято¹⁷. Поезд наполнился разговорами и радостным возбуждением, я же в этот момент думала лишь о латексных перчатках, спрятанных в нагрудном кармане пальто. Я ехала с пустыми руками; подарок для Мэгги решила не брать с собой. Какой смысл. Он ей в любом случае уже не понадобится.

Вряд ли бы я смогла ответить на вопрос, сколько народа окружало меня в вагоне, было ли тепло или холодно, сидела ли я одна или с попугачиком — честно говоря, меня ничего из этого не заботило. Я сидела рядом с дверьми, сложив руки на маленькой сумочке у себя на коленях. И глубоко погружившись в размышления, чтобы обращать внимание на что-то за исключением остановок.

Было грустно. Неожиданно. Логически я понимала, что она должна умереть. Она запустила цепочку событий, едва не погубивших меня. Она все это начала, она и закончит. Необходимо убить ее и завершить эту главу. Если оставлю все как есть, то вероятно повторение исхода встречи с Черри.

Я взялась за дело Майкла и не могла отмахнуться. Надо было изначально поступить как следовало. В отличие от Мэгги и многих других, у меня есть предназначение. Есть обязанности. Правила. Выбираешь и убиваешь; никаких исключений, только так. Мэгги ничем не отличалась от других, нельзя отступать от этой мысли, ради собственной же безопасности.

Но даже понимая все это, меня не отпускал налет грусти. Предательская часть меня не хотела убивать Мэгги.

И все же я понимала, что должна.

Оглядываясь назад, я понимала, что корни ведут к ней.

Она стала катализатором. Заставила подружиться и привела к вражде с Майклом. По ее вине я выступила против него — без ее участия мы с Майклом могли бы спокойно общаться. Но ее влияние послужило толчком к его убийству. А в дальнейшем и к моему безумию.

Все началось с нее. Она виновна во всем.

В этом я была уверена.

Каждой клеточкой, вплоть до последней молекулы, каждой йотой своего существа я была уверена.

По отношению к Черри этой уверенности не было, что и стало причиной моего провала. Я была слишком неуверенной. Сейчас я ни капли не сомневалась и не буду до последнего вздоха Мэгги.

Письмо Майкла, подрезанное и сложенное, чтобы уместиться в медальон, тяжким грузом висело на моей шее.

Хотелось заплакать, но я не могла.

Порой я задаюсь вопросом: "Что значит быть мной?".

Но никогда не нахожу ответа. Наверное, его просто не существует. Прочерк. Что значит быть мной? Сама не знаю. Ничего. Может быть, это сойдет за ответ. Может я вообще — ничего не значащая пустота.

Именно таковой я себя и ощущала вечером 24 декабря.

Мэггина «вечеринка» скорее походила на «карнавал». Хотя расширенный семейный сбор наверняка подразумевал нечто такое.

Ее дом было видно и слышно на огромном расстоянии. Выйдя на остановке, я неторопливо поплелась в ту сторону. Идти было недалеко. Это была открытая улочка, что в Лондоне встречалось редко, окруженная деревьями, покрытой инеем травой и расходящимися как лучи переулками. Вокруг было тихо, видимо обитатели этого района тихонько сидели возле камина и наслаждались праздничным ужином. Дом Мэгги выделялся — он сверкал мириадами огней, буквально. И эта искристость даже как-то пугала. Не хотелось мне туда заходить. Никогда не любила крупные сборища.

Я вытаскивала телефон из кармана, чтобы попросить Мэгги встретить меня у входа, не хотелось пробираться в одиночку сквозь незнакомцев. Но не стала отправлять сообщение. Ведь это будет очевидная улика, что мы встречались. На сегодняшний день такой записи мне не надо.

Немного подождав, я наблюдала за мелькающими в окнах силуэтах. Высокие мужчины, ухоженные женщины. Все общаются между собой, кажется, что рты у них не закрываются. Это выглядело странно. Я и представить себе не могла, что Мэгги близка с такими людьми.

Я начала замерзать. Ветер взметнул с тротуара снежинки вкупе с мелкими льдинками, они засыпали ресницы и покалывали щеки. Внутрь заходить не хотелось. Я сомневалась. Мрачное ощущение. Мэгги умрет. Дыхание сбилось. Мэгги умрет. Я шагнула к крыльцу. Мэгги умрет.

И нет никакого смысла тянуть время.

Я заставила себя двигаться. Подняться к входной двери. Гомон голосов и взрывы музыки становились все громче и отчетливее — получалось вычленить определенные голоса, а еще звучавшие по радио переливы трубы и гитары. Звуки становились все отчетливее. И громче. И еще громче.

А затем распахнулась дверь и раздался голос скрытой за высоким белым забором Мэгги.

— Идем же, глупышка, — ласково позвала она. Дальше были слышны хруст шагов по снегу и топот собачьих лап. Не знала, что у нее есть собака. Я свернула, оставляя дом у себя за спиной, и направилась к воротам. На губах моих растягивалась улыбка.

— Мэгги! — позвала я.

— Кит, это ты?

— Я.

— Ты пришла!

— Да.

— Ты с мамой?

— Не, к сожалению, она не смогла.

— Очень жаль.

— Она ужинает с друзьями, так что все в порядке, — солгала я.

— Подожди секунду, сейчас я открою, — сказала она. Она подошла к воротам. Через несколько секунд она приоткрыла калитку — достаточно для меня и недостаточно, чтобы собака убежала. Я проскользнула в образовавшийся проем и оказалась в довольно-таки причудливом саду. Дальняя его часть, покрытая искусственным покрытием, явно отводилась собаке. На нее мой взгляд упал дальше — маленькая, белая и пушистая, с короткими тоненькими лапками — она радостно бегала вокруг. Я обернулась к Мэгги.

— Вот это у вас тут вечеринка.

— Да уж, слабо сказано, — смущенно пробормотала она. — Ну, это моя семья...

Мы стояли неподалеку от окна. Занавешенного окна. С тяжелыми темными занавесками. Окна соседнего дома так же были занавешены. А других таких обозримых точек отсюда и не видно.

Посмотрев ей в глаза, я выдавила улыбку.

Где-то в глубине души я надеялась, что ничего не получится, что не подвернется идеального случая. Но нет. Удача меня не подвела.

Назад дороги нет.

Перед крыльцом вижу небольшой выступ. Сажусь на него и, спрятав лицо в ладонях, вздыхаю.

— Что-то случилось? — спросила Мэгги, опускаясь рядом.

— А?

— Не вижу радости на лице.

— Не лучший день.

— Почему? Сегодня же сочельник, надо радоваться.

Сердце кольнуло.

Пора с этим заканчивать.

— Сочельник, — повторила я.

— Я люблю этот день. Он всегда наполнен радостью. А еще подарками и всем таким. В этот день все собираются вместе за праздничным столом и набивают животы, — она хихикнула, — а потом всех так же дружно тошнит от обжорства.

Я подтянула колени и уткнулась в них лбом, прячась за собственными волосами. Из дома доносились музыкальные переливы. Тихие и завлекающие. Я узнала песню. Ее исполняла Черри Роуз: лирическая композиция, которая завоевала сердца фанатов.

"Где ты,

Куда пойдешь,

Где же твой дом,

Скажи мне..."

Перед глазами возник ее образ: красные губы четко артикулируют каждый звук; она на пьедестале. Подсвеченный силуэт. Тень во мраке.

— Если б ты знала, что скоро умрешь, что бы ты сделала? — глухо спросила я.

— Что? — вскрикнула Мэгги. — Господи, Кит, ты умираешь? Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

Я мрачно рассмеялась.

— Нет, я не умираю.

Вовсе нет.

"Будь со мной,

Хочу тебя обнять,

Только когда ты со мной,

Мне очень больно..."

— Просто день плохой, — пояснила я. — Все нормально. — И несколько раз повторила эту фразу шепотом.

Повисла неприятная пауза. Мэгги задумалась.

Она мягко опустила руку мне на плечо. Я вздрогнула. Ее пальцы жгли подобно огню.

— За последний год нам столько всего пришлось пережить, — произнесла она. В ее голосе звучала тоска. Она тяжело вздохнула. Надо же, ей наша странная дружба нравилась не меньше моего.

— Этот год был очень странным, — согласилась я.

— Так тоже можно сказать, — рассмеялась она.

— Он изменил тебя.

Она пожала плечами:

— Я повзрослела. Когда-то всем приходится взрослеть.

— Да.

— Уверена, что не хочешь поделиться со мной?

— Дай мне несколько минут. Через несколько минут я тебе все расскажу.

— Ладно. — Погладив плечо, она опустила руку.

— Но действительно, как бы ты поступила? Если бы знала, что умрешь?

— Ну, можно сказать, я и так это знаю. Все люди когда-то умирают.

— Не в этом смысле.

Она снова засмеялась.

— Я пока не собираюсь умирать.

Как же я ненавидела эту ее черту. Бесчувственность. Она не понимала, о чем я спрашивала.

Интересно, а Майкл разглядел это ее качество? Не об этом ли было в его письме?

Она не понимала, когда от нее чего-то хотели — делала вид, что понимает, но как только возникало что-то важное, она соскакивала с темы. Ее ничего, кроме самой себя, не волновало.

Порой казалось, что Мэгги умеет только одно — убегать. В каких-то вопросах она кардинально изменилась — в каких-то ни капли.

— Забей, — отозвалась я.

Повисшая тишина была гнетущей.

— Серьезно, что случилось?

Все вокруг покрылось снежной пеленой. Кроны деревьев накрыло пушистым одеялом. Даже собака, носившаяся в другом конце участка, зарылась в него.

"Твои яркие губы так и манят меня...

Как и мрачные слова, хоть они и лживы...

Наши сердца переплелись

Так крепко

Поддай мне знак..."

Снег, всюду снег. Спокойствие. Я всегда любила снег. Он превращал мир вокруг в более сказочный.

"Но даже сквозь тьму и боль

Когда я знаю, что былого не вернешь,

Да, и ты это понимаешь...

Тебя я все еще люблю."

Я поднялась и обернулась к собаке.

— Иди сюда, — позвала я. — Ко мне. — Тявкнув, собачка помчалась ко мне. Мэгги улыбнулась, наблюдая, как она вертится вокруг моих ног. Я погладила ее и открыла дверь, запуская внутрь. Она радостно забежала, цокая коготками по деревянному полу. Я захлопнула дверь.

Взгляд зацепился за нее. Эту дверь следовало бы освежить краской. Она выцвела и выглядела довольно уныло. А лившийся из окна свет превращал белую краску в пятнисто-желтоватую.

Я поежилась.

Холодно.

Мэгги вышла в платье, которое никак не подходило нынешней погоде. Красное как кровь, напоминающее платье Черри на обложке диска. Она стояла, накручивая на палец завитые локоны, на губах играла улыбка.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Я так и смотрела на дверь. Краска просвечивала деревянные узоры. Мой взгляд обвел каждый из них, впитывая каждую черточку.

— Кит?

Закрыла глаза.

Пора.

Я запомнила каждый миллиметр этой двери. А затем заставила себя забыть их, забыть обо всем. И только после этого я стала кем-то другим.

Выдохнула и улыбнулась морозному воздуху.

Что-то внутри забурлило, заставляя полыхать изнутри.

Гореть.

Я открыла глаза.

— Нет, — ответила я. — Меня не так зовут.

— Но это же твое имя, — настаивала Мэгги. Будто она знала все на свете. Она шагнула ко мне.

Я обернулась.

Пора с этим заканчивать.

— Нет, — произнесла я. — Меня зовут не Кит.

Она непонимающе уставилась на меня.

Я улыбнулась.

Внутри горело, полыхало и пылало.

— Меня зовут Диана, — сказала я.

Диана.

Улыбаясь, я подошла к двери. Перчатки я спрятала в соседском саду, предварительно тщательно протерев их о штаны, чтобы никто точно не смог обнаружить отпечатков. Надо зайти на огонек; наверняка я попала на какую-нибудь камеру, как и попаду на обратном пути, и будет крайне подозрительно, если потом окажется, что на вечеринке меня не было. Как бы там ни было, мое присутствие здесь вполне естественно. Мэгги же моя подруга. Ничего подозрительного.

Я не могла вернуться домой. Не могла просто сбежать. Это было бы слишком просто. Предпочтительнее более сложный путь. Надо это принять.

Верно?

Хотя я и сама не знаю точного ответа. В мыслях воцарился полный хаос.

Надо превратиться в сейф. Запертый и совершенно пустой.

Как можно естественней я прошла в комнату, попивая холодную воду. Вскоре ее найдут. Это лишь вопрос времени.

Я опустилась в красное кресло и стала наблюдать за окружающими меня людьми. Она смеялись, переговаривались, танцевали.

И тут крик.

Я устроилась поудобнее.

Нашли.

Господи, никак не могу отделаться от ощущений.

Удар, хруст, кровь и в конце смерть.

Боже, это так завораживает.

Чистейший гипнотизм, беспощадная бойня.

И тяжесть от бремени, что это нельзя делать так часто...

Господи, даже во рту этот привкус: волнение от преследования, удовлетворение от убийства. Как когда лев гонится за газелью...

Боже.

И радость, мрачная радость от того, насколько далеко я зашла, что позволяю себе наслаждаться своими действиями. Но нельзя этого показывать. Нужно держаться на расстоянии. Смотреть как на произведение искусства, издалека.

Потому что.

Господи.

Это райское ощущение буквально сжигает изнутри.

Изумительное чувство.

Я растворяюсь в нем и одновременно ощущаю себя как никогда живой.

Потому что я — убийца.

Я — Диана, и мне есть чем насладиться.

Глава 22

С самого детства нам внушают мысли об исключительности. Ты не успеваешь произнести первое слово, как люди вокруг уже убеждены, что ты привнесешь в этот мир что-то особенное. В этом отличие людей — они любят тешить себя надеждами. Исключения, конечно же, встречаются. Существуют брошенные и забытые дети. Да и "исключительность" у всех разная. Не каждому выпадет стать медиком или юристом. А кто-то растёт с мыслью,

что его предназначение — быть всеобщим объектом любви. Возможно, поэтому мой почтовую ячейку никто и не подумал рассекречивать, возможно, эту тайну также отнесли к высшему предназначению. Может, ко мне обращались, веруя, что вовлеченность в мою легенду возвышало их в глазах вселенной. С самого детства нам внушают мысли, что однажды наше предназначение раскроется в полной мере. Что оно оправдается. И мы станем свободны.

Вот только горькая истина в том, что не каждому суждено этого достичь.

Со временем многие сходят с выбранного пути, утратив надежду. В каком-то смысле, утрата надежды и утрата ощущения предназначения в жизни это одно и то же. Юношеский задор и стремление и, главное, вера помогают свернуть горы на пути своей цели — но с возрастом многие сходят с дорожки и растрачивают себя, становятся пустышками. Пускай даже нужными, но никогда не выделяющимися из толпы. Такого человека никогда не выцепишь и не скажешь: "Эй, я тебя помню".

Мне же, можно сказать, повезло. По крайней мере, хотелось бы в это верить. Иначе в чем суть? Нужно уметь отличать истину от воображения. Пускай грань между ними порой слишком тонка, но ее необходимо видеть, потому что по ту сторону тебя могут поджидать чудовища. Я верила в собственную исключительность. Верила, что для меня в мире отведено особенное место. Мне было вручено управление человеческими жизнями. И тем не менее, я все равно чувствовала какую-то неполноценность и ставила свое предназначение под сомнение. Возможно это изменится лет через сто-сто пятьдесят, если мое имя не потонет в анналах истории, хотя, полагаю, к тому времени меня уже долгое время не будет на этой земле.

Может, это пустые оправдания. Может, я таким образом занимаюсь самообманом. Может быть, во мне и нет ничего незаурядного. Возможно, все зря и никакого смысла в совершенных мной убийствах не было. Или я так часто повторяла какие-то устои, что в конце концов убедила себя. Может, никакой высшей силой я не обладала и убийства не были методом для объединения людей, может, это я отделилась от социума. А может, я слепо ухватилась за такое привлекательное по содержанию, но абсолютно лживое оправдание мамы, потому что хотела верить хоть во что-то.

Но ведь даже спустя столько лет молва о Джеке Потрошителе не утихает? А ведь прошло более сотни лет. Может быть, так будет и в моем случае? Идеальный убийца. Прекрасное имя. И такое говорящее.

Вот только для чего все это?

Если сейчас я ощущаю только безнадегу и отчаяние.

Я боюсь неопределенности и уверенности, постоянства и непостоянства.

Точно так же, как и все остальные.

Порой мне кажется, что мы, люди, как бумажные смятые звездочки: каждая из нас сверкает и переливается на небосводе, а то, что форма не та, — так это наша особенность, выделяющая из толпы. Существует поверие, что если собрать тысячу бумажных звезд, то любое твоё желание исполнится. И вот в этом все мы. Каждый верит в собственную исключительность, но стоим мы чего-то только вместе.

Хочется верить, что я особенная, иногда у меня это выходит. Но чаще всего я ощущаю себя одной из тысяч бумажных звездочек, ничем от них не отличающейся. Обыкновенной бумажкой — забытой и никому не нужной.

Я в полицейском участке — не в Челси, что с собачьей статуей, а в ближайшем к месту убийства Мэгги. На дворе ночь. Я нахожусь в комнате ожидания, сижу на плюшевом зеленом диване, украшенном несколькими старыми подушками. Меня привезли сюда три часа назад и сказали ждать.

Здесь так тихо. Сквозь окно комнаты видны кабинеты и доносится голос диктора теленовостей. Кто-то совершил самоубийство, прыгнув с моста в Темзу. Мимо ходят полицейские. Кто-то в форме, кто-то в штатском, но вид у всех похожий — полусонный.

Все вдруг стало как-то не важно. Внутри затихло сражение гнева и горя. Я больше не была Дианой. Только Кит. Одинокой и очень уставшей.

В нарядном платье для вечеринки. Я сняла пальто и шарф, но жар от этого не спал. Затылок облепили влажные волосы. Как же я устала. Я взглядом провожала снующих из кабинета в кабинет полицейских. Они напоминали муравьев. Сон подкрадывался незаметно.

Я все время искала Алекса. Не видела, но знала, что он здесь. Он уже должен был вернуться с места преступления. Я точно видела его в окне, я помахала ему, а он даже не удостоил меня взглядом. И вид у него был хмурым. Неудивительно. Но я продолжала выискивать его, лучшего занятия все равно не предвиделось.

Включили отопление. Глубоко вздохнула, ощутив поток теплого воздуха откуда-то слева.

Я все жду своей очереди для допроса.

Наконец дверь отворяется. Вежливо улыбаюсь, старая не перейти грань. Улыбка должна выглядеть запуганной или с большой толикой грусти. Входит Алекс, от него так и веет какой-то рассеянностью и неуверенностью. Воздух даже не наэлектризован — в нем просто повисает мертвая тишина. Напротив меня расположены два кресла. Не произнеся ни слова, Алекс опускается в одно из них. Взгляд у него опущен в пол. Он трет глаза. Дверь за ним закрывается.

— Господи, Кит, вот умеешь же ты появляться в неправильном месте в неподходящее время, — спустя минуту произносит он. Поднимает голову и вздыхает.

— Прости, — отзываюсь я.

— Не мне от этого плохо, а тебе, — отвечает он. — Кое-кто считает тебя виновной. Знаю, что это бред, но вот со мной солидарны не все. Включая твоего преподавателя по философии — как же ее зовут...

— Доктор Марцелл, — подсказываю я.

— Даже она уверена в своих обвинениях. Многие начинают верить в твою вину. И уже никого не волнует даже то, что ты девушка.

Мне нечего на это ответить.

— Кит, ты меня слышишь? — спрашивает он.

— Прости, — киваю я.

И вот только тогда он поднимает голову и понимает, что мне действительно плохо. Он опускает ладонь на мое предплечье, и это прикосновение заставляет вздрогнуть.

— Кит, с тобой все хорошо? — мягко спрашивает он.

— Нет, — мотаю головой.

— Вы же дружили?

— Да.

— Что ты сейчас чувствуешь?

— Пустоту, — тихо отзываюсь я. — Засасывающую пустоту.

— Может, ты что-нибудь выпьешь или поешь?

— Нет.

— И все же.

— Я ничего не хочу.

Перед глазами мелькают лица. Мама, Черри, Алекс, мать Майкла, доктор Марцелл даже Луиза — глупая секретарша.

Как же тихо.

— Пожалуйста, не молчи. Не могу вынести тишину, — прошу я.

Алекс пожимает плечами.

— О чем говорить будем?

— Не важно.

Алекс пристально вглядывается в меня.

— Ты так стараешься, Алекс, — рассеянно бормочу я.

Алекс кивает.

— Мне холодно, — слышу собственный голос. — Пусто и холодно.

— Ты в порядке? — переспрашивает он.

— Нет, — повторяю я. Надо заполнить тишину. Я говорю быстро, едва улавливая собственные слова, едва узнавая свой голос. — Меня считают виновной? — вдруг спрашиваю я, хотя мы говорили о чем-то совершенно другом. Ему явно не комфортно.

— Есть и такие, кто в этом абсолютно уверен, — кивает он.

— Меня посадят?

Он качает головой, но я заметила его сомнение.

— Прямых улик против тебя нет. Только косвенные, так что ничего страшного. Все будет хорошо.

А мне вдруг становится интересно — а каково это, быть кем-то другим.

— А моя мама?

— Переживает. Она беспокоится за тебя, — пожимает плечами он.

— В смысле?

— Ну.. она плачет. Я заезжал к ней, чтобы поведать. Она открыла дверь, но разговаривать отказалась. Просто... сидела в спальне и плакала. Постоянно повторяла о каких-то картах — я этого не понял.

— Прости, — бормочу я.

— Ты извиняешься за свою мать? — неуверенно переспрашивает Алекс.

— Не имеет значения, — отвечаю я.

И снова тишина.

— Она была хорошей? — спрашивает Алекс, опуская ладонь мне на колено.

— Кто, мама?

— Нет... Мэгги.

— Очень, — киваю я.

— Ненавижу, когда убивают хороших людей.

Я горько смеюсь. Чем пугаю его.

— Разве не в этом заключается твоя работа?

Он пожимает плечами:

— Бывает, что убивают плохих.

Ловлю себя на мысли, что вот-вот расплачусь.

— Мне холодно, — снова говорю я, вздрагивая.

— Ох, Кит, — бормочет он.

Мне холодно.

Холодно и страшно.

Холодно.

На какой-то миг он задумывается.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Ничего такого. Только в голове постоянно прокручивается вечер. Вечеринка, рождественская елка, подарки под ней, фонарики, праздничный стол, пустые бокалы — праздник, который превратился в кошмар. Сам не понимаю, почему не могу перестать об этом думать. Ужасный выбор места преступления. Видимо, убийца был среди приглашенных, хотя он мог и выдавать себя за кого-то из них. В общем, кошмар. А еще ее семья и близкие, которым пришлось на все это смотреть.

— Алекс, а ты веришь, что это я?

Он мотает головой.

— Нет, конечно. Ты же еще совсем ребенок, да и она была твоей подругой. С чего тебе ее убивать. Я постараюсь донести эту мысль остальным. Ну какая из тебя убийца. И задерживать тебя тоже глупо. Ты здесь только потому, что других подозреваемых нет.

Из его уст слово "убийца" звучит как самое грязное ругательство.

— И что будет дальше?

Он вздыхает и опускает голову себе на руки.

— Не знаю, Кит, просто не представляю.

Я окидываю взглядом каморку, в которой мы сидим. Бледные стены, длинный зеленый диван — абсолютно обезличенное место. Но у меня стойкое ощущение, что я попала в лимб¹⁸.

— В голове не укладывается, — выдыхает Алекс.

— Мне здесь не нравится, — хнычу как ребенок.

Алекс глубоко вздыхает. От него исходит злость, но не на меня. Он зол на весь мир, на людей, которые не видят во мне того же, что и он — доброты. Внутри рождается непонятный порыв взять его за руку и поддержать, но я сдерживаюсь. Нельзя пересекать эту грань, у меня и так не осталось сил.

— Знаю. Прости. — Алекс качает головой.

— Сколько еще мне здесь сидеть? Я устала. И хочу домой, — ною я.

Догадываюсь, что веду себя как маленькая, но взять себя в руки просто не могу.

Плавно поднявшись, Алекс поворачивается ко мне.

— Подожди здесь, — просит он. Будто я могу куда-то уйти. Он подходит к двери и открывает ее с протяжным скрипом, смотрит на проходящих мимо полицейских. Потом вдруг закрывает дверь и опирается на нее спиной.

— Обвинений тебе не выдвигали, никаких улик против тебя тоже нет, как и причин для задержания, — тихо произносит Алекс. — Формально ты свободна и можешь идти. Тебя держат, потому что пока не понимают дальнейших действий. Но если хочешь... можешь

идти. Скорее всего, тебя еще вызовут для допроса. Но при желании ты можешь уйти в любой момент.

Я непонимающе смотрю на него.

— Вряд ли тебя погладят по головке за то, что рассказал мне это.

Он качает головой и издаёт смешок.

— Не погладят.

Какое-то время мы молчим. Я прислушиваюсь к шагам за дверью и звукам от телевизора и концентрируюсь на дыхании.

— Спасибо, — наконец произношу я.

Сил едва хватает, чтобы подняться на ноги. Меня ведет от слабости. Кое-как дохожу до двери и замираю перед Алексом, изучающим потолок.

— Спасибо, — тихо повторяю, на что он лишь кивает. Судя по взгляду, мысли его заняты чем-то грустным. Он выглядит смущенным и неуверенным, но вряд ли эти эмоции относятся к вопросу моей невиновности.

Честно говоря, я слишком устала, чтобы разбираться еще и в его мыслях.

Выйдя из участка, я скрываюсь в тени. Сгорбившись, прячу руки в карманах пальто. Никто не обращает на меня внимания. Я — хамелеон. И как всегда, удача улыбается мне.

Я останавливаюсь на тротуаре перед участком. На улице легкий снегопад, словно с неба сыпется мелкий пепел. Я раскрываю ладонь, чтобы поймать снежинки, а они тают, едва коснувшись кожи. Поднимаю голову в попытке разглядеть звезды. Но их скрывают тяжелые облака и дымка лондонского смога.

А потом я заглядываю в окна в поисках Алекса. И нахожу его — силуэт в окне третьего этажа. Ходит туда-сюда, опустив голову. Бедный Алекс. Обвела я его вокруг пальца. Заигралась с его разумом и чувствами. Бедный-бедный Алекс. Лучше бы я с ним вообще не знакомилась. При первой же встрече следовало развернуться и бежать. Тогда бы я уберегла его от боли. Вместо этого что я с ним сотворила. Игрушку. Куклу на веревочках. Соучастника, отпустившего меня из полицейского участка.

Сегодня он был сам на себя не похож, но это вполне объяснимо. А тем временем снег все не останавливается. Из рта вырываются облачка пара.

Меня мучает вопрос — что будет дальше. Все кончено и меня поймают или я могу спокойно продолжать убивать, оставаясь на свободе. Что делать дальше. Мысли не хотят формироваться в идеи, поэтому я разворачиваюсь и иду вдоль улицы.

А что, если эта ночь станет для меня последней на свободе. Я чувствую, как что-то нависло надо мной. Но нет, есть же Алекс. Такой хороший Алекс, который будет защищать меня до последнего, потому что верит...

Мимо пролетают фонари, пешеходы и машины, но я ничего не замечаю. Пока не сажусь в поезд до Челси, не могу спокойно думать.

Поезд полон странных людей. Незнакомые полуночники: пьяные подростки, старики, одиночки — и все спешат домой к Рождеству. Через проход от меня сидит испещренный морщинами пожилой мужчина. Я рассеянно разглядываю его.

И именно в этот момент меня накрывает эмоциями и осознанием.

Этот как удар в грудь. Сложно дышать. Легкие отказываются работать, я начинаю задыхаться, меня складывает пополам. Я упираюсь лбом в собственные колени. Мужчина подходит ко мне и с тревогой в голосе спрашивает:

— Что с вами?

Несколько секунд уходит на понимание вопроса и столько же на попытку набрать воздуха, чтобы ответить. Поезд еще не отъехал от станции, из-под его колес доносится шипение. Двери открыты слишком долго — а может, мне это только кажется. Время словно замедлилось.

— Все нормально, — слабо отзываюсь я. Дышать все еще сложно. Мужчина неуверенно опускается обратно на сиденье. Хорошо хоть сидящая в трех рядах впереди пьяная парочка не обращает ни на что внимания.

Наконец я успокаиваюсь. Заставляю себя дышать ровно. Сажусь ровно и откидываюсь на спинку сиденья.

Мэгги мертва.

Не представляю, сколько времени прошло: минуты, секунды, миллисекунды. Кажется, что целая вечность.

Я убила ее.

— Счастливого рождества, — тихо произносит дедушка.

Я больше никогда не увижу Мэгги. Больше никогда не поговорю с ней.

Всего четыре недели назад мы с ней ели мороженое на набережной Темзы.

Я тогда сказала, что ее любят.

— И вам счастливого рождества, — отзываюсь я.

Двери наконец закрываются, и поезд приходит в движение.

Я думаю о Лондоне. Под землей всегда мрачно, но я четко представляю, что происходит сверху. Рождественские огни, украшенные гирляндами дома и окна, уличные фонари, огоньки в небе от самолетов и вертолетов. Город, объятый светом и радостью. Только не я. Да, я на свободе, могу спокойно бродить по городу, по набережной Темзы и мосту Ватерлоо. Но всего этого мало.

Я убила Мэгги Бауэр.

Но заслуживала ли она смерти?

Глава 23

Войдя домой, я понимаю, что мама меня ждала.

Однако ожидание она скрашивала действием. В коридоре стоят шесть чемоданов: два уже забиты, остальные наполняются. Мама мечется между кухней и гостиной, переносит и складывает посуду и прочие безделушки — вазы, книжки, кофейные кружки. Одета довольно необычно: джинсы, белая блузка, никакой обуви, зато в растянутом розовом халате. Да и светлые волосы явно не видели расчески.

Глаза покраснели, но слез уже нет. От нее так и веет железной решимостью. На меня она бросает лишь краткий взгляд.

— Повезло, что твой папа сегодня не дома. Хоть от чего-то легче. Твои вещи я собрала. Помоги с остальным.

— Что? — не догоняя, отзываюсь я. — Зачем?

Она замирает и смотрит на меня с недоумением.

— Мы уезжаем, — говорит она очевидное.

— Но зачем?

— Ты и сама прекрасно знаешь ответ. Кит, ты пересекла черту.

— Я...

— Ты убила Мэгги Бауэр. Не следовало тебя никуда отпускать, надо было давно вмешаться в твою охоту за ней. Тут уже глупость за мной. Господи, какой же провал. Сама не понимаю, почему не остановила тебя. И в итоге ты ее убила и поставила нашу спокойную жизнь на кон. Я же говорила тебе, что надо действовать осторожно, помнить о карточном домике, говорила же...

Удивительно, но перед лицом опасности и в условиях нервотрепки она выглядит живее и красивее, чем многие последние годы. Хотя, в каком-то смысле, ничего удивительно.

— Да, но Алекс...

— Алекс не волшебник. Он тебя не спасет. Не теперь. Ты оказалась в самом центре нескольких убийств. Это же всем очевидно! Кроме него. Идиот.

Она поднимается по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, а я вспоминаю, что поставила под удар не только свою свободу, но и ее. Подбегаю к подножию лестницы и перегибаюсь через перила.

— Нам не надо бежать. Алекс сможет защитить нас, сможет, ты слышишь?! Это он отпустил меня из участка, мам. Он помогает мне, — кричу я. В ответ же она смеется.

— Открой глаза и вспомни, что ты не ребенок, — отзывается она. — Ты не сможешь все время таиться. Однажды ты проколешься.

— Но расследование ведет он, и он верит в мою невиновность. Доказательств у них нет. Меня не могут арестовать, основываясь на совпадениях.

— Может, он и руководит, но следствие ведет не один. Реальной власти в его руках нет, особенно учитывая последние события. Настанет момент, когда он ничего не сможет противопоставить, — произносит она и сбегает по ступенькам с толстым фотоальбомом в руках. Я протягиваю руки помочь, когда она оступает на последней ступеньке, но она справляется сама.

— Сможет, мам. Он сможет. Как бы там ни было, но к нему прислушиваются. Он сможет переубедить всех.

Мама закидывает альбом в ближайший чемодан и крепко вцепляется в мои плечи.

— Поумерь пыл, — шипит она. — Здесь оставаться больше нельзя, как и нельзя быть уверенными в нашей безопасности.

Она застегивает чемоданы. Я же безвольно наблюдаю за этим, не сходя с места.

— Куда отправимся?

— Машина приедет минут через десять. На пароме доплывем до Франции — поезда на Рождество не едут туда. Дальше пока не знаю. На месте разберемся. Но здесь оставаться нельзя. Медлить тоже нельзя, Кит, — паром отплывает через два часа, а до порта Дувр добираться полтора. Ждать следующего слишком долго. Если не успеем, то нас могут поймать.

— А как же папа?

— А что папа? Скорее всего, он даже не заметит нашего отсутствия, — с горечью отзывается она.

Я все еще сомневаюсь.

Представляю, как он войдет в пустой дом, откроет дверь, поднимется по лестнице, зайдет в спальню и только спустя несколько часов осознает, что нас с мамой нет — и

неизвестно еще сколько дней пройдет, пока он поймет, что мы не вернемся. Разочаровывающий финал. После которого воцаряется тишина, пронизанная чувством полного одиночества.

Мне его жаль. И это чувство мне как-то чуждо, учитывая, сколько я злилась на него в последние годы. А может и нет, раз уж у меня вообще возникла такая мысль. В конце концов, я же любила его, а бесило, что я не ощущала того же в ответ.

Когда я говорила с ним по телефону, казалось, что я не просто прощалась с ним. Это было нечто большее. Сейчас-то я понимаю, что так оно и было, глубоко внутри я осознавала, что именно к этому все и ведет. И больше мы не увидимся. Только если в качестве Идеального Убийцы, но не Кит Уорд — некогда любимой и единственной дочери.

Днем это было не просто "Пока", а "Прощай". "Всего тебе наилучшего", — подразумевала я. "Люблю тебя", — подразумевала я.

— Я не хочу уезжать, — жалуясь маме. Она оборачивается и одаривает меня презрительным взглядом.

— Знаешь ли, мне тоже этого не хотелось. Но можешь сказать спасибо самой себе. Ты вышла из-под контроля, Кит. Не для тебя хранить такую тайну.

Слова бьют как настоящие удары. Постепенно ее презрение перерастает в жалость.

— Не стоило мне этого начинать, — бормочет она и возвращается к застегиванию переполненных чемоданов. — Поднимись и собери все, что тебе понадобится с собой. В левом чемодане еще осталось место. Не забудь взять письма. Их надо сжечь.

Всего на мгновение, но я пытаюсь зацепиться хоть за что-то. Впустую. Приходится развернуться и пойти наверх вдоль вывешенных рядом фотографий. В своей кремово-алой спальне я распахиваю шкафы и комоды, выбирая, что упаковать. Оказывается, мама уже собрала все, что лежало сверху. Вытаскиваю из потайного ящика письма и прячу в рюкзак, вместе с упаковкой латексных перчаток. Собираю косметические принадлежности в ванной и забытую мамой в гардеробе пару туфель. Оглядываюсь вокруг и понимаю, что ничего больше брать с собой не хочу.

Моя комната всегда была какой-то обезличенной. Да и каких-либо воспоминаний она не вызывала. Привычки собирать какие-то безделушки или билетики у меня также не имелось. Смысл?

В глубине души просыпается легкая грусть.

Внизу мама носится с вещами, собирает все и пытается распахать по чемоданам. Однако наверху ее беготни не слышно. Здесь так тихо. Я закрываю глаза и вдыхаю аромат этого места.

Затем разворачиваюсь и ухожу. Спокойно спускаюсь по лестнице; шаг за шагом, набатом отстукивающим в моих мыслях.

Внизу в нетерпении ждет мама, сжимая в руках коробок спичек. Она быстро забирает мои вещи, вынимает из рюкзака письма и вручает мне вместе со спичками.

— Клади вещички, бери письма и дуй на кухню. Их надо сжечь, — бросает она. — Живо. У нас мало времени.

Я медлю. Она прищуривается. Подпихивает меня в сторону кухни, а когда я спотыкаюсь, кричит "Живее!".

Я плетусь на кухню. Мамы уже нет рядом, она возвращается к сбору вещей, мои наверняка подверглись утрамбовке в первую очередь. Долю секунды не понимаю, что делать дальше, но, опомнившись, подхожу к шкафу.

Отыскиваю большую металлическую миску, кладу на столешницу и опускаю в нее письма. Пытаюсь зажечь спичку. Руки трясутся так, что первая спичка ломается пополам. Вторую удастся поджечь, я направляю ее в миску и жду.

И вот письма охватывает пламенем.

Оно поднимается с краев и лижет листы ярко-оранжевыми языками. Они чернеют и превращаются в пепел. Я и не думала, что огонь так быстро разгорается. Настоящий хищник. Менее чем через минуту от писем остается лишь горка пепла.

В какой-то миг я замечаю в дверях маму, но она быстро отворачивается и прячет взгляд.

С улицы доносится шорох шин. Должно быть, это такси. Рановато, но да ладно, все равно у меня нет желания задерживаться в этом доме.

Бросаю последний взгляд на миску с пеплом. Мысленно проецирую в нем собственную жизнь. Письма были моим предназначением. А теперь их нет. Вот так быстро, так просто — всего лишь искра и больше ничего не осталось. Перед глазами так и стоит пламя, в ушах потрескивает горящая бумага. Была у меня жизнь, а теперь нет.

В конце концов я отворачиваюсь и выхожу из кухни. Не хочу больше об этом думать.

Меня охватывает какое-то холодное оцепенение.

Причем настолько сильное, что я не сразу замечаю стоящего в дверях Алекса.

Он прячет руки в карманах, убранные от лица волосы присыпаны тающим снегом, который уже успел осыпаться на ковер прихожей. Видимо, на машине приехал он.

Его неожиданное появление отчего-то заставляет пульс пуститься вскачь. И хоть я знаю причину, но не хочу ее признавать. И не могу понять, почему он приехал, если мы совсем недавно разговаривали в участке.

Он молча смотрит на меня, в его глазах мелькают непонятные для меня эмоции. Мама спрятала вещи в ванной нижнего этажа, чтобы он их не заметил, и сейчас стоит прислонившись к стене слева от меня и наверняка тоже поглядывает. Но для меня в этот момент существует только Алекс.

— Привет, — тихо говорит он.

— Привет, — отзываюсь я. — Почему ты вдруг приехал?

— Поговорить хочу.

— Зачем? Мы же уже, — вяло спорю.

— Просто... хотел сказать тебе кое-что важное.

— Например? Типа в любви признаться? — шучу я. Он смеется, но как-то жалко это звучит.

Часы на стене пробивают час. Я ощущаю мамин взгляд, она явно призывает выставить его. Необходимо, чтобы он уехал до приезда такси, иначе это вызовет у него лишние вопросы и подозрения.

— Уже поздно, — продолжаю. — Я устала. До завтра это не подождет?

— Я... — Он медлит и переминается. Не знает, что ответить. Ему действительно надс поговорить со мной о чем-то. И мне этого тоже хочется. Отчаянно. Умираю от желания попроситься, пускай он даже не поймет, что я уезжаю и мы больше не увидимся, но мне ужасно хочется шепнуть ему "прощай".

Он мамино пристального взгляда волоски дыбом встают.

Из-за угла выезжает машина и притормаживает у знака стоп. Вот эта уже точно за нами. На нашей улице явно никому не придет в голову вызывать машину в такое время, еще и в Рождество. Пора прощаться с Алексом и как можно скорее. Мама не одобрит то, что я

собираюсь сделать, но это же Алекс.

И без меня он точно не уйдет.

— Хорошо, — шепчу я, сдаваясь. — Давай прогуляемся. Мне не мешает проветрить мозги. Слишком много мыслей.

Он слабо улыбается, пускай не радостно, но хотя бы удовлетворенно.

— А до завтра это никак не подождет? Час ночи все-таки, — возникает мама. Алекс колеблется.

— Простите за позднее время, миссис Уорд, — говорит он, — но нам с Кит очень надо побеседовать.

Мама уже открывает рот, чтобы ответить, но я качаю головой, прерывая ее.

— Все хорошо, — мягко уговариваю я. — Он мой друг, тебе не о чем переживать.

Я понимаю, что нам надо уезжать, что наше такси вот-вот припаркуется перед домом, что мы рискуем опоздать на паром — но я не могу отказать себе в последних нескольких минутах с Алексом.

Машина уже совсем близко; надо поспешить, пока еще есть возможность.

У мамы вид такой, словно она готова заорать. Я игнорирую ее. Она больше не может меня контролировать, как бы ни хотела. Да и не могла никогда. Я подхожу к Алексу, ничего плохого он мне не сделает. Его присутствие даже как-то успокаивает.

Он отпустил меня. С ним я в безопасности.

— Спасибо, — шепчет он, а я так и не могу понять эмоций, мелькающих в его глазах.

Следующие несколько минут проходят в полной забывчивости. Кажется, мы с Алексом пошли вдоль улицы, выискивая подходящее место для разговора, а такси подъехало почти сразу после нашего ухода и осталось незамеченным. Я просто шла за Алексом как марионетка и ни на что не обращала внимания. Не смотрела ни себе под ноги, ни на рождественские украшения близстоящих домов, ни на тени покрытых снежным одеялом деревьев. Только спокойствие, тишина и мы с Алексом.

Глава 24

В себя я прихожу только в парке.

Мы с Алексом стоим под большим дубом, земли вокруг которого не касался снег; раскидистые ветви не пропускали белые хлопья. Ночь кажется какой-то слишком глубокой. Мы стоим в парке на улице, где я прежде не бывала, посреди праздничной ночи, когда жители близлежащих домов крепко спят в ожидании утренних подарков.

Мы в пяти шагах друг от друга, оба смотрим на облачное темное небо, проглядывающее сквозь ветви дуба. Справа от меня, слева от него, деревянная скамейка, но ни один из нас не стремится присесть. Еще в нескольких футах возвышается подобно часовому снеговик.

Я первой решаюсь заговорить.

— Рада тебя видеть. Хотя прошло... совсем немного, но я правда рада, — говорю, а сама понимаю, насколько нелепо в данной ситуации звучат эти слова. Он переминается с ноги на ногу.

— Я тоже, — неуверенно и как-то грустно отвечает он.

— Ужаснейшее рождество, правда? — тихо продолжаю я.

У него такой уставший вид, и виновата в этом исключительно я.

Осознавая это, плакать хочется. Он похож на раненого солдата, раздавленного неспостижимой для одного войной. Хочется подойти, взять его за руку и крепко обнять.

Утешить. Поднять голову, поймать взгляд, прижаться лбом ко лбу и...

Нет.

Нельзя.

Не к этому вела меня дорога жизни, как бы мне того ни хотелось. И не видать мне сказочного финала.

— Да уж, — шепчет он. Мы слишком далеки друг от друга.

— Оно точно нескоро забудется.

Он криво усмехается, чем удивляет меня.

— Определенно, — отзывается он. — Я и сам вряд ли смогу забыть.

— Будто не с нами все это происходит? — шепчу я.

— Именно.

Алекс опускает взгляд, а я в это время внимательно его изучаю. И вдруг он поднимает голову и ловит меня. Мир вокруг исчезает, у меня перехватывает дыхание. Карие глаза смотрят в ореховые, ореховые в карие (или зеленые мы ей там писали — вообще это болтлые хд). Мне не удастся уловить ни единой его эмоции, не знаю, что он замечает во мне. На мгновение кажется, что время замирает и где-то небытие вселенной остаемся лишь мы одни.

Но тут он отворачивается.

— Это кошмарно. Просто кошмарно, — единственное, что мне удастся выдавить из себя.

— Да, могу точно сказать — ночи хуже в моей жизни не было, — отвечает он. Без горечи, но с толикой грусти.

— Слабо в это верится, наверняка бывало и хуже.

— Поверь... это не так.

Я смеюсь, хоть в его словах ничего нет ничего веселого.

— Все наладится. Время лечит. Я помогу.

Он не отвечает. Наверняка понимает, что я и сама не верю собственным словам.

Если сказочного финала мне не видать, то пускай хотя бы все останется как есть. Пускай. На долю секунды я готова поверить, что так и будет. По его взгляду видно аналогичное желание: ненависть к переменам, желание разложить все по полочкам и ощущать себя в безопасности.

А потом я вспоминаю — у меня не осталось времени. Вспоминаю про паром через океан, отплывающий через один час и сорок пять минут.

— Ты хотел поговорить? — напоминаю я.

Он медлит. Пинает комок слипшегося снега. Не знаю почему, но ощущение, что говорить он желает меньше всего.

Мелькает мысль, что уютная атмосфера тишины это лишь иллюзия.

— Я тут подумал, — тихо, словно сожаления, начинает Алекс, — Никак не выходит из головы ее дом.

Неужели опять.

Такой серьезный, так жаждущий поступать правильно. Даже сейчас, в столь поздний час, он отчаянно желает разгадать коварный ребус, чей подвох он чувствует, но никак не может понять. Вот для чего я нужна — ему необходимо выговориться, посоветоваться, чтобы понять, за что зацепиться. Я его доверенное лицо и непредвзятый друг. Вот что важно. Теперь мне все понятно.

— А именно? — интересуюсь я.

— Кажется, я понял в чем дело, Кит. Понял, насколько ошибался.

— В чем? — отзываюсь я, улыбаясь. А он лишь смотрит на меня.

Без улыбки.

Пауза затягивается

И в этот миг мой мир бесшумно сходит с оси. Тишину не нарушает ни единого звука, падающий с неба снег лишь подчеркивает атмосферу. Алекс не шевелится, а я не дышу. Но вот он поднимает голову, и у него во взгляде такая буря.

Он делает пару шагов ко мне.

— Голубая, — говорит он и внимательно смотрит в ожидании реакции.

Которую он не получит. Я не отвечаю, хотя прекрасно понимаю, о чем речь.

Я не шевелюсь, но внутри меня воцаряется ураган.

Неожиданно. Но следовало предвидеть.

Но нет, все хорошо. Это ничего не значит. Я смогу что-то придумать. Это же Алекс. Мой Алекс.

— Ты же поняла, о чем речь? — тихо продолжает он.

Я никак себя не выдаю.

— Нет.

Конечно же это ложь.

— Голубая. Насыщенно голубая. Голубая упаковка: коробка, идеально совпадающая по цвету с платьем внутри. Тоже голубым.

— Я не понимаю...

Он перебивает, его голос звенит от ярости и тревоги в то же время.

— Твой подарок для Мэгги, Кит, его не было в доме. Ты так тщательно расписывала его мне, включая подарочную бумагу, вот только в доме твоего подарка не лежало. Ни на столике с остальными, которые принесли гости, ни под елкой, где лежали подарки от семьи. Его просто нигде не было.

После того как его слова повисают в воздухе, он тяжело дышит. Меня и саму словно в грудь ударили.

— Я забыла его дома, Алекс, — мягко пытаюсь объяснить я. — Почему ты так за это зацепился? В чем дело?

Он почти готов поверить. Почти. Как и все, желает цепляться за соломинку. И так отчаянно желает верить. Он внимательно смотрит мне в глаза, пытаюсь отыскать в них правду. От этого взгляда становится неуютно.

А затем отступает на шаг и мрачно шепчет:

— Ты врешь.

Меня посещает совершенно нелепое ощущение, что меня предали.

И страх.

— Ты никогда и ничего не забываешь, Кит, — говорит он. — Нет. Ты никогда не забудешь о подарке. Чтобы ты его не взяла с собой, должна была быть веская причина. И боюсь, что я догадываюсь какая.

Он медлит и выглядит сломленным. А снежинки тем временем падают на землю и тут же тают. Сердце пронзает холодом.

Он вздрагивает и делает глубокий вдох. Его слова смазываются привкусом паники.

— Ты его не взяла, потому что не видела смысла. А ты не из любителей бессмысленных

поступков. И не принесла его, потому что знала, что распаковать подарок она уже не сможет. Поэтому незачем было тащить лишний груз.

И он прав. И взгляд у него стальной, без единого сомнения.

Мне нечем дышать.

Не может быть.

Нет.

Он слишком хорошо меня узнал. Настолько, что смог сложить дважды два.

А у меня в голове закружился водоворот воспоминаний...

Когда-то давным-давно я сидела на полу тренировочной комнаты вместе с мамой. Когда-то давным-давно я была маленькой и счастливой девочкой. Когда-то давным-давно во вполне обычное воскресенье мама обняла меня так крепко, что я слышала ее сердцебиение. Она сказала, как сильно любит меня. Тем вечером она приготовила лимонад и устроила пикник на полу гостиной.

Когда-то давным-давно я умела любить всем сердцем. Когда-то давным-давно я еще не была для всех призраком. Когда-то давным-давно я просто была.

Когда-то давным-давно, во вполне обычный вторник, я жила.

Но все это было когда-то давным-давно. А сейчас на меня валилась тяжесть момента, который я настолько оттягивала, что, казалось, он существовал в другой реальности. Не в этом прозябшем опустевшем парке под светом одиноко-стоящих уличных фонарей — а в параллельной вселенной. Вселенной, где ничего подобного со мной не происходило. Где я была свободной.

Игра закончилась. Конец.

Взгляд Алекса полон огня, силу которого не описать.

Меня разрывает изнутри.

Не следовало никуда идти — надо было остаться с мамой и откреститься рассказом про то, как сильно я устала, надо было отослать его любой ценой. И бежать как можно скорее и дальше, пока еще была такая возможность. Но я не ожидала такого исхода. Только не от Алекса. Не от моего Алекса; почему-то мне казалось, что ничего не нарушит наших с ним отношений. Но уже ничего не поделать. Надо попытаться и бежать с мамой, успеть сесть на паром. Время бежит, паром нас ждать не будет.

Алекс сморит на меня с немой мольбой.

— Господи, я ведь действительно прав, да? — выдыхает он.

Пульс учащается.

— Нет, — отвечаю, но он уже не верит.

Чувствую себя мышкой, угодившей в мышеловку. Хочется сбежать, но не могу и шагу сделать.

Нет — должен же быть выход, он всегда есть. Я прикрываю глаза, пытаюсь собрать мысли в кучу. Изнутри поднимается отчаяние. Я в какой-то полудреме, в лимбе или просто брежу...

Стою на развилке. Вокруг бескрайняя пустыня. Впереди указатель, но надписей на нем нет; и куда ни глянь — дороге нет ни края ни конца.

Диана замерла бок о бок рядом со мной. Безмолвно протянула мне руку.

— Мы попали? — спрашиваю я, вспоминая нашу последнюю беседу. Она смеется. Действительно, глупый вопрос.

— И уже давно, — отвечает она.

— Ох.

— И что ты выберешь? — интересуется она.

— В каком смысле?

— Какой путь тебе по душе? Выбор за тобой.

— Но они же совершенно одинаковые, — беспомощно говорю я.

— Думаешь они ведут в одну точку? Но это не так, я тебе обещаю.

— И я должна выбрать?

— Именно.

— Но почему не ты?

— Потому что не я здесь главная. Это твоя жизнь. Я всегда с тобой, но ты — это не я.

— А какой путь тебе по душе?

— Не скажу. Но, думаю, скоро ты и сама поймешь.

— Почему?

— Потому что это только твой выбор. Таковы правила этой игры.

Взгляд Дианы устремляется вдаль.

— Мне эта игра не нравится, — говорю я.

— Она никому не нравится, — отзывается она.

— Ты — Идеальный Убийца?

Я не дышу.

Сердце останавливается, едва Алекс произносит эти слова. Пускай я их ожидала, но от этого не легче — слышать их от него просто невыносимо больно.

После них не осталось в этом мире никого, кто верил бы в мою невиновность.

— Нет. — шепчу. — Нет, нет.

— Да, это ты. И все это время... Ты — Идеальный Убийца. Вот почему ты так жаждала сблизиться со мной. Поэтому выдала при первой встрече ту зацепку. Поэтому ты так расстроилась, когда я собирался забрать в лабораторию твою чашку. И после ты тоже смогла одурачить меня, когда мы с тобой обедали. Ведь ты знала, что я должен взять образец ДНК? Все это время я тебя защищал. Но ты этого не заслуживала.

Для Алекса это катарсис¹⁹. Он знает, что я убийца, поэтому решил высказал все лично. Не знаю, чего он от меня ждет; не знаю, на что надеется. Ведь он мог столько всего сделать, обладая такой информацией. Мог арестовать меня на глаза у десятка свидетелей — так было бы для него безопаснее и разумнее. Должна же быть законная на то причина? Но ее не было.

Он смотрит с какой-то обреченностью.

Он и сам не знает, ради чего это все.

Может, он раскаивается? И происходящее сродни исповеди сожалеющего? Или все еще хочет видеть во мне ту самую Кит? Ведь после того, как он наденет на меня наручники, я в его памяти навсегда останусь Идеальным Убийцей.

— Почему ты так говоришь? Ты ошибаешься. Я — обычный подросток. Ты же это и сам знаешь, — отвечаю я. А сама прячу руки в карманы и съеживаю плечи, стараясь казаться еще меньше.

Но даже так я ощущаю внутри присутствие Дианы.

— Кит, не ври! Признай уже, говори...

Он едва не плачет.

Он знает.

Все его сослуживцы подозревал меня, и только он безгранично верил. И вот сейчас он осознал, насколько они были правы. Осознал из-за того, что мы с ним сблизились. И на этом меня поймал.

Следовало бы ожидать. Следовало понимать, что рядом с ним нельзя расслабляться. Нельзя было забывать, что он — враг.

Но жизнь невозможно повернуть назад. Понимаю, что это сближение ранило нас обоих. Он выпустил меня из участка, подарил временное ощущение свободы и шанс сбежать. И он же стал моим палачом. Если мы каким-то чудом разойдемся в разные стороны, я знаю, что он вернется в участок, сядет за дело Идеального Убийцы и обязательно найдет ниточки, которые свяжут меня с каждым убийством. Он достаточно умен и к тому же слишком хорошо меня узнал. Мне не сбежать.

Но я все равно решаю попытаться. Дыхание учащается. Мышцы приходят в напряжение, я уже поворачиваюсь, готовясь стартовать, но Алекс опережает меня.

— Не смей сбежать, — шипит он.

Я замираю. Даже сейчас я доверяю ему и выполняю этот приказ.

Лгать ему я тоже больше не буду.

Просто не смогу.

Нет. Смогу. Нет. Я так не могу, не смогу. Смогу, все хорошо. Ничего не хорошо ... Я осознаю, что меня трясет. Меня охватывает одновременно злостью и грустью. Накатывает слабость и резкий прилив сил. Экзистенциальная дихотомия в полном своем воплощении²⁰. Ощущение, что меня разрывает пополам.

И вдруг, словно выключателем щелкнули, отключаются эмоции и включается разум. Я отчетливо вижу два пути, будто надписи на табличке проявляются. Я должна сделать выбор, и этот выбор определит мое будущее.

1. Убить Алекса. Затем бежать к дому, где мама складывает сумки в такси, после чего садиться на паром, плывущий во Францию. Скрываться как можно дольше, потому что, убив Алекса, я подпишу себе смертный приговор. Одно совпадение — случайность, два — странность, три — закономерность. Какое-то время я выиграю, но прятаться вечно невозможно. В какой-то момент меня поймают. Но на руках у меня будет кровь еще одного человека. И не просто человека, а друга. И вся слава за поимку достанется кому-то третьему, не Алексу.

2. Признаться в том, что Алекс и так уже знает, позволить арестовать себя, а возможно и маму тоже. Отца наверняка тоже возьмут в оборот, но быстро отпустят, обнаружив абсолютную неосведомленность. Я сдамся. Избавлю себя от альтернативной боли. Мой выбор — легкий путь.

Убить или не убить, вот в чем вопрос. В любом случае, я проиграла.

Кит склоняется ко второму варианту событий. Но в этот момент ее начинает потряхивать.

И на сцену выступает Диана, которая предпочитает первый вариант. Меня охватывает ярость.

Я прыгаю на Алекса. Он не ожидает этого. Сбиваю его с ног ударом плеча в грудь. Встаю над ним. Опускаюсь на уровень его груди и подобно Скарлетт О'Хара картинно тру лоб.

Но он вдруг кричит и отталкивает меня от себя. Я ударяюсь о скамейку. Вскрикиваю,

ощутив во рту привкус крови. Алекс поднимается на ноги и с диким взглядом вытаскивает пистолет. Крича, я делаю выпад и ударом по голени снова сбиваю его с ног.

Я перехватываю пистолет, но он хватает меня за запястья и отводит его. Получается, что мы оба держим его пистолет.

— Брось! — кричит он, но я не слушаю.

Впиваюсь ногтями в его ладонь, он же в этот момент спускает курок. Выстрел оглушает, однако пуля летит в воздух. Я резко отвожу руки и ударяю по асфальту, заставляя его выпустить пистолет на тротуар.

Я царапаю его, оставляя кровавые полосы на ключицах.

— Кит, как ты могла? — кричит он. И его вопрос эхом звучит у меня в голове — как-как-как-как-как?

На мгновение мне удастся прижать его к земле, я упираюсь коленом ему в грудь и крепко держу его руки. Наклоняюсь к его лицу, так близко, почти касаясь.

— Я не Кит, — шиплю. — Я — Диана.

Но он не понимает.

Начинает вырываться. Я сопротивляюсь так, словно от этого зависит моя жизнь. Мы боремся до крови. Он ломает мне скулу. Я ему руку. Пространство вокруг забрызгивает кровью. Но ни один из нас не чувствует боли.

Но победитель этого боя известен заранее. Пускай он сильнее, но у меня за плечом годы тренировок и опыт. Каждый раз, когда мы замираем, я оказываюсь сверху и сдерживаю его. Сил у него все меньше.

И вот наконец он сдаётся.

Мы у подножия дуба. Кровь капает из ран обоих. Я сижу у него на груди, но даже не держу за руки. Он выдохся и ослаб, сопротивляться дальше не сможет. Мне остается лишь смотреть на него. А ему плакать.

Да, он плачет. Слезы медленно стекают по разбитому лицу. Кит бы поняла его слезы. Но я — не она. Я — Диана, и всегда ею буду.

— Как ты могла? — он всхлипывает. — Ты обвела меня вокруг пальца, использовала. Теперь... теперь убьешь? Я был лишь очередной галочкой твоей замороченной игры? Ты вообще хоть что-то чувствуешь? Больше тебе не сбежать. В этот раз тебя поймают. Ты ведь и сама это понимаешь, так ведь? Выстрел слышали многие. Смотри — даже свет повключали в домах. Полиция уже едет. Прибудут через несколько минут. Бежать тебе некуда.

Да, сюда уже едут. Но Алекс меня недооценивает. Если поспешу, то быстренько убью его и мы с мамой еще успеем на паром.

Может быть.

Время бежит слишком быстро. Уже поздно. И уже непонятно, что будет дальше. Но лучше что-то, чем ничего. Мама ждет меня. Наверняка скрестила руки на груди и нетерпеливо выдыхает облачка пара в небо. Она не уедет без меня, но если задержится — опоздает. Надо возвращаться. Я ей слишком многим обязана.

Я не отвечаю ему. Просто смотрю в глаза. Он не отводит взгляда, но вздрагивает. Снегопад усиливается. Убить его будет очень просто — легким ударом кулака в висок, или выверенным в нос, чтобы осколки костей проббили мозг.

— Я доверял тебе, — шепчет он. Только он ошибается, он доверял Кит, а я — Диана.

Но тут словно вспышка мелькает, и я вспоминаю, кто он. Алекс. Мой Алекс. Чистый наивный и такой умный — Алекс. Тот, кто обнимал меня после убийства Майкла.

Замечательный Алекс, которого я ужасно подло предала. Алекс, которого я не хотела отпускать, даже сейчас, больше всего я хотела обнять его запустить пальцы в волосы и, возможно, поцеловать?

Нельзя, напомнила я себе, глядя ему в глаза. Как же невыносимо видеть его таким разбитым. Никуда это не приведет нас. Слишком все сложно.

Как жаль, что мы это мы.

И я вспоминаю об остальных. Генри Моррисоне, глупой Луизе, докторе Марцелл, Майкле, его матери, Мэгги, Черри Роуз, моем вечно отсутствующем отце, снова Мэгги, раздавленной матери — которую я вряд ли когда-то снова увижу, по крайней мере, уже ничего не будет так, как прежде. Побег больше не вариант, даже если я убью Алекса.

Лица. Призрачные лица. Я пытаюсь их всех вспомнить. Те, о ком я старалась не думать. Лица, которые ускользают, как бы я ни пыталась.

Все так же сидя на Алексее, я прячу лицо в ладонях и начинаю плакать.

Не хочу быть Дианой. Хочу быть Кит. Хочу вернуть время вспять.

Уже слышен вой сирен.

— Просто убей меня. Достаточно уже, — надрывно просит Алекс. Как же больно. Он никогда не простит. Я и сама себя не прошу. Выхода больше нет. Конец истории. Побег не удался. Я была убийцей — из лучших. Вот только жила я в карточном домике, который разрушился и похоронил меня в своих руинах.

Кит я или Диана — уже не знаю. Я всей душой ненавижу Диану, означает ли это, что я ненавижу себя?

Я стою на перепутье. Вокруг бескрайняя пустыня. И указатель, на котором нет ни единого слова. А куда ни глянь — везде одно и то же.

Я протягиваю руки Алексу.

— Арестуй меня, — прошу я. — Идеальный Убийца — это я.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Заметки

[

←1

]

Базовая классная комната, где ученики собираются каждое утро, перед тем как разойтись по классам и лабораториям.

[

←2

]

Социальный конструкт или социальный концепт — это порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определённым условным правилам.

[

←3

]

Старший суперинтендант — старший разряд в полиции, организованной на британской модели.

[
←4

]

Термин "статус кво" используется сейчас, как правило, в контексте противопоставления серьезным, часто радикальным изменениям. Этот термин часто относится к глобальным явлениям, таким как современная культура, социальная жизнь всего общества или государства. "Статус кво" может также относиться к социальному статусу на работе или в школе.

[
←5

]

Это представители среднего класса, самого спорного из классов. Представители высшего среднего класса это не просто служащие или наемные работники, а так называемые «белые воротнички», высококвалифицированные сотрудники и тд.

[
←6

]

Неопалимая купина́ — в Пятикнижии: горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором Бог явился Моисею, пасшему овец в пустыне близ горы Синай.

[
←7

]

Согласно немецкому социологу Максимилиану Веберу — бесправная группа населения, лишённая необходимых социальных контактов и возможности вхождения в другие социальные группы. Обычно такая группа имеет свою религию, оправдывающую бесправию и презрение. Аналогичны отверженным и изгоям.

[
←8

]

Евангелие от Иоанна 14:6

«Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.»

[
←9

]

Диссоциальное расстройство личности (антисоциальное расстройство личности по DSM; социопатия; устаревшие названия — расстройство личности эмоционально малоспособных, антисоциальная психопатия, гебоидная психопатия, психопатия) — расстройство личности, характеризующееся антисоциальностью, игнорированием социальных норм, импульсивностью, агрессивностью и крайне ограниченной способностью формировать привязанности.

[
←10

]

Лестер Сквер — площадь, предназначенная только для пешеходов, расположенная в

Вест-Энде, который граничит с такими районами Лондона, как Сохо, Ковент-Гарден, Трафальгарская площадь и Пикадилли.

[

←11

]

Чуть больше полутора метров.

[

←12

]

Суждения о морали требуют истины. Если не существует истинной морали, то не имеют смысла и суждения о морали. Отсюда исходит, что моральные ценности совершенно иллюзорны (согласно моральному нигилизму).

[

←13

]

Самый известный универмаг Лондона. Он считается одним из самых больших и модных универмагов мира. Здание находится на Бромптон-Роуд в королевском боро Кенсингтон и Челси на западе Лондона. Площади универмага составляют 90 000 м², торговая площадь состоит из 330 отделов.

[

←14

]

Район в центральном Лондоне, к востоку от Гайд-парка, в «сити» Вестминстер. Ограничен с юга Грин-парком и Пикадилли, с востока — Риджент-стрит, с севера — Оксфорд-стрит, а также жилым кварталом Белгравия.

[

←15

]

What Child Is This? Мелодия гимна «Что за Дитя?» такая же, как у народной английской баллады шестнадцатого века «Greensleeves». Слова баллады были совсем не религиозного содержания, и на её мелодию были положены многие тексты, в том числе одна старая рождественская песня в 1642. Изначально лицензию на мелодию получил в 1580 году некий Ричард Джонс, хотя некоторые считают, что её написал король Англии Генрих VIII. Вполне возможно, что мелодия является народной, то есть она ещё более старая. Говорят, что под неё танцевала дочь Генриха, Елизавета I. Шекспир упоминает эту народную песню в «Виндзорских насмешницах».

Что за Дитя в хлеву чужом

Мария охраняет?

Небесный хор поёт о Нём,

А пастухи внимают.

Сей есть Христос Господь,
Пришедший в мир с небес высот.
Он нам Всевышним дан,
Спаситель, сын Марии.
Ему в дар золото, ладан
И смирну принесите.
Он Царь царей, пред ним скорей

Дверь сердца отворите.
Зачем же в яслях Он лежал,
Где овцам корм давали?
Чтоб каждый мог у Его ног

Сложить свои печали.

[
←16
]

Эгг-ног (англ. eggnog, egg-nog) — сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США и Канаде, странах Южной и Центральной Америки, Европе. Является традиционным рождественским напитком. Обычный состав эгг-нога: яйцо. сахар. молоко и/или сливки. алкоголь (ром, виски, бренди) (в алкогольной версии напитка). специи (корица, мускатный орех или другие по вкусу). В России распространен близкий ему напиток гоголь-моголь

[
←17
]

Отсылка к песне "Silent night"

[
←18
]

Лимб (лат. limbus — рубеж, край) — в католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее с адом или чистилищем.

[
←19
]

Понятие в античной философии; термин для обозначения процесса и результата

облегчающего, очищающего и облагораживающего воздействия на человека различных факторов.

[

←20

]

Дихотомия – разделение. Основная экзистенциальная дихотомия – это дихотомия жизни и смерти. Также есть дихотомия свободы и ответственности, близости и изоляции, бессмысленности и смысла жизни.